

ISSN 1694-5700

КЫРГЫЗСТАН тарыхынын маселелери

ВОПРОСЫ истории Кыргызстана

3

2010

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН УЛУТТУК ИЛИМДЕР
АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ ЖАНА МАДАНИЙ МУРАС ИНСТИТУТУ

КЫРГЫЗСТАН ТАРЫХЫНЫН МАСЕЛЕЛЕРИ

илимий журнал

жылына 4 жолу кыргыз жана орус тилдеринде чыгат,
рецензиялануучу басылмалардын тизмесине кирет

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

научный журнал

выходит 4 раза в год на кыргызском и русском языках,
входит в перечень ведущих рецензируемых изданий

№ 3 (19)

БИШКЕК – 2010

Жарыяланган материалдар КР УИА Тарых жана маданий мурас институтунун, ошондой эле журналдын редакциясынын көз караштарын сөзсүз түрдө чагылдырат дегенге болбойт.

2006-жылдан бери чыгат
Выходит с 2006 года

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения Института истории и культурного наследия НАН КР, а также редакции журнала.

РЕДАКЦИЈАЛЫК КОЛЛЕГИЈА

Башкы редактор
А. Джуманалиев

А. А. Асанканов, Т. И. Асанов, Т. Д. Джуманалиев, Дж. Дж. Джунушалиев, А. З. Жапаров, К. К. Каракеев, О. К. Каратаев (башкы редактордун орунбасары), А. Э. Кубатова (жооптуу катчы), З. К. Курманов, Э. Ж. Маанаев, Т. Т. Машрапов, Т. Н. Өмүрбеков, А. С. Ормушев, Ө. Ж. Осмонов, В. М. Плоских, Д. Б. Сапаралиев, Т. И. Старусева (башкы редактордун орунбасары), К. Ш. Табалдиев, К. И. Ташбаева.

ЭЛ АРАЛЫК РЕДАКЦИЈАЛЫК КЕҢЕШ МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. Х. Абусейитова (Казахстан), Р. Дор (Франция), Макелек Өмүрбай уулу (Кытай), В. Фурньо (Франция), А. А. Улуян (Россия)

МАЗМУНУ СОДЕРЖАНИЕ

КЫРГЫЗСТАН XIX-XXI кк. КЫРГЫЗСТАН В XIX-XXI вв.

<i>Старусева Т. И.</i> Великая Отечественная война: фронтовые дороги воинов-кыргызстанцев (к 65-летию Великой Победы).....	5
<i>Джунушалиева Г. Д.</i> Легкая промышленность Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны	11
<i>Болпонова А. Б.</i> Кыргызстан: Север – Юг проблема регионального вопроса	15
<i>Болпонова А. Б.</i> Обновленный традиционализм	21
<i>Букуева Ж. Ж.</i> Становление местного самоуправления в Кыргызстане	27
<i>Марасулова Н. А.</i> Международное сотрудничество Кыргызстана в сфере социальной защиты детей	34
<i>Абдымомунова К. С.</i> Мартовские события 2005 г.: роль и значение политических лидеров.....	41
<i>Толоева Б. Ш.</i> Проблемы активизации политического участия граждан в мартовских событиях 2005 г.....	45
<i>Эшанкулова Н. А.</i> Политическая элита Кыргызстана после 24 марта 2005 г.	50

БОРБОРДУК АЗИЯ ӨЛКӨЛӨРҮНҮН ТАРЫХЫНАН ИЗ ИСТОРИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Маматова А.</i> Түркстан генерал-губернаторлугунун структурасы жана функциялары.....	54
<i>Ташболотова С.</i> К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX- начале XX веков.....	59
<i>Турсунбаева Г. Э.</i> Центральная Азия во внешней политике КНР: основные этапы становления и развития отношений.....	64
<i>Хабижанова Г. Б.</i> Огузские сюжеты в этнической истории тюркских племен Западного Казахстана.....	74
<i>Картаева Т. Е.</i> Этногеография казахов нижнего течения реки Сырдарья (вторая пол. XIX века - нач. XX века).....	79

ТАРЫХНААМА ИСТОРИОГРАФИЈА

<i>Утрекеева Ж. А.</i> История образования кыргызской государственности в первые годы Советской власти: историография проблемы.....	85
<i>Утрекеева Ж. А.</i> Выдающиеся деятели кыргызского народа периода становления кыргызской советской государственности в историографии суверенного Кыргызстана	93

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНИКАЛЫК МАСЕЛЕЛЕР
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

- Акерев Т. А. Об этнонимах «хягяс», «хасха» и «кыргыз»..... 101
Куттубекова В. М. Кыргыздардын совет мезгилиндеги үйдө тамак
ичүү системасы 117

КЫРГЫЗСТАН XIX-XXI кк.
КЫРГЫЗСТАН В XIX-XXI вв.

Т. И. Старусева

Великая Отечественная война:
фронтовые дороги воинов-кыргызстанцев
(к 65-летию Великой Победы)

65 лет назад советский народ в смертельной борьбе с фашизмом отстоял честь и независимость своей многонациональной Родины, спас мир от порабощения, выполнив величайшую интернациональную освободительную миссию.

От начала и до конца Великой Отечественной войны рядом с русскими, украинцами, белорусами и другими представителями великой семьи народов, воины-кыргызстанцы стойко и мужественно сражались на всех участках боевых действий, проявляя героизм, храбрость и презрение к смерти. Об этом свидетельствовали каждый бой, каждое сражение, вся война.

В своих планах на уничтожение пограничных комендатур гитлеровцы отводили всего полчаса, но на протяжении всей западной границы не нашлось ни одной заставы, которая бы дрогнула перед численно превосходящим и самоуверенным врагом. Брестскую крепость самоотверженно защищали воины более 30 национальностей, в течение 6 месяцев ведя неравную борьбу. Также упорно сражались части и соединения, находившиеся на границах или недалеко от них.

Среди первых героев Советского Союза был и воин-кыргызстанец, наводчик орудия Н. М. Дмитриев. 10 июля 1941 г. в момент прорыва фашистских танков в районе г. Борисов (Белорусская ССР) он подбил 3 танка, причем третий уже с 17-ю осколками в теле.

Истребляя и изматывая отборные фашистские дивизии в ожесточенных оборонительных сражениях, Красная Армия наносила противнику невосполнимые потери, а главное – выигрывала драгоценное время. Сейчас на Западе находятся "исследователи", утверждающие, что у советских войск был "низкий боевой дух" и вначале они панически отступали, но истинный ход событий опровергает эту наглую ложь. "...Глубоко заблуждаются те, – отмечал Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, – кто видит в событиях начального периода только неудачи нашей армии, обусловленные внезапностью нападения агрессора. Нельзя забывать, что именно

Старусева Т. И. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и культурного наследия НАН КР

эти грозные дни убедительно показали всему миру, что Красная Армия способна выдержать любые, самые тяжелые испытания. Бесстрашие и мужество наших воинов развеяли в прах все планы врага"¹.

Иллюзии легких побед, после триумфального марша на Западе, развеяли первое танковое сражение под Луцком, Бродами и Ровно, героическая защита Бреста, Киева и Одессы, поражение гитлеровцев под Тихвином и Ростовом, упорная оборона Ленинграда и Севастополя, а сражение под Смоленском помешало прорваться с ходу к Москве.

Однако решающим событием первого года Великой Отечественной войны, сорвавшим авантюристический план блицкрига, стала историческая битва под Москвой. Здесь столкнулись главные группировки советских и немецко-фашистских войск. В рядах защитников столицы были представители всех народов СССР. Неувядаемой славой покрыли себя воины легендарной дивизии генерала И. В. Панфилова.

О мужестве и отваге воинов дивизии и их талантливом командире генерал-майоре И.В. Панфилове писали в телеграмме на имя Президиума Верховного Совета Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии командующий 16-й армией генерал армии К.К. Рокоссовский и член Верховного Совета А.А. Лобачев: "Киргизский народ, возрожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, тесно связан с Красной Армией. Трудящиеся Киргизской ССР активно участвуют в борьбе всего советского народа против фашистских захватчиков. Они воспитали немало героических защитников Родины, показывающих образцы храбрости и презрения к смерти в борьбе с немецким фашизмом. 316-я стрелковая дивизия, созданная из лучших сынов киргизского народа, в боях с германским фашизмом на подступах к Москве покрыла себя боевой славой, награждена орденом Красного знамени, удостоена звания гвардейской стрелковой дивизии. Имя командира 8-й гвардейской дивизии генерал-майора Панфилова, его славные дела являют собой пример героизма, преданности своему Отечеству, знания военного дела для нас – бойцов, командиров и политработников армии"².

В тяжелейших упорных боях враг был отброшен от столицы и это было начало коренного поворота в ходе войны, ибо развеялся миф о непобедимости гитлеровской армии, а перед ней встала перспектива затяжной войны, что совсем не входило в ее планы. Это поражение отрезвляюще действовало и на союзников Германии – Турцию и Японию, которые вынуждены были занять выжидательную позицию, отказавшись от вступления в войну. Победа под Москвой укрепила моральный дух советского народа, его веру в разгром врага.

С беспредельным мужеством, являя миру образцы стойкости и героизма, держались ленинградцы и защитники осажденного города. В их строю находились и воины-кыргызстанцы О. Джетыкашкаев, Маткурбан Юнусалиев, Абдурасул Абдугапаров и многие другие. "Бесстрашные сыны киргизского народа, – говорится в письме секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), члена Военного Совета Ленфронта А. А. Жданова и председателя исполкома Ленсовета П.С. Попкова, – плечом к плечу, нога в ногу со всеми сынами нашей великой Родины отважно сражаются в рядах героической Красной Армии и Флота, нанося сокрушительные удары гитлеровским полчищам. Славные дела киргизов - бойцов Красной Армии – войдут яркой страницей в историю Великой Отечественной войны с немецким фашизмом"³.

Летом и осенью 1942 г. развернулась ожесточенная борьба на южном крыле советско-германского фронта, вылившаяся в два взаимосвязанных события войны – в величайшую битву под Сталинградом и сражение за Кавказ. Фашисты, пользуясь отсутствием второго фронта, стремились перерезать важную водную артерию страны – Волгу, захватить Баку, овладеть Кавказом и поставить Советский Союз в тяжелое экономическое положение. Однако наступление гитлеровской армии разбилось о непреодолимую стойкость защитников Сталинграда и Кавказа, а стратегический план немецкого командования, как и в 1941 году, был снова сорван.

В боях на подступах к Сталинграду исключительное мужество и презрение к смерти проявил Чолпонбай Тулебердиев, закрыв в решающий момент своим телом амбразуру вражеского дзота. Подвиг героя обеспечил товарищам переправу через Дон и взятие стратегически важных объектов.

Рука об руку с народами-братьями на берегу Волги и при защите Кавказа храбро сражались воины-кыргызстанцы, политруки рот, ранее секретари Джалал-Абадского обкома ЛКСМ Киргизии Кубат Джумабаев и Тянь-Шаньского обкома комсомола – Сулайман Джундубаев, кавалеристы А.А. Титов и А.И. Волковенко, пехотинцы Керим Кирбакбаев, Муса Есенгулов, Акбар Салиев и многие другие.

В рядах народных мстителей – партизан Ленинградской и Псковской областей, Украины, Белоруссии и Крыма сражались воины-кыргызы. Только в партизанском соединении А.М. Грабчака на Украине было 17 кыргызов, а в Путивльском отряде Сумской области, у легендарного С.А. Ковпака, отважно сражались Джапар Джабаев и Ишенкул Бейшеналиев. В одном из ожесточенных сражений под Псковом, продолжавшемся 5 суток, прикрывая отходящие подразделения партизан, пал смертью храбрых Аширбай Коенкозов, ранее прославленный разведчик панфиловской дивизии⁴.

Подлинно интернациональным соединением из представителей 28 национальностей являлась 4-я стрелковая бригада из числа войск Закавказского фронта, сформированная в Киргизии. Поклявшись стоять насмерть, она преградила путь фашистам, намеревавшимся овладеть Грозным и войти в Баку⁵.

В дни ликвидации окруженной под Сталинградом 300-тысячной группировки противника, отличилась 27-я гвардейская стрелковая дивизия полковника В.С. Глебова, в составе которой были представители более 30 национальностей. Командир отделения Джумар Курманов в упор расстрелял 17 фашистов⁶.

Наводчик истребительного артиллерийского полка 31-й истребительной противотанковой артиллерийской бригады Юго-Западного фронта Даир Асанов за 4 часа боя уничтожил 8 танков, 6 бронемашин и до 40 гитлеровцев. За образцовое выполнение боевого задания и мужество, проявленное при этом, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Беззаветное мужество продемонстрировали десантники 18-й армии во главе с майором Ц.Л.Кунниковым. Они в течение семи месяцев удерживали захваченный плацдарм, сыграв тем самым решающую роль в освобождении Новороссийска. Л.И.Брежнев описал их подвиг в книге "Малая земля". В числе многих других высокие награды Родины получили и воины-кыргызстанцы В.В. Швыдко, Исман Кошоев, Л. Краснова.

Славный боевой путь, начиная со Сталинграда, прошла танковая колонна "Советский Киргизстан", построенная на средства трудящихся республики. Она совершила 100-километровый рейд в глубокий тыл противника, переправившись на западный берег Северного Донца в районе г. Каменска, внезапным ударом освобождая населенные пункты и города, уничтожая и захватывая боевую технику и живую силу противника; 22 танкиста из этой колонны были награждены орденами и медалями⁷.

За время боевых действий, с мая 1942 по сентябрь 1944 года, отличилась старший лейтенант Е.Б. Пасько. На боевом счету штурмана женского легкомобильного авиационного полка, ставшего впоследствии гвардейским, было 780 ночных полетов. За боевые подвиги она была награждена шестью орденами, множеством медалей; ей было присвоено звание Героя Советского Союза⁸.

Исключительную стойкость и мужество проявил в боях на подступах к Харькову кыргызстанец В.П. Петрищев. В своих мемуарах маршал Г.К. Жуков писал о нем: "...Особенно ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевого, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В.П. Петрищева. Когда в живых осталось всего лишь семь человек, В.П. Петрищев, обращаясь к бойцам, сказал: "Товарищи, будем стоять на высоте, как стояли панфиловцы у Дубосеково. Умрем, но не уступим!" И не уступили. Героические бойцы удержали высоту до подхода частей дивизии⁹.

В боях под Орлом, Курском, Белгородом летом 1943 г. только в составе 13-й армии генерала Н.П. Пухова 52-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий рядом с русскими, украинцами, белорусами сражались 937 воинов-кыргызов¹⁰.

В Курской битве прославил себя кыргызстанец Мансуз Вонахун, командир орудия 232-го минометного полка 11-й минометной бригады Центрального фронта. Оказавшись со своим расчетом в окружении, Вонахун, после его гибели, один отражал атаки противника. Будучи тяжело раненым, он уничтожил миномет, мины и более 50 гитлеровцев. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза¹¹.

В сражении под Курском гитлеровцы предприняли последнюю попытку вернуть утраченную ими стратегическую инициативу. Разгром фашистской группировки завершился решительным контрнаступлением, переросшим затем в общее наступление от Великих Лук до Черного моря. Крупные наступательные операции советских войск по освобождению Левобережной Украины и Донбасса, форсирование с ходу Днепра, наступление под Ленинградом и на Правобережной Украине, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике закономерно привели к изгнанию врага за границы Отечества.

В составе войск Западного фронта наращивала силу ударов по врагу кыргызстанская 40-я отдельная бригада. В боях под Москвой она была награждена орденом Красного Знамени, затем в июне 1943 г. на ее базе создается 207-я стрелковая дивизия. Свыше 3000 ее воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза и среди них кыргызстанцы – Маан Туратов, Козубай Ахматжанов, Кулин Курманов, Базарбек Теликматов, Мамед Кутманов – как особо отличившиеся при выполнении

КЫРГЫЗСТАН XIX-XXI КК. КЫРГЫЗСТАН В XIX-XXI ВВ.

Т. И. Старусева

Великая Отечественная война: фронтные дороги воинов-кыргызстанцев (к 65-летию Великой Победы)

65 лет назад советский народ в смертельной борьбе с фашизмом отстаивал честь и независимость своей многонациональной Родины, спас мир от порабощения, выполнив величайшую интернациональную освободительную миссию.

От начала и до конца Великой Отечественной войны рядом с русскими, украинцами, белорусами и другими представителями великой семьи народов, воины-кыргызстанцы стойко и мужественно сражались на всех участках боевых действий, проявляя героизм, храбрость и презрение к смерти. Об этом свидетельствовали каждый бой, каждое сражение, вся война.

В своих планах на уничтожение пограничных комендатур гитлеровцы отводили всего полчаса, но на протяжении всей западной границы не нашлось ни одной заставы, которая бы дрогнула перед численно превосходящим и самоуверенным врагом. Брестскую крепость самоотверженно защищали воины более 30 национальностей, в течение 6 месяцев ведя неравную борьбу. Также упорно сражались части и соединения, находившиеся на границах или недалеко от них.

Среди первых героев Советского Союза был и воин-кыргызстанец, наводчик орудия Н. М. Дмитриев. 10 июля 1941 г. в момент прорыва фашистских танков в районе г. Борисов (Белорусская ССР) он подбил 3 танка, причем третий уже с 17-ю осколками в теле.

Истребляя и изматывая отборные фашистские дивизии в ожесточенных оборонительных сражениях, Красная Армия наносила противнику невосполнимые потери, а главное – выигрывала драгоценное время. Сейчас на Западе находятся "исследователи", утверждающие, что у советских войск был "низкий боевой дух" и вначале они панически отступали, но истинный ход событий опровергает эту наглую ложь. "...Глубоко заблуждаются те, – отмечал Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, – кто видит в событиях начального периода только неудачи нашей армии, обусловленные внезапностью нападения агрессора. Нельзя забывать, что именно

Старусева Т. И. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и культурного наследия НАН КР

эти грозные дни убедительно показали всему миру, что Красная Армия способна выдержать любые, самые тяжелые испытания. Бесстрашие и мужество наших воинов развеяли в прах все планы врага"¹.

Иллюзии легких побед, после триумфального марша на Западе, развеяли первое танковое сражение под Луцком, Бродами и Ровно, героическая защита Бреста, Киева и Одессы, поражение гитлеровцев под Тихвином и Ростовом, упорная оборона Ленинграда и Севастополя, а сражение под Смоленском помешало прорваться с ходу к Москве.

Однако решающим событием первого года Великой Отечественной войны, сорвавшим авантюристический план блицкрига, стала историческая битва под Москвой. Здесь столкнулись главные группировки советских и немецко-фашистских войск. В рядах защитников столицы были представители всех народов СССР. Неувядаемой славой покрыли себя воины легендарной дивизии генерала И. В. Панфилова.

О мужестве и отваге воинов дивизии и их талантливом командире генерал-майоре И.В. Панфилове писали в телеграмме на имя Президиума Верховного Совета Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии командующий 16-й армией генерал армии К.К. Рокоссовский и член Верховного Совета А.А. Лобачев: "Киргизский народ, возрожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, тесно связан с Красной Армией. Трудящиеся Киргизской ССР активно участвуют в борьбе всего советского народа против фашистских захватчиков. Они воспитали немало героических защитников Родины, показывающих образцы храбрости и презрения к смерти в борьбе с немецким фашизмом. 316-я стрелковая дивизия, созданная из лучших сынов киргизского народа, в боях с германским фашизмом на подступах к Москве покрыла себя боевой славой, награждена орденом Красного знамени, удостоена звания гвардейской стрелковой дивизии. Имя командира 8-й гвардейской дивизии генерал-майора Панфилова, его славные дела являют собой пример героизма, преданности своему Отечеству, знания военного дела для нас – бойцов, командиров и политработников армии"².

В тяжелейших упорных боях враг был отброшен от столицы и это было начало коренного поворота в ходе войны, ибо развеялся миф о непобедимости гитлеровской армии, а перед ней встала перспектива затяжной войны, что совсем не входило в ее планы. Это поражение отрезвляюще действовало и на союзников Германии – Турцию и Японию, которые вынуждены были занять выжидательную позицию, отказавшись от вступления в войну. Победа под Москвой укрепила моральный дух советского народа, его веру в разгром врага.

С беспредельным мужеством, являя миру образцы стойкости и героизма, держались ленинградцы и защитники осажденного города. В их строю находились и воины-кыргызстанцы О. Джетыкашкаев, Маткурбан Юнусалиев, Абдурасул Абдугапаров и многие другие. "Бесстрашные сыны киргизского народа, – говорится в письме секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), члена Военного Совета Ленфронта А. А. Жданова и председателя исполкома Ленсовета П.С. Попкова, – плечом к плечу, нога в ногу со всеми сынами нашей великой Родины отважно сражаются в рядах героической Красной Армии и Флота, нанося сокрушительные удары гитлеровским полчищам. Славные дела киргизов – бойцов Красной Армии – войдут яркой страницей в историю Великой Отечественной войны с немецким фашизмом"³.

Летом и осенью 1942 г. развернулась ожесточенная борьба на южном крыле советско-германского фронта, вылившаяся в два взаимосвязанных события войны – в величайшую битву под Сталинградом и сражение за Кавказ. Фашисты, пользуясь отсутствием второго фронта, стремились перерезать важную водную артерию страны – Волгу, захватить Баку, овладеть Кавказом и поставить Советский Союз в тяжелое экономическое положение. Однако наступление гитлеровской армии разбилося о непреодолимую стойкость защитников Сталинграда и Кавказа, а стратегический план немецкого командования, как и в 1941 году, был снова сорван.

В боях на подступах к Сталинграду исключительное мужество и презрение к смерти проявил Чолпонбай Тулебердиев, закрыв в решающий момент своим телом амбразуру вражеского дзота. Подвиг героя обеспечил товарищам переправу через Дон и взятие стратегически важных объектов.

Рука об руку с народами-братьями на берегу Волги и при защите Кавказа храбро сражались воины-кыргызстанцы, политруки рот, ранее секретари Джалал-Абадского обкома ЛКСМ Киргизии Кубат Джумабаев и Тянь-Шаньского обкома комсомола – Сулайман Джундубаев, кавалеристы А.А. Титов и А.И. Волковенко, пехотинцы Керим Кирбакбаев, Муса Есенгулов, Акбар Салиев и многие другие.

В рядах народных мстителей – партизан Ленинградской и Псковской областей, Украины, Белоруссии и Крыма сражались воины-кыргызы. Только в партизанском соединении А.М. Грабчака на Украине было 17 кыргызов, а в Путивльском отряде Сумской области, у легендарного С.А. Ковпака, отважно сражались Джапар Джабаев и Ишенкул Бейшеналиев. В одном из ожесточенных сражений под Псковом, продолжавшемся 5 суток, прикрывая отходящие подразделения партизан, пал смертью храбрых Аширбай Коенкозов, ранее прославленный разведчик панфиловской дивизии⁴.

Подлинно интернациональным соединением из представителей 28 национальностей являлась 4-я стрелковая бригада из числа войск Закавказского фронта, сформированная в Киргизии. Поклявшись стоять насмерть, она преградила путь фашистам, намеревавшимся овладеть Грозным и войти в Баку⁵.

В дни ликвидации окруженной под Сталинградом 300-тысячной группировки противника, отличилась 27-я гвардейская стрелковая дивизия полковника В.С. Глебова, в составе которой были представители более 30 национальностей. Командир отделения Джумар Курманов в упор расстрелял 17 фашистов⁶.

Наводчик истребительного артиллеристского полка 31-й истребительной противотанковой артиллеристской бригады Юго-Западного фронта Даир Асанов за 4 часа боя уничтожил 8 танков, 6 бронемашин и до 40 гитлеровцев. За образцовое выполнение боевого задания и мужество, проявленное при этом, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Беззаветное мужество продемонстрировали десантники 18-й армии во главе с майором Ц.Л.Кунниковым. Они в течение семи месяцев удерживали захваченный плацдарм, сыграв тем самым решающую роль в освобождении Новороссийска. Л.И.Брежнев описал их подвиг в книге "Малая земля". В числе многих других высокие награды Родины получили и воины-кыргызстанцы В.В. Швыдко, Исман Кошоев, Л. Краснова.

Славный боевой путь, начиная со Сталинграда, прошла танковая колонна "Советский Киргизстан", построенная на средства трудящихся республики. Она совершила 100-километровый рейд в глубокий тыл противника, переправившись на западный берег Северного Донца в районе г. Каменска, внезапным ударом освобождая населенные пункты и города, уничтожая и захватывая боевую технику и живую силу противника; 22 танкиста из этой колонны были награждены орденами и медалями⁷.

За время боевых действий, с мая 1942 по сентябрь 1944 года, отличалась старший лейтенант Е.В. Пасько. На боевом счету штурмана женского легкомобильного авиационного полка, ставшего впоследствии гвардейским, было 780 ночных полетов. За боевые подвиги она была награждена шестью орденами, множеством медалей; ей было присвоено звание Героя Советского Союза⁸.

Исключительную стойкость и мужество проявил в боях на подступах к Харькову кыргызстанец В.П. Петрищев. В своих мемуарах маршал Г.К. Жуков писал о нем: "...Особенно ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевого, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В.П. Петрищева. Когда в живых осталось всего лишь семь человек, В.П. Петрищев, обращаясь к бойцам, сказал: "Товарищи, будем стоять на высоте, как стояли панфиловцы у Дубосеково. Умрем, но не уступим!" И не уступили. Героические бойцы удержали высоту до подхода частей дивизии⁹.

В боях под Орлом, Курском, Белгородом летом 1943 г. только в составе 13-й армии генерала Н.П. Пухова 52-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий рядом с русскими, украинцами, белорусами сражались 937 воинов-кыргызов¹⁰.

В Курской битве прославил себя кыргызстанец Мансуз Вонахун, командир орудия 232-го минометного полка 11-й минометной бригады Центрального фронта. Оказавшись со своим расчетом в окружении, Вонахун, после его гибели, один отражал атаки противника. Будучи тяжело раненым, он уничтожил миномет, мины и более 50 гитлеровцев. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза¹¹.

В сражении под Курском гитлеровцы предприняли последнюю попытку вернуть утраченную ими стратегическую инициативу. Разгром фашистской группировки завершился решительным контрнаступлением, переросшим затем в общее наступление от Великих Лук до Черного моря. Крупные наступательные операции советских войск по освобождению Левобережной Украины и Донбасса, форсирование с ходу Днепра, наступление под Ленинградом и на Правобережной Украине, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике закономерно привели к изгнанию врага за границы Отечества.

В составе войск Западного фронта наращивала силу ударов по врагу кыргызстанская 40-я отдельная бригада. В боях под Москвой она была награждена орденом Красного Знамени, затем в июне 1943 г. на ее базе создается 207-я стрелковая дивизия. Свыше 3000 ее воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза и среди них кыргызстанцы – Маан Туратов, Козубай Ахматжанов, Кулин Курманов, Базарбек Теликматов, Мамед Кутманов – как особо отличившиеся при выполнении

боевого задания. В боях за плацдарм на Западном берегу Днепра высшей награды – звания Героя Советского Союза удостоились Анварбек Чортеков, Садык Али-Назаров, А.А. Кривошеков, Мамасалы Тешебаев, В.Г. Крикун, В.Я. Беляндра, П.И. Свечников, М.Г. Сапожников, Е.К. Мазков.

Звание Героя Советского Союза за форсирование крупных водных преград, закрепление и расширение плацдармов на западных берегах и проявленные при этом отвагу и героизм был удостоен ряд других кыргызстанцев. Среди них И.П. Красильников, Х.Г. Гадельшин, Т. Джумабаев, И.С. Решетников, С.С. Овчаров, Н.А. Зверев, П.С. Пономарев, А.В. Фуковский, Г.Ф. Пантелеев, А.И. Романютин¹². Умение сражаться и мужество проявили и другие кыргызстанцы, в том числе гвардии капитан, командир батареи Виктор Мельников, награжденный многими боевыми наградами и впоследствии штурмовавший Прагу.

Победой под Курском и выходом советских войск к Днепру завершился коренной перелом в Великой Отечественной войне. Уделом фашистской армии стала оборона, что нашло выражение, в частности, в создании Восточного вала и так называемых "зон выжженной земли", но это уже была агония смертельно раненого зверя. В Германии проводилась тотальная мобилизация. Играя на противоречиях участников антигитлеровской коалиции, фашизм делал ставку на заключение сепаратного мира с Англией и США, но и этим планам не суждено было сбыться. Началась новая стадия – освобождение поработанных народов и завершение разгрома Германии.

В завершающих наступательных операциях 1944-1945 гг. участвовали и воины-кыргызстанцы. Звания Героя Советского Союза были удостоены К.Джаркимбаев, Д.Н. Пичугин, Е.Г. Курочкин, Л.И. Царенко, Р.Азимов, С.З. Сухин, А.М. Хищенко, Н.М. Рудь, Д.М. Афанасьев, Д.И. Панфилов, Кальинур Усенбеков, К.Г. Громов, С.Лутфулин, И.А. Гришин, П.Ф. Колесников, Е.В. Трясин, В.В. Степаненко, И.Ф. Гавриш, Н.П. Мирошниченко, М.Н. Бабкин, К.Г.Разенко. Посмертно этого высокого звания удостоены О.Якубов, Дж.Асаналиев, Н.С. Калашников, А.Оторбаев, С.Садыков, В.М. Кайкин.

Немало фронтовых дорог от Москвы до Берлина прошли кыргызстанцы, за выдающуюся доблесть, мужество и отвагу удостоенные орденами Славы трех степеней. Среди них И. Осмонов, Н. Байтурсунов, И. Кадыркулов, А. Паршев, М.П. Бадыгин, У. Бейшеев, А.П. Ковпак, М.К. Герасимов, А. Карымшаков, И.Б. Иванов и многие другие¹³.

Прославилась в Берлинской операции и киргизстанская 385-я стрелковая дивизия, входившая в состав 2-го Белорусского фронта. Она закончила свой боевой путь на Эльбе, южнее города Людвигслуст. Особо отличившиеся бойцы, командиры и политработники дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза, сотни и тысячи награждены орденами.

В величественном параде Победы участвовали и фронтовики-кыргызстанцы – Герои Советского Союза Дмитрий Иванович Панфилов и Василий Яковлевич Беляндра. 200 знамен поверженной гитлеровской армии были брошены к подножию Мавзолея. Так бесславно закончилась фашистская авантюра, стоившая народам мира более 50 млн. жизней, а Советскому Союзу – более 20 млн. человек. Представители всех народов СССР отстаивали свободу своей Родины, спасли мир от фашизма и эту Великую

Победу у них не отнять никому, ибо историческая память будет передаваться от поколения к поколению как знак величайшего всенародного подвига.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Великая Отечественная война. – М., 1984. – С. 72-73.
- ² Герой Советского Союза генерал-майор Иван Васильевич Панфилов: Сб. документов. – Фрунзе, 1948. – С. 69-70.
- ³ Советская Киргизия. – 1942. – 5 апреля.
- ⁴ Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979. – С. 369.
- ⁵ Советская Киргизия. – 1943. – 12 января.
- ⁶ Артемьев А.П. Братский союз народов СССР в Великой Отечественной войне. – М. 1975. – С. 125-126.
- ⁷ Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики, ф. 56, оп.1, д. 982, л. 122; Советская Киргизия. – 1943. – 1 мая.
- ⁸ Керимбаев С. Всенародный подвиг. – Фрунзе, 1970. – С. 110-111.
- ⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. – С. 515-516.
- ¹⁰ Артемьев А.П. Указ. работа. – С. 142, 145.
- ¹¹ Шыйуэди Чин ("Знамя Октября") – орган ЦК КП Киргизии, Верховного Совета и Совета Министров Кыргызской ССР). – 1959. – 12 мая.
- ¹² Керимбаев С.К. Советский Кыргызстан в Великой Отечественной войне 1941-1945. – Фрунзе, 1980. – С. 247-252.
- ¹³ Там же – С. 277-278.

Г. Д. Джунушалиева

**Легкая промышленность Кыргызстана
в годы Великой Отечественной войны**

Все силы и средства были подчинены единой цели – поддержать фронт, дать ему все необходимое. Предприятия легкой промышленности Кыргызстана переключились на выполнение военных заказов. Они изготавливали текстильное и трикотажное белье, обмотки, гимнастерки, брюки, шинели, обувь, ремни, полевые сумки, кавалерийские седла, упряжь. Из месяца в месяц увеличивался выпуск продукции для фронта. В Кыргызстан были эвакуированы из временно оккупированных местностей станки, машины и целые предприятия. Много труда было положено, чтобы помочь эвакуированным предприятиям в самый короткий срок возобновить производство, начать выпуск продукции для фронта. На новом месте вступили в строй трикотажная фабрика имени Микояна, швейная фабрика имени Осоавиахима, вторая трикотажная фабрика и другие.

В годы войны были организованы также овчинно-шубно-клееваренный завод, чулочная и шорно-галантерейная фабрики. Начато строительство первой в республике прядильной фабрики, которая в 1946 году будет снабжать пряжей из местного хлопка трикотажную промышленность республики. В областных и крупных районных центрах – Оше, Джалал-Абаде, Пржевальске, Нарыне, Таласе, Чалдоваре – организованы швейно-обувные фабрики и кожевенные заводы. Они сыграли в годы войны значительную роль в снабжении трудящихся товарами широкого потребления, одновременно выпустили много продукции для Красной Армии.

К концу войны в системе Наркомата легкой промышленности Кыргызстана насчитывалось двадцать фабрик и заводов, где работало 4 тысячи человек. Валовая продукция этих предприятий в 1944 году составила 23127 тысяч рублей¹. За время войны выпущено 5,7 млн. штук швейных изделий, 821 тысяч пар обуви, 2,9 млн. трикотажных изделий, 821 тысяч пар чулок и носков. На предприятиях Кыргызстана в военные годы изготовлено обмундирование для десятков дивизий Красной Армии, а снаряжения хватило бы для экипировки нескольких сотен полков. Выпуск верхнего трикотажа за годы войны увеличился в шесть раз, трикотажного белья – пять, обуви – в два с половиной, швейных изделий – в два раза.

Росту производительности труда на предприятиях легкой промышленности способствовало оснащение цехов моторами и машинами. В 1940 году на фабриках и заводах Наркомлегпрома Кыргызстана было только 53 мотора с общей мощностью 307 киловатт, к началу 1945 года их насчитывалось уже 513 с мощностью 790 киловатт. Количество машин за это время увеличилось почти в четыре раза. В годы войны были смонтированы первые конвейеры на швейных и трикотажных фабриках. К концу войны их насчитывалось девять.

Первая государственная фабрика в Кыргызстане была создана в 1931 году. В 1941 году все производство фабрики переключилось на выпуск

Джунушалиева Г. Д. – канд. ист. наук, докторант КРСУ

военной продукции – шинелей, гимнастеров и другого обмундирования для Красной Армии.

С началом войны швейная фабрика имени Осоавиахима была эвакуирована с Украины. Небольшую группу приехавших с оборудованием рабочих и инженерно-технических работников разместили в клубах и общежитиях. Через несколько дней коллектив фабрики взялся за восстановление предприятия. В непригодном помещении в возможно более короткий срок надо было создать условия, чтобы рабочие могли давать продукции больше чем до войны. Ощущалась острая нехватка специалистов, работать приходилось в нетопленном помещении, на открытом воздухе. Эвакуированное оборудование прибывало по частям. Полностью предприятие было закончено во втором квартале 1942 года. Потребовалось капитально отремонтировать и переоборудовать помещение, выстроить трансформаторную подстанцию, закройный цех, склад сырья и контору. В пошивочном цехе смонтировали и пустили универсальные и специальные машины, три конвейера. И уже на второй год своего существования в новой республике фабрика стала передовым производством, которое бесперебойно и систематически перевыполняло план. В систему Наркомлегпрома Кыргызстана вошла 2-я швейная фабрика имени Осоавиахима. В 1942 году изделий было выпущено на 1577,0 тыс. рублей, а в 1943 году на 2752 тыс. рублей². Выработка на одного рабочего за годы войны увеличилась больше, чем вдвое. За три с половиной года коллектив фабрики изготовил такое количество обмундирования, которого хватило бы на сорок дивизий.

В начале 1943 года, по решению Совнаркома Киргизии, один из цехов фабрики имени Осоавиахима и цех 1-ой обувной фабрики были выделены в самостоятельное предприятие – фабрику индивидуальных заказов одежды и обуви. Главной задачей новой фабрики было обслуживание населения столицы и республики. Производство пришлось развертывать в трудных условиях. Нехватало квалифицированных кадров. Но, благодаря высокой производительности труда и применению стахановских методов, фабрика уже в первый год существования выполнила план на 120%. За последние два года войны фабрика одела и обула 44 тысячи человек. В 1941 году 1-я государственная фабрика пополнилась оборудованием, эвакуированным из Курска, стала выпускать мужское белье, трико, майки и трусы.

13 октября 1941 года во Фрунзе было эвакуировано оборудование Харьковской трикотажной фабрики. Машины были привезены с небольшим коллективом специалистов-трикотажников. Фабрика была размещена в селе Ворошиловском, в здании, где раньше находилась артель «Кара-Курай». Одновременно шла подготовка новых кадров. Из Харькова прибыло пятнадцать плоскофанговых вязальных машин, двадцать восемь швейных, петельные и закрепочные машины и другое специальное оборудование. Фабрика получила название 2-й трикотажной. Оборудование продолжало пополняться машинами других трикотажных предприятий. Сюда же позднее поступило оборудование харьковской фабрики фурнитуры и галантереи. Коллективу трикотажной фабрики пришлось своими силами смонтировать механизмы, значительная часть которых не имела важных деталей. В сентябре 1942 года монтаж и ремонт оборудования были закончены, кадры обучены. Энергии от собственной электростанции уже не хватало. Фабрика была включена в снабжение от городской электросети и

стала работать в две смены. В июле 1944 года было принято решение трикотажную фабрику, не меняя ее профиля, перевести в город Ош, а в освобожденных производственных помещениях разместить оборудование вновь организуемой первой в Кыргызстане, чулочной фабрики.

Вскоре началась перестройка. В августе 1944 года часть оборудования трикотажной фабрики была демонтирована и началась установка первых двадцати автоматов. К осени их стало пятьдесят шесть. Поступило оборудование из Чимкентской чулочной фабрики. Почти все машины требовали восстановительного ремонта. Запасных частей не было, никто из работников фабрики не имел опыта в обращении с чулочными машинами. Пришлось просить помощи у других трикотажных фабрик. К концу 1944 года удалось смонтировать только сорок автоматов. Продолжительное время предприятие работало с перебоями: плохо поступало сырье. За шесть месяцев 1944 года было выпущено всего лишь пятьдесят три тысячи пар чулок при годовом задании триста пятьдесят тысяч.

Трикотажная фабрика имени Микояна была эвакуирована из Харькова во Фрунзе в октябре 1941 года. Выделенное для ее размещения здание не было закончено. Уже на первом производственном совещании выяснилось, что ожидать окончания строительства и монтажа всего оборудования нельзя: фабрика должна была обслуживать нужды фронта, а сроки выполнения военных заказов были ограничены.

Было вынесено решение монтировать оборудование в еще незаконченных помещениях и вводить машины в эксплуатацию по мере их готовности – одну за другой. Одновременно с оборудованием из Харькова приехало только 70 рабочих и инженерно-технических работников. Уже через полгода фабричный коллектив превышал 400 человек. Фабрика состояла из шести цехов: мотального, вязального, красильного, закройного, швейного и механического. Общая пропускная способность их (в переводе на пряжу) 1100 килограммов в сутки. В 1941 году фабрика вырабатывала только фуфайки, футболки, майки, белье, в 1942 стала выпускать еще верхний трикотаж, чулки и носки. К концу 1942 года в ассортименте были изделия уже сорока трех наименований, в том числе – пуловеры, джемперы, свитеры, юбки, рейтузы, шарфы, вязаные сорочки, косынки и т.п. В 1943 году объем производства увеличился почти в два с половиной раза. А всего за время войны фабрика дала более двух миллионов штук трикотажных изделий, из них – 742 тысячи штук для Красной Армии.

Одновременно с оборудованием из Харькова приехало около 70 рабочих и инженерно-технических работников. Уже через полгода фабричный коллектив превышал 400 человек: в большинстве женщины, бывшие домохозяйки. Почти все они не имели никакой специальности, никакого опыта. Обучение шло в процессе работы. Фабрика состояла из шести цехов: мотального, вязального, красильного, закройного, швейного и механического. Общая пропускная способность их 1100 килограммов в сутки. В 1941 году фабрика вырабатывала только фуфайки, футболки, майки, белье, в 1942 году стала выпускать еще верхний трикотаж, чулки и носки. К концу 1942 года в ассортименте были изделия уже сорока трех наименований, в том числе – пуловеры, джемперы, свитеры, юбки, рейтузы, шарфы, вязаные сорочки, косынки и т.п. В 1943 году объем производства увеличился почти в два с половиной раза. А всего за время

войны фабрика дала более двух миллионов штук трикотажных изделий, из них 742 тысячи штук для Красной Армии.

По распоряжению Наркомата легкой промышленности Союза ССР в соответствии с решением СНК СССР в Кыргызстан направляются дополнительно следующие предприятия легкой промышленности.²

1. Прядильная фабрика «Красная поляна» мощностью 84 тыс. веретен. Фабрика начала уже прибывать к ноябрю 1941 года. Помимо прядильного оборудования, имеет две турбины по 100 квт; для размещения фабрики необходимо было не менее 7 тыс. кв. метров;

2. Харьковская орденоносная швейная фабрика им. Тинякова. Фабрика имела парк оборудования до 1000 машин. Для размещения необходимо было около 4 тыс. кв. метров, фабрика перенаправлена в Кыргызстан из станции Чуфарово, в условиях Кыргызстана фабрика была разделена на три небольшие фабрики;

3. Московская фабрика «Пласткож» № 1, с объемом выпуска в сутки до 3-х т. искусственной кожи, потребная площадь 2200-2500 кв. метров;

4. Харьковская фабрика индпошива с оборудованием до 100 швейных машин, необходимая площадь для размещения до 500 кв. метров;

5. Полтавская обувная фабрика № 12, механизировано вырабатывающая школьную и дошкольную обувь мощностью до 5 тыс. пар, потребная площадь для размещения до 3-х тыс. кв. метров;

6. Ростовская обувная фабрика индпошива № 6;

7. Таганрогская обувная фабрика индпошива;

8. Азовская обувная фабрика № 5;

9. Шахтинская обувная фабрика;

Все эти фабрики подлежат слиянию с местной обувной фабрикой индпошива.

10. Кунцевский кожзавод им. Серегина, который вливается во Фрунзенский кожзавод им. Панфилова;

11. Станиславская фабрика валяной обуви им. Тишиницкой, потребная площадь 400 кв. метров.

За 1940-1945 гг. валовая продукция промышленности группы «А» увеличивалась в среднем за год на 11,5, а продукция промышленности группы «Б» сократилась на 29%⁴. Повышение уровня промышленного потенциала Кыргызстана в годы войны создало определенную базу для дальнейшего развития ее народного хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Легкая промышленность Киргизии. – Фрунзе: изд-во Минн-ва Л. П. Кирг. ССР, 1946. – С.6.

² Там же. – С.13.

³ ЦГА ПД КР, ф. 56, оп. 2, д. 120, л. 28.

⁴ Аттокуров С.А. Промышленность Кыргызстана в годы великих битв. – Фрунзе, 1975. – С. 113.

Кыргызстан: Север – Юг проблема регионального вопроса

В постсоветских странах имеются ощутимые региональные размежевания. Например, они явно проявляются в Таджикистане, Украине, Молдавии, Казахстане, Российской Федерации, Кыргызстане и в других странах. Проблема формирования и существования региональных идентичностей пока не становилась предметом всестороннего рассмотрения.

Цель нашего исследования дать краткую историческую характеристику двум регионам Кыргызстана – «Севера и Юга», выделить их геополитические, культурные различия, что, на наш взгляд, послужили основой для формирования ментальности населения обоих регионов. Использованные факты не задавались целью противопоставления регионов, объективность изложения преследовалась изначально.

В результате мартовских событий 2005 г. в Кыргызстане известный кыргызский писатель и дипломат Ч.Айтматов призвал обратить внимание на проблему «Север – Юг», предложив обеим сторонам прекратить соперничество и сообща взяться за экономическое и политическое развитие Кыргызстана. В южном Кыргызстане призыв Ч.Айтматова был почти повсеместно отвергнут. 3 мая обозреватель А.Сухов написал в еженедельной газете «Res Publica», что Ч.Айтматов «забыл, что такое юг Кыргызстана, и не понимает истинных причин недовольства граждан» южных областей политикой А.Акаева. Согласно мнению Сухова, в период правления А.Акаева остро стояла проблема регионального вопроса: исторически сложилось так, что представители юга всегда были в значительном меньшинстве во властных структурах. Наряду с другими признаками неравенства, этот фактор обусловил болезненное отношение южан к северянам. Северянин А.Акаев недостаточно уделял внимание проблемам южных областей.

Интерпретация термина «региональная идентичность» в научном мире варьируется. Согласно определению, одним из уровней этнической региональной идентичности является осознание территориальной, локальной общности происхождения или проживания, осознание территориальных связей, возникающих на основе совместного проживания членов первичных, вторичных социальных групп любого диапазона от общины до государства, в свою очередь, цементирующих эти общности.¹

Кроме региональной, территориальной, соседской идентичности рассматривается термин «локальная идентичность», которая характеризуется «самоотождествлением» людей с тем локальным сообществом, в рамках которого происходила их основная жизнедеятельность. Так же, региональная идентичность отождествляется с понятием «малая родина», «корпоративность». В силу происходящих политических процессов эти «корпорации» трансформируются в группы интересов, целью которых является скрытое воздействие на органы власти, что столь характерно для родовых

Боллонова А. Б. – канд. ист. наук, Кафедра истории и методики преподавания ИГУ им.К.Тыныстанова

отношений.² Региональное различие присуще постсоветским странам, в особенности странам Центральной Азии, где характерной чертой выступает традиционная восточная ментальность.

Следует согласиться с позицией последнего автора в оценке происхождения регионализма. Однако есть специфика регионализма традиционно оседлых этносов и постномадов. В региональной идентичности внешне доминирует топонимика, где уместен термин «местный патриотизм», «сила» идентичности. Степень региональной идентичности определяется уровнем духовной связи человека с конкретной территорией, способностью к социально-культурной, гражданской и экономической активности. Для региональной идентичности большую роль играет как территориальное происхождение, так и территория совместного проживания. Региональная идентичность, будучи формой социально-политической организации, образовывалась по принципу социального, но не кровного родства, отражаемого в генеалогии предков. Принадлежность к тому или иному территориальному образованию, региону, фактически выступала как социальные обязательства и лояльность, присущие родоплеменному сознанию. Феномен региональной идентичности включает в себя ряд элементов и характеристик, позволяющих ей считаться более высокой степенью этнической идентичности, нежели родоплеменная.

Так, сложилось, что территории Севера и Юга отличаются друг от друга по всем параметрам: географическим, этническим, экономическим и даже историческим (южане позднее вошли в состав России).

Географически Север и Юг страны разделены Ферганским горным хребтом и соединены одной единственной дорогой. К северной части республики относятся Иссык-Кульская, Таласская, Нарынская и Чуйская области, к южной – Ошская, Джалал-Абадская и позднее образованная Баткенская. Представители северного клана делятся на следующие роды: сарыбагыш, бугу, солто, тынай, кушчу и саяк. Север представлен Чуй-Кеминской и Талас-Нарынской группами (по районам их происхождения). Южные кланы пополняют свои ряды из двух самых влиятельных родоплеменных групп, населяющих Алайскую и Ошскую долину, в основном представленных родом ичкилик.

Экономически Север индустриально развит, но при этом слабо заселен. Наряду с кыргызами здесь в свое время обосновались русские, украинцы, казахи, уйгуры, дунгане. Люди ведут почти европейский образ жизни. Все высшие учебные заведения республики находятся на севере. Северные роды приняли российское подданство в 1855 году, а ичкилики до 1876-го входили в Кокандское ханство.

Юг – преимущественно земледельческий район, испытывает жесточайший дефицит земли и воды. Здесь проживает больше половины населения Кыргызстана. Крайне слабо развита промышленность, влияние русской культуры ощущается значительно меньше, чем на севере. Юг слабо владеет русским языком, регионально связан с узбекскими и таджикскими этническими общинами. Является центром сильной кристаллизации религиозной идентичности, что служит основой для этнической иерархии. Однако южные элиты нельзя в строгом смысле считать представителями так называемой «титупной нации».

Надо заметить, что Ферганская долина одна из самых густонаселен-

ных районов мира – свыше 360 человек на 1 кв.км. Самая большая безработица и самый низкий уровень жизни – среднемесячный заработок одного труженика, чаще всего единственного кормильца многодетной семьи, намного ниже 50 долларов.³

В период русского царизма, во второй половине XIX в., территория Кыргызстана была раздроблена между отдельными областями Туркестанского края. Кыргызы оказались в составе четырех областей, попали в разряд этнических меньшинств. В советские времена, после размежевания Средней Азии в 1924 г., большее значение имела региональная принадлежность, так как для освоения этого уровня требовалась широкая сфера клановой солидарности. В этот период общеэтническая или национальная идентификация действительно была вторичной. Ситуация только усугубила ассимиляцию кыргызов с казахами и узбеками. Сами кыргызы начали называть часть южных кыргызов «чаласартами» (полуузбеками), а северных – «чалаказаками» (полуказахами). Подобная территориальная идентификация способствовала делению кыргызов на джетысуйских и ферганских, то есть северных и южных.⁴ Противопоставление Севера и Юга вполне подходило Советской власти для управления национальным краем. Совмещение партийной власти внешнего управления с традицией племенного гегемонизма – было одним из главных результатов советского правления. Советское присутствие в политическом управлении Кыргызстана было обоюдно приемлемым. Туркестанские руководители заявляли, что «объединять ферганских, джетысуйских кыргызов никаким образом нельзя, ибо географическое положение таково, что всякое сообщение между ними с ноября до марта прерывается, а значит, между ними нет ни культурных, ни экономических связей, кроме периодического обмена скотом».⁵ В результате, в Кыргызстане кланы традиционно вели борьбу за власть и влияние, которая обычно протекала в скрытой форме и носила позиционный характер, периодически обостряясь или сходя на нет. Таким образом, в 1970-1980-х годах установилось относительное равновесие: сферы влияния были разделены, а сложившееся положение устраивало обе стороны. Однако в 1990-х годах отношения между кланами обострились. Как и следовало ожидать, в ходе реформ началось перераспределение собственности и доходных должностей, в результате чего прежняя система раздела сфер влияния была разрушена.

Важнейшим фактором этнической идентификации является язык. В советский период под давлением коммунистической идеологии знание кыргызского языка не являлось обязательным компонентом этнической идентичности кыргызов. Символическая функция языка нашла яркое воплощение в период образования постсоветских республик. По мере миграционного оттока некоренного населения за пределы республик, естественного роста удельного веса коренного населения, среди кыргызов усилились родоплеменная и региональная идентификация. Язык отразил родоплеменную этническую структуру кыргызов. В итоге, в кыргызском языке отразились три диалекта, которые соответствуют трем родоплеменным конфедерациям «он», «сол» и «ичкилик». У каждого региона имеется свой говор и подговор, более того и отдельных регионов и даже айлов.⁶

Наиболее полной, на наш взгляд, является концепция академика Б.М. Юнусалиева. Он выделяет северный диалект (таласский, чуйский, тянь-

шанский, иссыккульский, пограничный (смешанные говоры) и южно-кыргызские, которые подразделяются на юго-восточные и юго-западные диалекты, принципиально отличающиеся друг от друга.⁷ По мнению Б.М. Юнусалиева все три кыргызских диалекта весьма близки друг другу – единый словарный фонд, сингармонизм, основные грамматические категории; наряду с этим имеются диалектические особенности. Северный диалект имеет свою фонетическую и грамматическую специфику. В лексическом плане в нем имеются слова монгольского происхождения, которых нет в юго-восточном диалекте.

Таким образом, внутренние диалекты кыргызского языка способствовали родоплеменной и региональной идентификации. Но в целом следует признать, что господствующее положение в языковой жизни кыргызов прочно занимает общелитературный кыргызский язык, созданный на основе диалекта и говор северных кыргызов.⁸

Современная политическая жизнь Кыргызстана также неотъемлемо связана с внутринациональным регионализмом, да еще переплетается с трайбализмом. Согласно мнению Р. Ачыловой, основу регионального деления Кыргызстана составляют следующие факторы: 1) ХКТ: северяне в основном вели кочевой образ жизни, южане в преобладающем большинстве были полуседлыми; 2) культурные различия (традиции, обычаи); 3) степень религиозности: у южан остается более высокой; 4) межэтническое общение (на юге преобладает узбекское и таджикское население, на севере русскоязычное); 5) различие исторических обстоятельств развития из-за региональной разобщенности, хозяйственной раздробленности вплоть до степени их политического самоопределения; 6) отличающийся родоплеменной состав юга и севера, различных областей.⁹

Еще в период своего правления экс-президент Кыргызстана А.Акаев вынужден был согласиться со среднеазиатской, традиционной спецификой государственного управления, учитывал региональное деление, прежде всего в кадровых назначениях. Однако, в период своего правления, преимущество оставалось за представителями северного клана. Естественно, это вызывало недовольство среди населения южного Кыргызстана, проблема которых была отягощена еще и ухудшением социально-экономического положения. Пиком выраженного недовольства южного населения Кыргызстана, проводимой политикой А.Акаева, были Аксыйские события 2002 г., где было зафиксировано силовое воздействие государства. После Аксыйских событий А. Акаев вынужден был назначить на должность главы правительства не представителей того или иного клана, а русского А. Танаева, хотя заместителями были назначены южане К. Осмонов и К. Жумалиев. Отметим, что не случайно катализатором кыргызской «революции» стали выступления недовольных масс в областях республики.

Мартовские события также имели региональную окраску. Костяк революционеров составили южане (например, А.Бекназаров, А.Мадумаров, Д.Садырбаев, К.Бакиев, О.Текебаев и др.). Основная масса северян, поддерживающих революцию, до последнего дня не выступала открыто против президента А.Акаева, кроме «обиженных» властью (например, А. Атамбаев, Р. Отунбаева, Ф. Кулов и др.) А остальные северяне 24 марта 2005 г. выражали недовольство только в связи с результатами выборов,

которые были сфальсифицированы в интересах приближенных А.Акаева. Дальнейшие события характеризуются проявлением крайнего трайбализма и регионализма в кадровом вопросе. И только мудрость отдельных политиков позволила выработать компромиссный вариант тандема К.Бакиева и Ф. Кулова. Но не выполнение условий договоренностей по реализации тандема привело через год к серии массовых митингов.

В современных СМИ проблема региональной идентичности, или проблема «Север-Юг», довольно часто рассматриваются как одна из внутренних угроз национальной безопасности Кыргызстана. О.Молдалиев, автор статьи «Основные источники напряженности и угрозы национальной безопасности Кыргызстана», регионализм оценивается как здоровое «положительное явление», которое «играет важную роль при формировании гражданского общества» в азиатских странах, к которым относится и Кыргызстан.¹⁰ Автор считает, что регионализм несомненно заслуживает одобрения, способствует решению проблем «малой родины» и проявлением достойной заботы о своем регионе. При этом он замечает, что в современный период регионализм в Кыргызстане стал приобретать политизированное явление с элементами трайбализма, превалирующими над общенациональными интересами. На политическом поле Кыргызстана идет регионализация политических интересов, которая имеет ряд экономических, политических и иных причин.

На наш взгляд, приведенные данные свидетельствуют об огромных диспропорциях между кадрами различного регионального происхождения (юга и севера) и в известной степени родоплеменного. На то есть ряд объективных и субъективных причин. Во-первых, север за годы Советской власти развивался в социально-экономическом плане более интенсивными темпами, чем юг. Во-вторых, столица республики находилась и находится на севере, что обеспечивало более привилегированное развитие северян, нежели южан. Это обстоятельство позволяло северянам из-за территориальной близости иметь преимущество при поступлении в учебные заведения, расположенные в столице, устройство на работу в госучреждения, различные общественные организации и творческие союзы, на заводы и фабрики. В-третьих, лучшее знание русского языка северянами из-за более тесного и широкого исторически сложившегося общения с русскоязычной диаспорой. В-четвертых, живучесть и неукоснительное соблюдение родственной близости, родоплеменной и региональной идентичности, в том числе проявлений трайбализма и регионализма.

Демократическая модель Кыргызстана способствовала пробуждению всех уровней этнической идентичности, начиная с родоплеменной и региональной и кончая общеэтнической идентичностью кыргызов. В период политической нестабильности принимали крайние формы трайбализм, местничество, регионализм, национализм. Основываясь на выше изложенных фактах, мы можем подвести следующие итоги: Во-первых, кыргызский регионализм в разрезе Юга и Севера, в различных областях, следует воспринимать как лишь один из важнейших компонентов кыргызской идентичности и идеологии. Сам раскол кыргызского общества на «север» и «юг» больше идентифицированный, чем субкультурный. Здесь идентификация выступает больше как социальная классификация, характеризуется отношениями между ними. Приписываемый статус играет

гораздо большую роль в региональном делении кыргызов, чем достигнутые характеристики самих групп. Во-вторых, процесс формирования единой, кыргызской этнонации продолжается. В советское время внутренние этнические противоречия между кыргызами активно подавлялись государством и Коммунистической партией. Но в условиях слабости государственных институтов, которые только архивировали общественное сознание, в том числе этнической идентичности и общего кризиса, этнорегиональная идентичность в сочетании с родоплеменной стала конкурировать с этнонациональной и гражданской идентичностью. В-третьих, в Кыргызстане пока не сформировались этнорегиональные идеологии. Но элита в своих интересах, в частности, для победы на политических выборах различного уровня, внедряет в широкие массы психологические установки, наличие специфических региональных интересов. В-четвертых, действительно ряд представителей тех или иных областей считают себя больше кыргызами, чем выходцев из других районов, которых пытаются обозначить как обрусевших, полуказахов или сартов.

В настоящее время проблема представляет куда более важный фактор в политике страны, по сравнению с мелким родоплеменным делением как внутри северных, так и южных кланов. По сути, многолетние попытки изжить родоплеменную структуру кыргызского общества привели к сдвигу в сторону регионального принципа деления и представительства во властных структурах, что всегда отражалось на смене группировок во власти.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – Москва, 1986. – С.178

² Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россияни // Этнографическое обозрение. – 2005. – №2. – С.58; Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – №3. – С.13; Умбеталиева Т. Трайбаллам в Казахстане. Родоплеменная дифференциация – основа политической системы // <http://www.kisi.kz>; <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120>; Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С.41.

³ Медведко Л. Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 5 (41). – С.27.

⁴ Бешембиев Э.Д., Болджурова И.С., Джунушалев Дж. Введение в историю кыргызской государственности. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 71.

⁵ Там же, С. 84 – 95.

⁶ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность кочевников. – Бишкек: Илим, 2009. – с.187.

⁷ Юнусалиев Б.М. Избранные труды (на кыргызском языке). – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 86 – 93.

⁸ Джусупбеков А. К. Этническая идентичность... – С. 187.

⁹ Ачылова Р. Регионализм и политика // Стабильность в Киргизстане и региональные проблемы. – Бишкек, 1999. – С. 112 – 113.

¹⁰ Молдалиев О. Основные источники напряженности и угрозы национальной безопасности Кыргызстана // Кыргызстан: некоторые аспекты социальной ситуации: Сб. ст. – Бишкек, 2000. – С.33.

А. Б. Боллонова

Обновленный традиционализм

С обретением суверенитета многие постсоветские государства, особенно страны Центральной Азии, испытывали «бум мифотворчества». Открыто проявилась национальная самоидентификация с обращением к историческим корням. Еще в начале 1990-х годов Френсис Фукуяма говорил о «пробуждающихся» нациях в советской Средней Азии, отмечая что их представители «роются в библиотеках», чтобы «приоткрыть исторические языки и культуры, которые для многих из них являются совершенно новыми».

Становление национального самосознания в Центральной Азии сопровождалось возрождением ранее латентно сохранявшихся национализма и традиционализма. После образования новых независимых государств возник идеологический вакуум. Его необходимо было заполнить обоснованием исторической миссии государствообразующей нации каждой страны, чему наиболее полно отвечало обращение к традициям ее прежнего развития еще до периода принадлежности к Российской империи и Советскому Союзу. Руководство всех стран Центральной Азии обратилось к истории как важнейшему источнику стимулирования самоидентификации коренного населения и одновременно для мотивации своих претензий на руководство новообразованными государствами.¹

Вместе с тем, традиционализм проявился в формирующейся политической системе стран Центральной Азии, где приоритетом выступил родственно-клановый принцип формирования административных органов: «от центра» до самых нижних звеньев. С одной стороны, это обеспечивало жестко централизованную систему руководства страной, способствовала стабилизации политической и экономической жизни в рассматриваемых государствах. С другой стороны, стало источником коррупции всей вертикали административных органов, замены демократии всевластием бесконтрольных чиновников, связанных круговой порукой вследствие их принадлежности к определенному клану.

В период суверенитета, вследствие экономической и политической нестабильности в государстве, родоплеменные объединения начали срывать с государственным аппаратом. Как одна из характерных черт ментальности народов Центральной Азии, традиционализм проявился в авторитете старшего поколения, привел к складыванию культа личности современных лидеров, господству семейного клана, доминирующего положения «руководящих семейств». Именно в этом случае кланы стали политическими. Традиционализм стал эксплуатироваться правящими кругами этих стран в собственных интересах.

Наряду с идеализацией прошлого, в сознании кыргызов происходит «естественный отбор» только тех традиций, которые выполняли так или иначе охранительную роль: всплывают устойчивые институциональные

Боллонова А. В. – канд. ист. наук, Кафедра истории и методики преподавания ИГУ им.К.Тыныстанова

механизмы и формы проявления социальной памяти, созданные кочевым обществом на протяжении веков и ярко воплощенные в родовых отношениях. Устанавливаются традиции и историко-культурные нормы, удовлетворяющие новую власть, поскольку они придавали принципам ее государственного управления историческую и традиционную легитимность. Были реставрированы и отныне превратились в этнокультурные нормы. Это своего рода симуляция исторически и реально существующей этнокультурной традиции, на самом деле отражали стремление властей волюнтаристским образом создавать для себя приемлемые этнические характеристики и признаки населения, предоставляли ей возможность контролировать и управлять этнокультурной и мировоззренческой ситуацией в государстве. Официально «реконструированные» традиции стали оцениваться и поощряться в качестве истинно традиционных, то есть, имеющих долгую историю, и теперь, по инициативе властей, «возрожденных». Среди традиционных качеств, актуализированных в последнее время, особенно характерно усиление трибалистских и клановых отношений, произошедшие в результате «регенерации» средневековых, родоплеменных, регионально-административных отношений. На словах они признаются вредными, но фактически легализованы во всех странах ЦА без исключения, поскольку поддерживают удобную для режимов среду жестко иерархизированной круговой поруки.

Заметим также, что присвоение экс-президенту Кыргызстана А.Акаеву в 1991 году на первый взгляд сугубо символического титула «Верховного хана кыргызов» сыграло немаловажную роль в стабилизации его власти во время политического кризиса, последовавшего за августовским путчем.²

Показательным, для этих новых тенденций стало то, что в новейший период истории этих стран произошла латентно практиковавшаяся и в советское время традиция т.н. «междинастийных браков». Начало возрождения этой традиции положил, расторгнутый через короткое время, брак дочери президента Казахстана с сыном президента Кыргызстана. Рядовыми обывателями, как в скрытой, так и в официальной форме, эта традиция была воспринята как возрождение старого института союзов, основанных на кровно-семейном родстве. Здесь уместно отметить, что президент Узбекистана И.Каримов выдал замуж своих дочерей скромно, без ажиотажа, телевизионных трансляций и восторгов в печатных СМИ.³

Но вместе с тем придание решающего значения традициям также не способствовало успеху модернизации, для этого нужно было легитимизировать личную власть.

С обретением суверенитета лидерами стран Центральной Азии был выбран курс на развитие демократии по западной модели развития. В результате, были установлены авторитарные модели с некоторыми элементами демократии (исключение составил Туркменистан). В Кыргызстане установилась президентская республика со значительными и постоянно расширяющимися полномочиями главы государства. Данный режим правления, по утверждению известного российского востоковеда, д.и.н. С.Панарина, в целом соответствует категории «просвещенного» бонапартизма.⁴ Такой признак авторитаризма подразумевает сохранение власти

правителя, нередко обладающего харизмой, достигается за счет беспрепятственного оппортунистического балансирования между разными социальными группами и политическими силами, а излюбленной формой самолегитимации является демагогическое обращение к «воле народа», выражаемой на референдуме (так называемое плебисцитарное управление). Следует иметь в виду, что называя этот режим бонапартистским, С.Панарин не имел в виду полного совпадения с классическим французским образцом. Скорее здесь подразумевается, что А.Акаев предпочитал находить эффективные способы нейтрализации сохраняющихся элементов демократии, а не грубо их попирает или вовсе ликвидировать. Сами эти способы замаскировались под свободное волеизъявление, то всего народа (референдумы), то его выборных представителей (парламент). Другая отличительная черта бонапартистского режима – постоянное балансирование между разными политическими и социальными силами, что приобрело значительную специфику. Она заключалась в том, что приходилось учитывать не просто многонациональный состав населения, но и не преодоленный культурный дуализм общества.

Постепенно увеличивается личная власть президента. Поскольку действующий президент, в едином лице, – и символ, и владелец, и собственник государства; он оказывается способным управлять избирательной системой и планировать результаты выборов, то и многие другие функции государства им, фактически, приватизированы и используются в личных целях. Правовой базой государства выступили статьи конституции, указы, имеющие силу закона и ведомственные нормативные акты. Отдельные из них извлечения, трактующие вопрос об оскорблении достоинства президента, составлены таким образом, что не оставили места вообще какой-либо персональной критике. Фактически, они послужили основой для запугивания и репрессий и на уровне практической политики, имели функции не охраны гражданских прав, а надзора. Периодически о неприкосновенности главы государства в критике населению напоминалось либо посредством закрытия нелояльных власти газет и телеканалов, либо посредством проведения показательных процессов, с последующим арестом нарушителей этого закона.

Многие президенты молодых государственных образований СНГ Центральной Азии, начали свой курс в независимость и авторитаризм не только с материальной «приватизации» и личного обогащения, но и с создания личных президентских гвардий и установки своих родственников в руководство спецслужбами, карательными органами, судебными органами, налоговыми службами, министерства по чрезвычайным обстоятельствам и даже пожарной охрана и избиркомы. В таких государствах любая их функция, потенциально или на деле, применялась как функция принуждения, давления или даже репрессивного давления. Их основная деятельность сводилась к тому, чтобы устрашать и устранять возможных оппонентов существующему курсу и обеспечивать режим личной власти президента и его клана.

Административный метод управления государством привел к усилению влияния групп интересов, сформированных по экономическим, корпоративным и семейным принципам, на процесс рекрутирования кадров. Созданный, таким образом, аппарат стремился изо всех сил сохранить эти

методы управления, ибо в противном случае он вынужден будет расстаться со своей властью.

В условиях монопольного правления, когда в стране правили кланы и группы, конструктивная оппозиция в странах Центральной Азии была невозможна уже по определению. Существующие власти, в любом случае, квалифицировали всякую критику, как зловредную попытку свергнуть существующий конституционный порядок.

В странах Центральной Азии, как и в средние века, предпочитали “имперскую” или “героическую” модели, либо их сочетание. В частности, страновых и общих различий в оценке роли чингизидов и вообще последствий монгольских завоеваний – амира Тимура и других национальных, региональных лидеров прежних времен. Как и у всех стран, добившихся независимости, эти усилия в сфере исторической памяти способствовали укреплению идей государственности, торможению процессов «размывания» национальной идентичности.

Так, к примеру, президента Узбекистана называют потомком создателя огромной империи – Тамерлана. Создаются приемлемые “генеалогии”: президента Казахстана объявляют потомком батыра Карасая, воевавшего, согласно легенде, с джунгарами и официально провозглашенного борцом за “государственную независимость” Казахстана; в Туркменистане появилась книга “Рухнаме”, где Туркменбаши С. Ниязов был представлен как потомок Александра Македонского.⁵ Посторонние наблюдатели комментируют возникшую в стране ситуацию в качестве некоего социально политического курьеза и исторического анахронизма, выходящего за пределы здравого смысла. По легенде об Аскаре Акаеве, запущенной в прессу дочерью президента Кыргызстана, он – не только талантливый физик, профессор-мугалим, но и прямой потомок кыргызского хана Шабдана. Сказанное, позволяет хотя бы вскользь рассмотреть феномен “нео-восточного деспотизма” в контексте сложного переплетения «установленных» национальных традиций, модернизированных советской психологией, непримиримым трайбализмом.

Трагикомичность возникшей ситуации усиливается тем обстоятельством, что в правящих элитах началось плохо скрываемое генеалогическое соперничество. “Генеалогические древа” президентов, до поры до времени, т.е., до той поры, пока они пребывают во власти – вне конкуренции. “Генеалогии” же чиновников, начинают оцениваться на политических лотах по бинарному принципу: лучше – хуже, южанин – северянин, Старший жуз – Средний жуз и т.д.

Не случайно, в период суверенитета проводились мероприятия, которые так или иначе поддерживали и укрепляли существующую власть. Мероприятия должны были отражать единение народа и национальную идентичность, показать преемственность поколений, развитие традиционного воспитания на основе генетической памяти народа. Предпринимались настойчивые, но не всегда успешные, попытки создания объединительных идеологий с упором на верховенство идеи национальной государственности. Буквально с первых дней обретения независимости в стране проводились грандиозные празднества и юбилеи. В их числе 1000-летие эпоса «Манас», курултай (съезд) этнических кыргызов, празднование в

2003 году 2500-летия кыргызской государственности и др.⁶ Их цель – возвращение людям исторической памяти, увековечивание образов лучших сынов и дочерей кыргызского народа. Апогеем этого стало формирование новой национальной идеи и морального кодекса народа, в основе которых «Семь заповедей Манаса», прямо заимствованных из эпического наследия «Манас».

Утверждается значение родственных связей и преемственности поколений, проявляющихся в коллективизме, взаимопомощи, родственной солидарности, влиянии на экономическую жизнь общин и быт. К примеру, ярким примером ренессанса генетической памяти является создание и принятие устава Кабардин–Балкарского историко-родословного общества, проведение в 2000 г. в Нальчике Международного генеалогического конгресса, а в 2002 г. республиканского конкурса среди старшеклассников «Моя родословная». В современных условиях, в качестве возрождения этнической культуры и развития системы традиционного воспитания, актуализировались формы искусственного родства в форме проведения съездов однофамильцев. Они проводятся на уровне республиканских и межреспубликанских съездов однофамильцев, главным образом из тех республик, где проживают значительное число представителей народов Северного Кавказа.⁷ Однако, это приводит к непотизму, к преобладанию родственного критерия над личностным.

Таким образом, период суверенитета и независимости республик Центральной Азии характеризуется подъемом традиционализации, что с одной стороны, породило высокую степень общенациональной идентичности, дало титульной национальности осознание политических возможностей своей этнической группы, возродило отечественный патриотизм; возобновилась этническая культура, создавался культ расширенной семьи и широких родственных связей, стала развиваться система традиционного воспитания. В свою очередь, традиционализм раскрыл себя и с негативной стороны: образование авторитарных государств, появление в обществе непотизма, клановости и трайбализма, симуляция исторических традиций; в политической сфере произошло укрепление личной власти президента и его клана, что породило мифологизацию его родословной, преобладание родственного критерия над личностным стало превозноситься. Проявление традиционализма в отрицательном ракурсе заключалось в том, что политическая культура не представляла целостную систему, каковой является традиционная, транслирующая на индивида опыт предшествующих поколений и, следовательно, программу жизнедеятельности. Вследствие чего в сознании общества вообще, и в политическом сознании, в частности, возобладали инверсионные тенденции.

В постсоветский период национальная идентичность становится центральным элементом внутренней политики государств Центральной Азии. Именно политический клан – социальная база и электорат неотрадиционных и возрожденческих движений. Политическая элита республики не смогла принять новые либеральные ценности, а потому утратила самоактуализацию и самоуважение, поэтому пыталась найти их во славе и величии минувшего. Мечты сформировавшейся элиты были обращены не на перспективу, а мысленно конструировались в былом. Именно политический клан был социальной базой и электоратом неотрадиционных движений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5 (47). – С. 125.
- ² Ханин В. Кыргызстан: этнический плюрализм и политические конфликты // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3(9) – С. 158.
- ³ Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4 (46). – С. 19–20.
- ⁴ Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. – 2000. – №1(8). – С. 93 – 101.
- ⁵ Будкин В. Государства Центральной Азии... – С. 123.
- ⁶ Бейшембаева А. Кыргызстан: менталитет общества и модернизация // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №5 (35). – С.160.
- ⁷ Бабич И. Клановая структура общества и ее влияние на современную политическую ситуацию (на примере Северо-Западного и Центрального Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №1 (425). – С. 40–43.

Ж. Ж. Букуева

Становление местного самоуправления в Кыргызстане

Пожалуй, трудно найти в Кыргызстане человека, который бы с детства не был знаком с такими понятиями, как ашар, курултай, совет аксакалов. Кыргызам эти формы известны с глубокой древности, так как они представляют собой способы самоорганизации кыргызской общины для решения важнейших вопросов коллективного бытия.

Отношения между племенами строились на демократических принципах путем равного представительства. В «Манасе» дается развернутое описание того, как избирался общий предводитель для воинских походов. Нередко в решении таких вопросов принимали участие не только аксакалы, именитые батыры, но и весь народ. Сам Манас был избран предводителем на совете аксакалов.

До наших дней сохранилась одна из самых благородных форм коллективной взаимопомощи – ашар, когда члены общины приходят друг другу на помощь.

Присоединение в конце XIX века к России вовлекло кыргызский народ в другие формы общественно-государственного уклада. Но проявления национальной демократии не были утрачены и не потеряли своего значения. Пройдя сквозь все времена, они послужили прочной основой для формирования современного кыргызского самоуправления.

Система управления в тот период имела своеобразные особенности. В целом государственное управление в Кыргызстане в период с 60-х годов XIX века до 1917 года было построено по принципам военно-народного управления, сочетая в себе черты полицейского государства и народной демократии с сохранением национальных управленческих и культурных традиций.

Местное управление различалось для оседлого и кочевого населения. Для оседлого населения власть строилась в форме аксакальства. Такие аксакальства образовывались из представителей нескольких селений. Села российских и украинских переселенцев составляли отдельные местные сообщества. Для кочевого населения избирались айльные старшины.

Характерной чертой дореволюционного кыргызского самоуправления являлась выборность должностных лиц. Волостные управители, сельские и айльные старшины избирались на три года. В то же время выборы осуществлялись не прямым, а косвенным путем – выборщиками от населения. Старшины избирались на сельском сходе, волостные управители – на волостном съезде. В целом даже наличие вышестоящих силовых структур в лице уездного управителя и генерал-губернатора не подменяло собой системы кыргызского местного самоуправления, которое сохранило в себе древние самоуправленческие традиции кыргызов.

Официальная реформа местного самоуправления началась еще на заре нашей демократии, когда 19 апреля 1991 года Верховный Совет Республики Кыргызстан принял исторический Закон «О местном самоуправле-

Букуева Ж. Ж. – аспирант Института истории и культурного наследия НАН КР

нии в Республике Кыргызстан», установивший принципиально отличные от практики централизованного управления нормы и правила организации местной власти.¹ В последующем этот Закон неоднократно модернизировался. Основные изменения в данный Закон были внесены 4 марта 1992 года, когда Жогорку Кенеш внес поправки в этот правовой документ, который в новой редакции стал именоваться Законом «О местном самоуправлении и местной государственной администрации в Республике Кыргызстан». Наиболее важные моменты, установленные законом, следующие. Во-первых, законодательно произведено разграничение функций государственной власти и местного самоуправления. Данным законом был введен новый институт исполнительной власти – местная государственная администрация. Во-вторых, ликвидирована вертикальная подчиненность местных представительных органов власти – кенешей, которая существовала в годы централизованного государственного управления.

Недаром на совещании глав местного самоуправления Кыргызской Республики 23 ноября 1994 года было сказано, что «национальное возрождение кыргызов, которое названо в Конституции в качестве одной из важнейших целей, стоящих перед народом Кыргызстана, включает в себя в качестве неотъемлемой и первостепенной задачи бережное отношение к опыту наших предков в области самоорганизации общественной жизни».²

В главе VII Конституции Кыргызской Республики установлено, что местное самоуправление в Кыргызстане осуществляется местными сообществами, которые в пределах закона и под свою ответственность управляют делами местного значения.³ Таким образом, в Основном законе республики источником местного самоуправления признаются местные сообщества в отличие от государственной власти, единственным источником которой является народ Кыргызстана.

В связи с этим важное значение придается тому, что следует понимать под местными сообществами. Закон Кыргызской Республики «О местном самоуправлении и местной государственной администрации», принятый Законодательным собранием парламента 28 декабря 2001 года и подписанный главой государства 12 января 2002 года, дает следующую трактовку местным сообществам: «Местное сообщество – население, постоянно проживающее на территории аилного, поселкового, городского кенешей, объединенное общими интересами в решении под свою ответственность вопросов местного значения через свои представительные исполнительно-распорядительные и другие органы».⁴

Анализ развития местного самоуправления в Кыргызстане свидетельствует о значительных и масштабных преобразованиях всей системы территориального управления, внедрении в практику местной власти принципов демократии.

Как видим, основной областью интересов местного самоуправления провозглашаются дела или вопросы местного значения. Собственно, именно тогда, когда мы говорим, что в отличие от дел государственного значения существует так называемые дела местного значения, мы уже признаем этот несколько иной круг вопросов. А значит, необходима другая по характеру управленческая система, которая способна с большей эффективностью решать эти дела. Такой властью как раз и признается система местного самоуправления.

В Кыргызской Республике, унитарной по форме государственно-территориального устройства, определение вопросов местного значения в уставах местных сообществ происходит лишь после принятия соответствующего республиканского правового акта.

Основной закон государство гласит, что местное самоуправление в Кыргызской Республике осуществляется местными сообществами, которые в пределах закона и под свою ответственность управляют делами местного значения.

Согласно статье 92 Конституции местное самоуправление осуществляется через местные кенешы и другие органы, формируемые самим населением в порядке, установленном законом.⁵ Таким образом, в основном законе государства признается, что организационной основой местного самоуправления в республике являются местные кенешы.

Однако местные кенешы – не единственная форма осуществления местного самоуправления в Кыргызстане. В соответствии со статьей 6 Закона «О местном самоуправлении и местной государственности администрации» местное самоуправление осуществляется в формах представительного и непосредственного участия населения.

Основными формами непосредственного участия населения в самоуправлении являются обсуждение всех важных вопросов общественной и государственной жизни и реализация принятых решений путем курултайев, собраний, сходов граждан и иных форм непосредственной демократии, а также на выборах представительных органов и глав самоуправления, в осуществлении контроля за их деятельностью.

Местные кенешы всех административно-территориальных единиц являются юридическими лицами и вправе самостоятельно решать любые вопросы, отнесенные законодательством к их компетенции.

Важнейшим принципом организации кенешей всех территориальных уровней является железное правило невмешательства вышестоящих органов власти и управления в решение вопросов, входящих в компетенцию местных кенешей.

Местные кенешы вправе самостоятельно решать вопросы местного значения, не спрашивая на это ни у кого дозволения. За результаты своей деятельности они отвечают только пред избравшим их населением. Это отличает местные кенешы от местных советов народных депутатов Кыргызской ССР. Законодательством четко установлено, что местные кенешы не вправе отменять решения кенешей нижестоящих территориальных уровней и вмешиваться в их деятельность. Местный кенеш правомочен рассматривать вопросы и принимать по ним решения в пределах полномочий, установленных законодательством.

При этом существует круг вопросов исключительной компетенции местных кенешей, то есть полномочий, которыми не обладает никакой орган. Причем законом четко оговорено, что эти вопросы решают исключительно сессии местного кенеша. Важнейшими из таких полномочий являются утверждение и контроль за выполнением программ социально-экономического развития территории и социальной защиты населения. В перечень полномочий местных кенешей входит установление порядка распоряжения коммунальной собственностью местного сообщества, осуществление контроля за ее использованием.

В Кыргызстане такие формы демократии также законодательно закреплены как на республиканском, так и на местном уровнях. Законом «О местном самоуправлении и местной государственной администрации» установлено, что местное самоуправление осуществляется в формах представительного и непосредственного участия населения в местном самоуправлении.

Важнейшими формами непосредственного участия населения самоуправление является обсуждение всех важнейших вопросов общественной и государственной жизни и реализации принятых решений путем курултая, собраний, сходов граждан и иных форм непосредственной демократии, а также участие в выборах представительных органов, в осуществлении контроля деятельности местного самоуправления.

До сих пор в Кыргызстане отсутствовала долгосрочная стратегия развития местного самоуправления. Однако в республике принимался ряд концептуальных документов по местному самоуправлению, определявших основные направления реформы на некоторый отрезок времени.

Одним из первых таких концептуально целостных документов, отражающих системное видение роли и места территориального самоуправления в общественно-государственном устройстве стало Положение об основах организации местного самоуправления в Кыргызской Республике. Этот аналитический документ был утвержден Указом Президента Кыргызской Республики от 22 сентября 1994 года (№ 246).

Этот правовой акт сыграл важную роль в придании реформе народовластия на местах большей системности и осмысленности, определил субъект права на местное самоуправление. Положение «Об основах организации местного самоуправления в Кыргызской Республике»⁶ стало первым концептуальным правовым документом, обозначившим путем реформирования местного самоуправления на ближайшие несколько лет. В нем впервые были сформулированы основные принципы местного самоуправления: самообеспечение, самофинансирование, саморегулирование.

Следует отметить, что позитивные преобразования в сфере развития местного самоуправления были прямым результатом разработки соответствующей правовой базы при создании новой системы местного самоуправления. Самое основное достижение – своевременное внесение изменений и дополнений в Основной закон республики с учетом требований современности, чем было обеспечено быстрое и уверенное развитие местного самоуправления на демократических началах. В этом ключе были внесены соответствующие поправки в Гражданский кодекс, законы о земле, избирательную и налоговую системы. Наряду с этим, Указами Президента Кыргызской Республики и постановлениями правительства были урегулированы вопросы реформирования, организационно-правового и финансово-экономического обеспечения системы местного самоуправления во всех необходимых аспектах.

Еще одним новшеством в системе самоуправления стало толкование районов областей как территориальных объединений местных сообществ.

На основании идеологии, заложенной в Положении, и осуществлялась реформа местного самоуправления вплоть до настоящего момента, хотя многие положения в этом документе были сформулированы лишь в общих чертах, а содержание документа соответствовало общественным ожиданиям

от реформы местного самоуправления в контексте общей ситуации в стране в середине 1990 года (№196).

Вторым по хронологии документом, определившим направления реформы местного самоуправления, стало концепция развития местного самоуправления в Кыргызской Республике на 1991 -2001 годы, утвержденная Указом Президента Кыргызской Республики от 2 августа 1999 года (№ 196).

Концепция не была долгосрочным документом, так как в 1999 году началась разработка проекта «Комплексной основы развития Кыргызстана до 2010 года» и дальнейшее реформирование территориальных основ власти с 2001 по 2010 год необходимо было проводить во взаимной увязкой с общей идеологией социально-экономических, политических и демографических реформ.

Созданными распоряжением руководителя Администрации Президента Кыргызской Республики рабочими группами были разработаны проекты двух базовых законодательных актов по местному самоуправлению – «О местном самоуправлении и местной государственной администрации» и «О коммунальной собственности на имущество».⁷ В этих законодательных актах, принятых парламентом соответственно 12 января и 1 марта 2002 года, были воплощены основные положения Концепции, в том числе идея повышения полномочий местных кенешей. Так, местные кенешы получили право контролировать деятельность мэров городов. Впервые правовое закрепление получили уставы местных сообществ, а также народные курултай.

Однако в 2001 году уже была принята общенациональная стратегия реформ «Комплексная основа развития Кыргызской Республики до 2010 года» и в рамках этого документа с января 2002 года началась разработка проекта Национальной стратегии децентрализации государственной власти и развития местного самоуправления. С этой целью на основании распоряжения руководителя Администрации Президента Кыргызской Республики была образована комиссия в составе представителей органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и международных организаций.

Основные гарантии местного самоуправления установлены в Конституции Кыргызской Республики и Законе «О местном самоуправлении и местной государственной администрации» от 12 января 2002 года, где оговариваются основные права местного самоуправления. В этом направлении государство также принимает различные решения и программы, направленные на становление и укрепление основ местного народовластия.

Так, с целью перевода управления территориями на принципы местного самоуправления были приняты законы «О местном самоуправлении и местной государственной администрации» от 19 апреля 1991 года, «О местном самоуправлении и местной государственной администрации в Республике Кыргызстан» от 12 января 2002 года и т.д. Кроме того, было принято более 30 указов и распоряжений Президента Кыргызской Республики, десятки постановлений правительства республики.

В числе государственных и национальных программ развития местного самоуправления следует выделить принятую правительством и одобренную Указом главы государства от 12 мая 1997 года Программу госу-

дарственной поддержки местного самоуправления и его органов в Кыргызской Республике и Основные направления реформы местного самоуправления на уровне городов, районов областей на 1997-1998 годы. В качестве приоритетных целей в Программе были обозначены консолидация усилий органов государственной власти и местного самоуправления и решений стоящих перед ними задач, обеспечение внедрения и развития принципов местного самоуправления в процессе принятия решений и законов государственными органами, оказание содействия процессу формирования правового государства и гражданского общества.

Дополнительно к этим правовым актам правительство республики дважды принимало постановления, касающиеся поддержки малых городов. К сожалению, эта программа ставила перед собой не совсем реальные цели и почти не была выполнена. По оценкам экспертов, выполнение этой программы составило около 3%, так как практически запланированные в программе мероприятия не были подкреплены финансово.

На развитие местного самоуправления направлен ряд международных проектов. Самым амбициозным из них является проект «Децентрализация», осуществляемый представителем ПРООН в Кыргызстане и Конгрессом местных сообществ. Основная деятельность по проекту направлена на борьбу с бедностью в сельских населенных пунктах путем создания общин и осуществления их микрокредитования. В проекте национальной стратегии децентрализации и развития местного самоуправления в этом направлении отмечается следующее.

Когда социальная мобилизация начинается появляться, люди, особенно в сельской местности, не верят, что это будет работать или что-то может действительно помочь решить непосредственно их проблемы. Для этого требуется время и практическая демонстрация успеха, чтобы убедить людей в этом. Также требуется стартовый капитал, выступающий в качестве стимула для формирования групп мобилизации местных ресурсов. Проблема заключается в том, как широко распространять процесс социальной мобилизации, поддерживая необходимое качество вкладов, постоянство усилий и желательных результатов.

Во всех регионах республики будет создана широкая сеть обширных организаций, с солидными сбережениями в местных фондах развития, используя различные формы, в том числе микро капитал - гранты и микрофинансирование. Это станет важным доказательством того, что проблемы развития государства и местного органа власти будут приоритетами населения.

ПРООН также реализует проект, занимающийся разработкой предложения по совершенствованию деятельности органов местного самоуправления, первой фазой которого является проведение структурно-функционального анализа деятельности территориальных органов власти.

Ряд проектов реализуется Фондом «Сорос-Кыргызстан». В частности, с 1998 года осуществляется проекты по обучению депутатов работников системы местного самоуправления. Организацией-исполнителем этих проектов является Агентство по развитию местного самоуправления мэрии г. Бишкека. В 2001 различными общественными организациями при поддержке Фонда было реализовано пять проектов в формате общественной политики, направленных на развитие местного самоуправления. Эти про-

екты касались законодательства и финансово-экономических основ местного самоуправления, вопросов водопользования в сельских населенных пунктах.

Ряд программ по развитию местного самоуправления с 1996-1997 годов реализуется при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию (USAID). С 1996 по 1999 год этими вопросами занималась Международная ассоциация менеджеров городов и графств (США), а с 2000 года Урбан Институт (Urban Institute/USA).⁸ Поддержку местного самоуправлению оказывает Фонд Конрада Аденауера (ФРГ), который провел ряд тренингов для представителей и работников органов местного самоуправления.

Целью данного исследования было дать представление о современном состоянии системы территориального управления и сложившейся практике местного самоуправления в Кыргызстане, происходящих в республике процессов децентрализации и демократизации местной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Карашев А., Тарбинский О. Современное состояние местного самоуправления в Кыргызской Республике. – Бишкек: Салам, 2002.

² Карашев А., Тарбинский О. Развитие местного самоуправления в Кыргызстане. – Бишкек: Салам, 2002.

³ Конституция Кыргызской Республики.

⁴ Закон Кыргызской Республики «О местном самоуправлении и местной государственной администрации» от 12 января 2002 года.

⁵ Конституция Кыргызской Республики (в редакции от 5 мая 1993 года).

⁶ Карашев А.А., Тарбинский О.С. Местное самоуправление в Кыргызстане в переходный период – Бишкек: Шам, 1999.

⁷ Закон Кыргызской Республики «О коммунальной собственности на имущество» от 15 марта 2002 года.

⁸ Омуралшев Т.Э. Реформа местного самоуправления в Кыргызстане – этапы развития. // Сб. материалов конференции «Управление государственным сектором в целях развития в переходный и постпереходный периоды в Кыргызстане». – Бишкек: ПРООН, 1997.

Социальная защита безнадзорных детей в постсоветском Кыргызстане: проблемы и решения

Период глубоких политических, социальных и экономических трансформаций, переживаемых постсоветским Кыргызстаном, породил в республике такие почти забытые социальные явления, как бродяжничество, попрошайничество, беспризорность. В настоящее время проблема детской безнадзорности и беспризорности, главной причиной которой являются семейное неблагополучие; продолжающийся рост числа родителей, не исполняющих должным образом свои обязанности по содержанию и воспитанию детей; жестокое обращение и семейное насилие, является одной из острых социальных проблем современного кыргызского общества и требует незамедлительного решения.

Рост числа беспризорных («уличных») детей в Кыргызстане становится осязаемой социальной проблемой, прежде всего в городах. Отсутствие единой государственной статистической базы данных о безнадзорных несовершеннолетних, а также о детях группы социального риска, не позволяет оценить реальные масштабы этого явления. По различным оценкам, в настоящее время в республике насчитывается свыше 10,0 тыс. безнадзорных и беспризорных детей. Эти цифры весьма условны, так как официальной статистики по данным показателям практически нет. Под официальную статистику подпадают только те, кого задерживает милиция, либо попавшие в специализированные социальные учреждения. Точный учет беспризорных детей в Кыргызстане затруднен и тем, что многие родители далеко не всегда подают заявления в милицию об «ушедших на улицу», то есть оставивших семьи детей.

Одним из показателей определения потенциального количества беспризорных является численность детей школьного возраста, не посещающих школу. Охват детей основным образованием (1-9 класс) соответствующего возраста в стране за период 2003-2006 гг. вырос на 1,2% и достиг 96%, что свидетельствует о практически полном охвате всех детей от 7 до 15 лет школьным образованием. В действительности процент охвата школьным образованием в стране гораздо ниже, чем это отражено в официальной статистике. Число детей, не охваченных начальной и основной школами, составляет по республике 38,2 тыс. человек, отсев – 23,5 тыс. человек¹. Возрастной срез охвата обучением показывает, что уже после начальной школы 9% детей покидают учебные заведения, а после получения основного образования их численность сокращается еще почти на 29%².

Таким образом, непосещение детьми учебных занятий становится все более распространенным явлением. Как следствие – увеличивается количество детей, прекращающих учебу в школе, и, соответственно, количество молодых людей, не имеющих среднего образования. Данная проблема наиболее остро ощущается в отдаленных сельских районах и в бедных семьях.

Марасулова Н. А. – соискатель Ош ТУ им. М.А.Адышева

В национальном исследовании «Дети, не посещающие школу», инициированного Министерством образования и науки Кыргызской Республики при непосредственной поддержке ЮНИСЕФ, отмечалось, что уличные и работающие дети – самая уязвимая категория детей среди тех, кто не посещает школу. Следует отметить, что в основной массе уличные дети не посещают школу. Так, две трети (65,7%) уличных детей не ходили в школу на момент опроса. Доля детей, не посещающих школу, среди тех, кто живет на улице менее месяца, составляет 60%, а среди тех, кто живет на улице более трех лет – 86%³.

Причины беспризорности, как показывают результаты различных исследований, связаны с неблагополучной ситуацией во многих кыргызстанских семьях, что отражает серьезный и углубляющийся кризис института семьи. Стабильно увеличивается число социально неблагополучных семей, продолжается массовое злоупотребление родителями, взрослыми членами семей алкоголем и наркотическими веществами, что нередко выступает катализатором в актах насилия и жестокости по отношению к детям.

В качестве основной причины возникновения и роста беспризорности и безнадзорности можно указать и на разрушение государственной инфраструктуры социализации и общественного воспитания детей без формирования новой эффективной структуры социализации и досуга детей в условиях рыночных отношений. В постсоветский период развития в республике существенно сократилось число, выросла платность и снизилась доступность для семей детских дошкольных учреждений, бесплатных образовательных заведений, домов детского творчества, детских санаториев, домов культуры, спортивных учреждений, музеев, учреждений семейного отдыха детей, музыкальных и художественных школ. Прекратили существование многочисленные бесплатные школьные кружки и секции. Негативную роль сыграла отмена обязательного среднего общего образования и коммерциализация профессионального образования. Общеобразовательная школа перестала отвечать за всеобщность образования. Увеличивается число никогда не учившихся детей. Дети вытесняются на улицу⁴.

Увеличению роста безнадзорных и беспризорных детей также способствует внутренняя и внешняя миграция населения республики. Так, в специальном исследовании проблем уличных детей, проведенном в 2003 году центром «Эл-Пикир» по заказу ЮНЕСКО, содержится необходимая информация и о детской миграции⁵. В процессе исследования, в городах по всему Кыргызстану были опрошены 809 человек в возрасте от 5 до 25 лет. Опрос показал, что 99% опрошенных молодых респондентов являются выходцами из КР, а оставшиеся 2% приходятся на долю Таджикистана (0,9%), Российской Федерации (0,5%), Казахстана, Узбекистана и Чечни (0,6%). Они установили, что доминирующей формой миграции является внешняя миграция, поскольку уличные дети искали для себя лучшую жизнь в различных местах, исходя из климатических условий, времени года, наличия работы и межличностных обязательств. Из числа опрошенных 24% никогда постоянно не проживали в городах, 27% мигрировали в сельскую местность для сбора урожая и 2% прибыли из других стран. Многие из этих детей мигрировали самостоятельно или со своими семьями. Эти причины, по которым дети покидали свои дома, заклю-

чаются в том, что они были брошены своими родителями; пытались убежать от насилия и плохого отношения со стороны взрослых (многие из которых злоупотребляли алкоголем). Дети-мигранты не были удовлетворены своими школами, вместе со своим друзьями искали себе развлечения или надеялись заработать деньги, чтобы помочь своей семье. Что касается миграции некоторых детей вместе с их родителями, братьями и сестрами, то она была обусловлена экономической стратегией выживания семьи. В данном случае основной причиной такой миграции является бедность⁶.

Следует отметить, что родители, отправляясь на заработки, оставляют детей на попечение родственникам, которые зачастую неспособны обеспечить должный уход и надзор за ребенком. Некоторые родители вынуждены сами посылать детей на заработки, что способствовало росту безнадзорности и по сути дела ставило их в опасную жизненную ситуацию. Дети-мигранты, как правило, больше подвержены риску жестокого обращения, эксплуатации и продажи.

Таким образом, безнадзорность и беспризорность детей стала неотъемлемой чертой повседневной жизни постсоветского Кыргызстана и вместе с тем она является существенным социальным фактором, игнорировать который опасно для общества в целом.

В настоящее время государство осознает остроту этой проблемы и направляет свои усилия на сокращение и профилактику детской безнадзорности. Реальным шагом в решении вопросов социально-правовой защиты безнадзорных и беспризорных детей стало принятие Кодекса Кыргызской Республики о детях (2006 г.), который закрепляет права детей; устанавливает принципы и механизмы, позволяющие защитить детей; определяет обязанности государственных органов и организаций, работающих в сфере детства.

30 августа 2007 года Президент Кыргызской Республики К. Бакиев подписал Указ «О защите и поддержке детей», в котором инициировались безотлагательные меры на 2007-2008 гг. по защите прав детей, вопросам детской беспризорности, использования наихудших форм детского труда, детской преступности. Для выработки механизмов реализации действующего законодательства в сфере социально-правовой защиты детства, Правительством Кыргызской Республики были приняты целевые программы: Государственная программа по реализации прав детей Кыргызстана «Новое поколение» на период до 2010 года и Государственная программа действий социальных партнеров по искоренению наихудших форм труда несовершеннолетних в Кыргызской Республике на 2007-2011 годы. Среди проблем государственной значимости, выраженных в Государственной программе по реализации прав детей Кыргызстана «Новое поколение» до 2010 года, было также названо создание целостной системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних и реабилитации социально дезадаптированных детей.

Важным событием в сфере решения проблем уличных детей было проведение Национальной научно-практической конференции «Проблемы детской безнадзорности и пути их решения» (проходившей 9-10 сентября 2002 года в городе Бишкек, 16-17 сентября 2002 года в городе Ош). Конференция была проведена Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО

совместно с Правительством Кыргызской Республики. Конференция выработала ряд рекомендаций для правительства, включающих стратегию стабилизации (задачи на краткосрочный период) и стратегию развития (задачи долгосрочного периода) для проведения широкой структурной реформы в сфере защиты интересов семьи, детей, подростков и молодежи⁷.

Необходимо отметить, что к настоящему времени были реализованы конкретные меры по формированию институциональной системы по защите детства, в частности в 2007 году был создан Департамент по защите детей в составе Государственного агентства по физической культуре и спорту, делам молодежи и защите детей при Правительстве Кыргызской Республики.

В 2008 году была проведена работа по созданию соответствующих структур в сфере защиты прав и интересов детей в структурах государственных администраций районов и исполнительно-распорядительных органах местного значения (мэрии городов областного значения). Всего было создано 57 Отделов по поддержке семьи и детей, 57 комиссий по делам детей, для обеспечения их функционирования из республиканского бюджета было выделено 7,0 млн. сомов.

Важным направлением деятельности государственных органов в решении данной проблемы является выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. В целях обеспечения улучшения работы с несовершеннолетними, повышения эффективности профилактики безнадзорности и правонарушений среди детей были образованы и функционируют два центра адаптации и реабилитации несовершеннолетних (ЦАРН): первый находится в городе Бишкек, второй – в городе Ош.

Одним из действенных методов при выявлении детей, ведущих антиобщественный образ жизни, является проведение специальных профилактических рейдовых мероприятий, таких как «Беспризорник», «Подросток», «Забота», «Мотылек», «Допинг» и т.д. В 2005 году проведено в общей сложности 606 рейдов, в ходе которых было задержано 4843 несовершеннолетних за различные правонарушения. В Бишкекский и Ошский центры адаптации и реабилитации несовершеннолетних были доставлены и содержались 1049 детей группы риска⁸.

За 2006 год было проведено 1067 рейдовых мероприятий, в ходе которых было задержано 6791 подростков за различные правонарушения, из них за попрошайничество и бродяжничество в Центры адаптации и реабилитации несовершеннолетних были доставлены и содержались 1959 детей⁹.

Однако, как показывает практика, проблема беспризорных не может быть решена кампаниями по их «отлову» на городских улицах, в опоре на органы милиции. Представляется, что усилия государственных органов, и прежде всего его социальных служб должны быть нацелены на формирование и внедрение новых форм социальной работы семьями и детьми «группы риска».

В этом направлении государственными органами поэтапно проводятся республиканские месячники по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, всеобщему охвату детей и подростков школьного возраста занятиями в общеобразовательных школах и

профессионально-технических учебных заведениях, а также их трудоустройство. В общеобразовательных школах республики созданы классы правового воспитания и кабинеты профилактики, где регулярно проводятся профилактические лекции и беседы, «круглые столы», диспуты на социально-правовые темы: «Молодежь против наркотиков», «Нет наркомании», «Уголовная ответственность несовершеннолетних». В 2005 году сотрудниками Инспекции по делам несовершеннолетних были проведены 5192 профилактических бесед и лекций.

Важнейшей составляющей системы социальной помощи уличным детям является социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении. В настоящее время развивается принципиально новые социальные учреждения для детей группы риска, нуждающихся в социальной реабилитации, растет сеть специализированных социально-реабилитационных учреждений в республике. Это позволяет помещать оставшихся без попечения детей в нормальные условия содержания, психологически подготовить их к новым для них условиям проживания.

В этом плане следует отметить позитивную тенденцию по созданию в республике ряда государственных и неправительственных учреждений (центров, приютов), представляемых разнообразными социальными услугами семьям и детям, находившимся в трудной жизненной ситуации. В 2003 году в Бишкеке был открыт Центр реабилитации беспризорных детей, рассчитанный на 70 детей в возрасте от 4 до 16 лет. Организация работы центра основана на системе оказания услуг ребенку и семье, чтобы это не было нарушением внутреннего мира каждого человека. Известен позитивный опыт Центра семьи и детей «Росток», который был организован в 2005 году и входит в структуру Управления социальной защиты Сокулукского района. Центр семьи и детей «Росток» был предназначен для комплексного обслуживания на территории Сокулукского района семей и детей группы риска, нуждающихся в социальной поддержке, путем оказания своевременной и квалифицированной социальной помощи и услуг различных видов. Все сотрудники Центра прошли обучение в рамках Кыргызско-Шведского проекта «Обучение. Развитие социальной работы с детьми «группы риска» в Кыргызской Республике», финансируемой Шведским управлением международного развития и сотрудничества (SIDA). За период 2005-2006 год, специалисты Центра посетили 486 семей, изучили 161 семью, в которых было 189 детей. Выявили семьи и детей «группы риска», то есть такие, где родители злоупотребляют алкоголем, занимаются наркоманией, где нет соответствующих условий для нормального воспитания детей, и взято на учет 102 ребенка¹⁰.

Необходимо отметить деятельность таких приютов и центров для реабилитации юных правонарушителей, помощи уличным детям, как Центр защиты детей, Центр «Ак-Жол», центры реабилитации и адаптации несовершеннолетних в городах Каракол и Ош, неправительственный фонд «Кармель» и др. Эти учреждения были созданы усилиями социальных служб республики совместно с медицинскими, образовательными учреждениями, правоохранительными органами, органами исполнительной власти и местного самоуправления, общественными объединениями и неправительственными организациями (в том числе Ассоциацией социальных ра-

ботников), при материальной, организационной, методической поддержке зарубежных партнеров, доноров, благотворительных фондов (таких, как Всемирный банк, Азиатский банк развития, Российско-Европейский фонд, фонд «Ноу-хау», Фонд «Сорос-Кыргызстан», «Каунтерпарт Консорциум», Международный корпус милосердия, Германское общество технического сотрудничества, ЮСАИД (США), организаций по спасению детей Дании и Великобритании, ряда религиозных зарубежных конфессий, посольств Германии, Нидерландов, Японии, миссий ПРООН и ЮНИСЕФ в Кыргызстане и других).

Таким образом, исследование практики становления и развития социальных служб для детей группы риска в Кыргызстане позволяет прийти к выводу о том, что роль социальных учреждений в обеспечении социальной защиты и надлежащих условий развития безнадзорных и беспризорных детей становится все более заметной.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что в Кыргызской Республике государственная система социальной защиты детей и ее нормативно-правовая база в основном сформирована и продолжается ее дальнейшее совершенствование. Появились в системе формирующегося в Кыргызстане гражданского общества десятки НПО, фондов, общественных объединений благотворительного и социального профиля, направленные на работу с детьми группы риска. Идет разработка и реализация совместно с зарубежными донорами конкретных проектов в этом направлении.

Вместе с тем, необходимо также указать, что учреждений, предназначенных для работы с трудными детьми, много, но резкого улучшения ситуации с детской безнадзорностью, к сожалению, пока еще не происходит. Основная причина этого кроется, на наш взгляд, все-таки в разобщенности различных ведомств в осуществлении работы с семьей и детьми. Система защиты детей по-прежнему является фрагментарной, включая несколько государственных учреждений на центральном и местном уровнях. Для дальнейшего совершенствования социально-правовой защиты детей, в частности, социально уязвимых категорий детей в Кыргызстане целесообразно учредить институт уполномоченного по правам ребенка (детского омбудсмена). Необходимость в этом институте вызвана тем, что дети являются наиболее уязвимой социальной группой, ибо практически лишены возможности прибегать к помощи со стороны правозащитных организаций. В силу своей социально-возрастной зависимости от взрослых дети не могут быть полностью защищены от нарушения своих прав в семье и обществе, поэтому желательно создание вневедомственной структуры, способной отстаивать права и законные интересы детей на всех уровнях. Кроме того, учитывая положительный опыт других стран, в республике необходимо создать государственный банк данных о беспризорных и безнадзорных детях.

Как нами выше отмечено, именно рост социального неблагополучия семьи существенно обостряет проблему детской безнадзорности и беспризорности. Поэтому государству необходимо разработать и принять в перспективе Концепцию семейной политики, в основе которой будут действовать целевые ведомственные и межведомственные программы, способствующие укреплению семьи, профилактике социального сиротства и детской

безнадзорности, защите прав и законных интересов семьи и детей. Пока наше государство не признает и не обеспечивает социальную защиту и исполнение прав детей, не признает семейную политику своей приоритетной социальной политикой, все государственные структуры не осознают свою принадлежность к социальным институтам государства и общества, решением отдельных проблем детства в Кыргызстане изменить ситуацию невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Дети, не посещающие школу в Кыргызстане. – Б., 2008. – [Электронный ресурс].
- ² Второй отчет о прогрессе в достижении целей развития тысячелетия в Кыргызской Республике. – Б., 2009. – С. 13-14.
- ³ Дети, не посещающие школу в Кыргызстане. – Б., 2008. – [Электронный ресурс].
- ⁴ О состоянии прав и свобод человека и гражданина в Кыргызской Республике в 2006 году: Доклад Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики. – Б., 2007. – С. 141.
- ⁵ Проблемы городской уличной молодежи в Кыргызстане/Центр изучения общественного мнения и прогнозирования: Илибеева Э., Илибеева Л., Чекиров А., Мусакожоева Г., Токтосунов Р. – Б., 2003.
- ⁶ См.: Торговля детьми в Кыргызстане. – Б., 2008. – С.31.
- ⁷ Материалы Национальной научно-практической конференции «Проблемы детской безнадзорности и пути их решения» (Бишкек, 9-10 сентября 2002 г.; Ош, 16-17 сентября 2002 г.).
- ⁸ См.: Отчет об исполнении факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающийся вопросов торговли детьми, детской проституции и детской порнографии // Одобрено постановлением Правительства Кыргызской Республики от 13 февраля 2006 года № 92.
- ⁹ Организационно-правовые основы защиты детей и забота о детях в Кыргызской Республике. Материалы респуб. конфер. (Бишкек, январь, 2007 год). – Б., 2007. – С.24.
- ¹⁰ Теория и практика социальной работы с социально уязвимыми детьми и семьями. – Б., 2006. – С. 138.

К. С. Абдымомунова

**Мартовские события 2005 г.:
роль и значение политических лидеров**

Серьезные перекосы в управлении страны, обусловленные ограниченностью достоверной информации и знаний складывающегося положения по всем направлениям жизнедеятельности кыргызского общества, а также отсутствием ясного видения перспектив его развития, отбросили республику на многие годы назад. За последние годы в ней шел процесс не прогрессивного развития, а активных регрессивных изменений, причем все время подпитываемых неумелым руководством. Реально думающий политик, умеющий анализировать политическую и социально-экономическую обстановку, должен был просчитать назревающую кризисную ситуацию и заблаговременно устранить существующие недочеты, чтобы обеспечить стабильное развитие страны. Ни президент, ни его окружение не задумывались об этом, к тому же их неумение или нежелание прислушиваться к трезвым голосам видных общественных деятелей, простых людей создавало необоснованную и навязанную легенду об «островке демократии».

Многие политологи сравнивают революцию в Кыргызстане с «бархатными революциями», произошедшими в Украине и Грузии. Кондолиза Райс, в ходе визита в Среднюю Азию назвала события в Киргизии «необыкновенной, исключительной революцией»¹. Некоторые определяют мартовские события в стране как политический переворот, смену власти одного клана другим. Получили оценку и сами события смены власти. Заместитель главы администрации Президента РФ В.Ю.Сурков не считает события в Грузии, на Украине и в Киргизии революциями. С его точки зрения «там революции состоялись в девяностые годы»². Эту точку зрения поддержал и глава ЦИК А.А. Вешняков: «Произошедшие в этих странах перемены революциями в точном смысле этого слова не являются. Поскольку ни их целью, ни их результатом не было изменение общественно-экономической системы – по сути, в этих странах произошла лишь замена правящих элит (или их части) новыми конкурировавшими группами со своими экономическими и политическими интересами»³. Попытки смены власти, изменения векторов развития государств на постсоветском пространстве стали не просто существенными, но главными событиями мировой динамики. Запущены идеологическая и психологическая, политическая и организационная кампании: мимикрия под революции, символическая пропаганда, подражание. Запугивание, самоуготовление и финансирование. Мнение о том, что существует американское влияние на политическую ситуацию преувеличено, так как военная база и несколько НПО, функционирующих на базе периодически выделяемых грантов, не делают особой погоды в общественной жизни страны. Основная часть населения ориентирована на Россию, здесь сказываются близ-

Абдымомунова К. С. – преподаватель БГУ им. К.Карасаева

кое территориальное расположение, вековые добрососедские взаимоотношения двух государств и общее советское прошлое. В сущности, революция зарождалась в народной глубине и постепенной нарастая, ее волна докатилась до столицы и смяла антинародное правительство. На наш взгляд, то, что произошло в республике, имеет совершенно другие корни. Весной 2005 г. в Кыргызстане сложилась классическая революционная ситуация, когда «верхи не могли управлять по-новому, а низы не хотели жить по-старому»⁴.

Западные теоретики революции рассматривают три поколения в развитии теорий революции, обсуждая возможность появления четвертого. Первое поколение скорее описывало революции как явление, чем объясняло, почему революции возникали. Второе поколение создало и развило различные направления теории революции: марксистское, социально-психологическое, элитистское и др.; акцентировало внимание на внутренних противоречиях и конфликтах; соединило теоретические представления и практику революции. Третье поколение в 70-х – 80-х годах XX века сделало акцент на причинах революций, которые виделись в слабых или уязвимых для государства политических, социальных и экономических структур; пыталось дать целостное представление о революциях, обсуждало их необходимые и достаточные причинные факторы. Четвертое поколение продолжало сравнительно систематизировать и описывать факторы революции на новом опыте, привлекло отброшенные на третьем этапе субъективные стороны революций: вопросы лидерства, идеологии, идентификации как важнейший фактор революции. Меньше уделяя внимание пополнению или пересмотру перечня «причин» революций, они сосредотачивались на первичной стадии, стадии начала революции, рассматривая факторы стабильности и нестабильности власти.

Недавние теоретические истории, споры об оценке событий как революций и как переворотов хорошо известны. Это дискуссии относительно революций 1989 г. Центральной и Восточной Европы. Первоначально две группы ученых дискутировали по поводу того, являются ли эти события революциями. Аргументы «против» были такими же, как и в отношении нынешних событий: неясен социальный характер революций, зависимость революций от внешних событий, слабое участие массовых организаций в отдельных странах и т.д. Согласно обобщенному пониманию, суммирующему различные подходы к тому, что есть революция, можно выделить группу характеристик-критериев великой или идеальной революции:

- 1) эпохальность и глубина событий, изменений;
- 2) переход власти одного класса к другому, смена элиты;
- 3) изменения ценностей и мифов общества;
- 4) изменения в социальной структуре;
- 5) изменения политических и социальных институтов;
- 6) изменение социального лидерства;
- 7) переход власти к иной правящей группе;
- 8) наличие насильственного поведения или угроза насилием, приводящие к катастрофе прежнего строя;
- 9) участие в революции и изменениях широких масс;
- 10) революция задает стандарт для других стран, становится примером перехода власти от одного класса к другому нет, смена правящих элит.

Смена власти осуществлялась в пользу части представителей прежней правящей группы: Саакашвили, Бурджанадзе, Жвания, Ющенко, Тимошенко, Бакиев, Кулов, Отунбаева – занимали важные посты в прежней власти и были от нее отстранены на определенном этапе. Имеются ли изменения ценностей и мифов общества? Принципиальных изменений не произошло, но ряд ценностных ориентаций изменился⁵.

Общественно-политический кризис предшествует революции и революция является лишь одним из возможных выходов из него. Общественно-политических кризисов без революций значительно больше, чем имеющих в качестве последствия революцию. Дж.Голдстоун полагает, что распад государства происходит тогда, когда кризис государства ведет к широкому открытому конфликту, включая комбинацию выступлений политических лидеров, внутриэлитной борьбы и народных восстаний⁶. Концепции общественно-политического кризиса и революции вместе образуют единую группу, из которой может быть выделена группа причинных факторов революции. С.А. Белковский обозначил 10 факторов «цветных революций»: внешнее давление, делегитимизация, паралич вертикальной социальной мобильности, противоречия внутри властной элиты, отсутствие проекта будущего, оппозиционная сила, неспособность власти применить силу. Регионально-этнические противоречия, личная уния бюрократов и политических лидеров в правящем классе, повод для революции, им может послужить фальсификация выборов или серьезная локальная катастрофа⁷. На наш взгляд, подобные рассуждения, оторваны от реальной почвы. На пресс-конференции, состоявшейся 8 мая в Москве, на вопрос корреспондента газеты «Чикаго трибьюн» «была ли революция в Кыргызстане актом демократии или переворотом с целью захвата власти?» исполняющий обязанности президента и премьер-министр Кыргызстана К.Бакиев ответил: «Я категорически не согласен с утверждением, что это был переворот. Я еще раз повторяю, что это была революция». На такие четкие и однозначные заявления могут возразить: «пусть революция, но почему она произошла так легко, без предварительной и тщательной подготовки, без заранее составленных программ и планов действий, без научно проработанных и провозглашенных манифестов и т.д?»

По нашему глубокому убеждению, произошедшие изменения объясняются серьезными причинами объективного и субъективного порядка. Президент РФ В.Путин и Президент РК Н.Назарбаев обоснованно усмотрели предпосылки и причину смены власти в Киргизии в крайней бедности и нищете граждан, а также во внутренней слабости самой власти, ее структур⁸. Правительство Кыргызстана не выполнило свои обязательства перед народом. Активное вмешательство членов семьи президента в государственную политику, декларативность программных документов по социально-экономическому развитию страны порождали социальный протест, что на фоне всеобъемлющей бедности большинства и роскошной жизни президентского клана способствовало возникновению массового неповиновения. Согласно Всеобщей Декларации прав человека необходимо, чтобы права человека «охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»⁹. В Кыргызстане не соблюдались права человека, хотя на законодательном уровне эти

права существовали. Поэтому многие факторы, нередко включаемые в причинные факторы революции, на самом деле относятся не к ней, а к кризису¹⁰. Это относится к таким важным факторам, как разрыв в доходах между высшими и низшими группами, финансовый кризис, недовольство масс, наличие этнических движений, коррумпированность, несвобода СМИ. Еще одной серьезной политической ошибкой власть предержащих были очередные парламентские выборы. Нарушения «Кодекса о выборах» начались еще в период предвыборной кампании, по этому поводу росло недовольство жители различных уголков страны.

Мартовские события показали всплеск политического самосознания народа, повышение его роли и значимости при решении многих общегосударственных проблем. Однако понимание политических прав основной массой кыргызстанцев различно интерпретируются, сказывается недостаточная политическая культура населения, что создает почву для решения многих экономических и политических вопросов с позиции силы, предъявления ультимативных требований к новой власти. В республике все еще сохраняется значимость и роли политических лидеров, личностей. Роль политических лидеров на стадии обострения революционной ситуации довольно существенна, они сумели мобилизовать в короткие сроки значительные людские резервы на митинг, а ранее выступили с обращениями против А.Акаева, в которых объявляли ему войну. Мартовские события выдвинули на политическую арену двух политиков, народ доверил свою судьбу новым политическим лидерам – президенту К.Бакиеву и премьер-министру Ф.Кулову, которые возглавили страну; от их согласованности и правильности действий, профессионализма, а также от присущих им человеческих качеств зависело дальнейшее развитие страны. Когда мы вступили на путь обновления и модернизации крайне важно не ошибаться стратегией пути развития – куда мы идем, и что не менее важно, куда можем прийти? В решении этих судьбоносных проблем для кыргызского государства и народа велика роль политических лидеров. От их деяний во многом зависело характер общества, мир, покой, благополучие народа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Райс похвалила киргизскую революцию // Segodnia.ru. – 2005. – 21 окт.
- ² Сурков В. Запад не должен нас любить // Spiegel/ – 2005. – 20 Juny. <http://www.inosmi.ru/translation/220396.html>
- ³ Глава ЦИК России считает перемены в ряде стран СНГ не революциями, а сменами правящих элит // Интерфакс. – 2005. – 16 сентябрь.
- ⁴ Исаев К.И., Борсокбаева С.С. Причины и уроки народной революции в Кыргызстане // Социс. – №4. – С.116.
- ⁵ В.А.Барсамов «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социс. – 2006. – № 8. – С.60-61.
- ⁶ См. Goldstone J. Revolution and rebellion in the early Modern World. Berkeley, etc.: University of California press. – 1991. – P. 10-11.
- ⁷ Белковский С. Общая теория революции, или апология Луки // Независимая газета. – 2005. – 23 мая.
- ⁸ Т.Аскараров Соломоново решение. 24 марта 2005.6 «Народная революция»? – Бишкек, 2005. – С.49.
- ⁹ Всеобщая Декларация прав человека. Преамбула. Принята Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 года.
- ¹⁰ См.: Барсамов В.А. Структура общественно-политического кризиса. – М., 2003.

• отсутствие целостной системы социализации, развитые институты участия, слабое взаимодействие политических лидеров и органов государственной власти по активизации граждан;

• сознаваемая гражданами потребность в политическом участии не удовлетворяла предоставляемое политической системой возможности, более того, выражение этой потребности наталкивалось на упорное сопротивление самой власти, не желавшей делиться прерогативами разработки и принятия решений;

• у большинства кыргызстанцев были слабо выражены такие показатели демократического участия, как политическое доверие друг к другу и к институтам государственного и местного управления, членство в различных организациях артикулирующих и аккумулирующих общественные интересы;

• наблюдалась тенденция к отчуждению все большего числа кыргызстанцев от политической деятельности, обусловленная, в частности, их неверием в эффективность законных способов воздействия на власть.

Учитывая выше перечисленные факторы, можно сказать, что именно из-за отсутствия доверия к власти и убежденности в том, что другие формы участия недействительны и привело к массовому протестному участию в виде митингов и пикетов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Конституция Кыргызской Республики. Глава 1, 1 статья.
- ² Закон "О праве граждан собираться мирно, без оружия, свободно проводить митинги и демонстрации" источник www.Azia.kg
- ³ Мельник В.А. Политическое поведение и участие. – Политология. – М., 2006. – С. 334-335.
- ⁴ Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы. – Полис. – №4. – С. 172.
- ⁵ Хренов Е.А. Политическое участие. Политология/Под ред. Васильев М.А. – СПб. 1998. – С. 297.
- ⁶ Хренов Е.А. Политическое участие. Политология/Под ред. Васильев М.А. – СПб., 1998. – С. 298.
- ⁷ Гончаров Д.В. Структура политического участия. Введение в политическую науку. – М., 1997. – С.149.

Политическая элита Кыргызстана после 24 марта 2005 г.

Для элитолога анализ той или иной политической системы или политического процесса, прежде всего, является анализ элиты, а исследование трансформации политической системы – со смены элит. У такого подхода есть определенные основания. Однако, когда многие элитологи вслед за Г.Москвой добавляют, что анализ политической системы сводится к анализу элиты, что политическая трансформация общества сводится к переходному периоду и смене элит, они обнаруживают односторонность, недооценку роли неэлитных сегментов общества, прежде всего народных масс, в политическом процессе. Не разделяя подобных крайних суждений, признаем, однако, что характер, состав и ориентации правящей элиты – важнейший элемент политической системы, определяющий ее качество.

Радикальные перемены последних лет в нашей стране, а именно именуемая народная революция прошедшая 24 марта 2005 года, с неизбежностью требовали смены политической элиты. В настоящей статье ограничусь следующими проблемами: насколько тесно трансформация политической системы – смена режима одного президента на режим другого президента – связана с трансформацией элит; произошла ли в Кыргызстане смена типов политической элиты или же дело ограничилось лишь персональными изменениями, когда ряд представителей старой элиты, почувствовав изменение политической обстановки, поспешили сменить свое подчинение другому руководителю, как в свое время партюкраты чудесным образом превратились в «демократов».

Итак, происходит ли процесс смены элит? Подчиняется ли этот процесс каким-то общим закономерностям? Прежде чем ответить на эти вопросы, обратимся к существующим политологическим концепциям, трактующим данную проблему.

Теория кругооборота элит. Почти столетие назад итальянский социолог и экономист В. Парето сформулировал теорию кругооборота (циркуляции) элит, объясняющую, по его мнению, социальную динамику. Неизбежность деления общества на управляющую элиту и управляемые массы он выводил из неравенства индивидуальных способностей людей. Социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из такого состояния с течением времени возвращается к нему. Процесс этот образует социальный цикл, течение, которого зависит, прежде всего, от циркуляции элит. Они «возникают в низших слоях общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и, в конце концов, вырождаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории»¹. Качества, обеспечивающие элите господство, меняются в ходе цикла социального развития, поэтому меняются и сами типы элит. История оказывается «кладбищем аристократии».

По Парето, существуют два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип – «львы», для них характерен крайний консерватизм, грубые «силовые» методы правления. Второй тип – «лисы», мастера демагогии, обмана, политических комбинаций.

Эшанкулова Н. А. – старший преподаватель БГУ им. К. Карасаева

Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Если сравнить наших руководителей, в частности, первого президента Кыргызстана Акаева А.А. можно отнести к типологии лис, последний был оратором и в то же демагогом, который мог говорить о многом и в то же время не о чем и в основном на трудно доступном языке. В период правления А. Акаева политика формировалась на рыночных отношениях. Политический лидер рассматривался как предприниматель, действующий на специфическом рынке с целью продать свои программные документы, чтобы прийти к власти, причем об руку с президентским кланом. В связи с этим любое трезвое предложение, объективная критика воспринимались властью как очередная выходка недалёковидных оппозиционеров. В сущности, страна жила разрозненно, еще не сформировалось гражданское общество, отдельный человек не верил в собственную значимость и возможность участия в реальном управлении государством.

В целом весь период правления А. Акаева характеризовался бесконечной чередой подобных референдумов, выборов, а промежутки между ними заполнялись различными празднествами и юбилеями («Манас-1000», «Ош-3000», «2200 лет кыргызской государственности» и многие другие). Для их проведения, особенно в бюджетных организациях, осуществлялся сбор денег; отчисление однодневной зарплаты для этих целей стало обычным явлением. В обязательном порядке проводились поборы среди частных предпринимателей. Принимались многочисленные программы, которые, по сути, оставались декларативными, так как не имели никакой экономической и социальной базы для их претворения в жизнь («Аракет», «Ардагер», «Аялзат», «Манас», «КОР» и др.). Кроме того, в Кыргызстане каждый год имел конкретную направленность: страна жила то «в год гор», то в «год женщин», «справедливого управления» и так далее.² Изначально это предполагало хотя бы частичное решение некоторых проблем социального и экономического характера, а в дальнейшем они остались неким ритуалом и заканчивались бодрими рапортами и отчетами чиновников различного ранга. В результате система управления стала замкнутой, без обратной связи с обществом и общественными институтами. С одной стороны, формально провозглашались и поддерживались демократические принципы и международные стандарты открытого общества, с другой, – де факто выстраивалась сверх концентрированная и репрессивная система управления. Власть во главе с Акаевым взяла курс на авторитарное правление». В этом случае поведение экс-президента рассматривается в начале его правления как поведение присущее элитам «лисам», но затем в процессе его дальнейшего нахождения во власти его качества плавно начали перестать в качества элит «львов».

В итоге происходит политический процесс, произошедший в Кыргызстане в конце периода правления прежнего президента Аскара Акаева, отстраненного от власти 24 марта 2005 г. в результате штурма «белого дома» оппозиционными массами в столице страны – городе Бишкек. Это возможно было требованием того времени когда, при неустойчивой политической системе, была необходимость иметь элиту прагматически мыслящих энергичных деятелей, новаторов, комбинаторов.

Постоянная смена одной элиты другой – результат того, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение равновесия социальной системы требует

постоянного процесса замены одной элиты другой, по мере того как перед элитами возникают повторяющиеся социальные ситуации.

И впоследствии, возможно, произошла смена элиты лиса, на элиту льва, доказательством которого может быть событие 24 марта 2005 года, когда к руководствующему звену пришел решительный, принимающий быстрые и жесткие меры во всех отношениях, новатор, но в то же время лавирующий и как элита «лев», и как элита «лиса». Но по Парето, общество, в котором преобладает элита «львов» - ретроградов, застойно, а элита «лис» динамична. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентаций.

Из этого следует подчеркнуть, что эти качества механизма имели место в кадровой политике К.С. Бакиева. В первые же дни были назначения также и из круга «приближенных» экс-президента Акаева А.А., также применяется метод ротации при назначении чиновников разных ступеней, где такая кадровая политика может повлечь искоренение трибализма и регионализма.

Прекращение циркуляции приводит к вырождению правящей элиты, к революционной ломке системы, к выделению новой элиты с преобладанием в ней «лис», которые со временем перерождаются во «львов», сторонников жесткого подавления и деспотизма. Моска, развивая идеи Парето, полагал, что циркуляция элиты - залог здоровья общества, добавляя, впрочем, что все это - при условии преобладания стабилизационной консервативной тенденции, сохранения преемственного обновления элиты за счет лучших выходцев из масс.

Парето подразделял элиту на правящую и неправящую (контрэлиту). Революция, с его точки зрения, - всего лишь борьба и смена правящей элиты оппозиционной элитой, которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, вводя в заблуждение непосвященных. Но бытовало и другое мнение, где описывалось о том, что революции никогда не помогали скинуть бревно тирании, максимум, что они могут - это переложить его с одного плеча на другое.

Итак, народная революция - не более, чем смена элит: старая элита, стоящая у власти, одряхла, не способна к эффективному управлению, в обществе возникает новая потенциальная элита, но чтобы утвердиться в качестве правящей элиты, ей необходима поддержка масс, недовольных старым общественно-политическим строем. Она использует их как стадо баранов. И с их помощью пробивает дыру в ветхом заборе, ограждающем прежние порядки. Причем массы обычно остаются в дураках - новая элита «загоняет их в стойло» и порой экономический и политический гнет становится еще более жестоким и изощренным³. Именно в таком плане многие элитаристы интерпретируют в частности Октябрьскую революцию.

По отношению к Кыргызской народной революции некоторые политологи оценивают произошедшее как типичный политический переворот, смены власти одного клана другим кланом или одной семьи другой семьей. Но некоторые рассматривают, напротив, это событие как народную революцию, которая зародилась в глубинке и волны которой, нарастая, докатились до столицы и смяли антинародное правительство.

Касательно народа, они не были использованы, как это рассматривается у Парето. Народ Кыргызстана созрел, он в свою очередь показал всплеск политического самосознания народа, повышения его роли и значимости

Б. Ш. Толоева

Проблемы активизации политического участия граждан в мартовских событиях 2005 г.

Вопросы, связанные с активизацией политического участия граждан, является одной из актуальных проблем современного Кыргызстана. Наша современная демократическая политическая система основана на праве участия масс в политическом процессе. С обретением независимости в Кыргызстане термин "участие" приобрел популярность в политическом лексиконе, вошел в политические программы и политическую науку. В Конституции Кыргызской Республики о политическом участии граждан говорится в первой главе, которая посвящена основам государственного строя. Согласно четвертому пункту 1 статьи Конституции, народ Кыргызстана осуществляет свою власть непосредственно на выборах и референдумах, а также через систему государственных органов и органов местного самоуправления. В пятом пункте той же статьи говорится, Законы и иные вопросы государственного значения могут выноситься на референдум. Согласно шестому пункту, право избирать имеют граждане КР, достигшие 18 лет¹. Таким образом, Конституцией установлено право на политическое участие каждого дееспособного, достигшего 18-летнего возраста гражданина Кыргызской Республики.

Помимо участия в голосовании по Конституции КР предусматриваются и другие формы политического участия в виде мирных демонстраций, митингов, пикетов и т.д. Так, действующий Закон Кыргызской Республики /от 23 июля 2002 года № 120 в ред. от 5 августа 2008 года N 192/ "О праве граждан собираться мирно, без оружия, свободно проводить митинги и демонстрации" устанавливает правовые основы организации и проведения публичных мероприятий - собраний, митингов и демонстраций².

В Кыргызстане с 2004 по 2006 гг. усилилась политическая активность граждан, благодаря чему и произошла мартовская революция 2005 года. Причем масштабы участия расширились за пределы такой традиционной формы демократической активности граждан, как голосование. Популярной формой политического участия стала конфликтная или протестная, т.е. участие в митингах и пикетах. Митинги и пикеты стали профессией для многих безработных граждан нашей страны, которые на протяжении 2-3 лет участвовали во всевозможных митингах в регионах республики. Наблюдая за ходом событий, происходящих в стране на протяжении двух-трех лет возникает вопрос: всегда ли можно утверждать, что расширение объемов участия увеличивает демократический потенциал политических систем? Концепция партиципаторной демократии утверждает участие в качестве важнейшего компонента демократической политической системы. Однако, многие убежденные демократы, особенно сторонники элитистской теории, утверждают, что расширять масштабы участия за пределы электорального, опасно. Существует несколько проблем связанных с парти-

Толоева Б.Ш. - старший преподаватель Кафедры политико-правовых дисциплин, СПФ, БГУ

ципаторной демократией. Так, очень серьезной проблемой для демократической теории и практики оказывается вопрос о *гражданской компетентности* рядового члена демократического общества, о его способности и на подлинно рациональной основе оценить сложную структуру современной социальной реальности. Ярким примером тому, служит события 24 марта, когда изначально запланированный мирный митинг превратился в неуправляемую толпу, когда в Бишкеке царил хаос и бесправие. Следующей проблемой видится *системное напряжение*, когда результатом все более широкого и интенсивного участия может стать дезорганизация системы публичного управления разных уровней. К примеру, после мартовских событий в течении двух лет в стране прошла волна митингов и демонстраций, определенные лица для достижения своих целей устраивали заказные пикеты. Появилась группа безработных граждан, которые за деньги выходили пикетировать. К примеру, пикеты перед верховным судом, которые парализовали его деятельность на некоторое время. На местах местное население на свое усмотрение начало избирать акимов, не подчиняясь центральной власти. Такая излишняя активность населения в целом подрывала целостность всей политической системы, мешала становлению социально-политической стабильности государства. Третьей проблемой является то, что гражданин в ходе участия *разочаровывается*, так как результаты участия далеко не всегда удовлетворяют всех, кто проявляет активность.

Если начать с понятийного аппарата теории участия, то, по общему признанию исследователей, в современной научной литературе не существует однозначного определения понятия "политическое участие". Существует две концепции определения политического участия: *психологическая вовлеченность* в процессы политической жизни и *деятельная вовлеченность* в политику. Представители первой концепции, в частности, Х. Мак-Клоски рассматривает участие, прежде всего как чувство вовлеченности в процессы политической жизни³. Сторонники второй концепции утверждают, что политическое участие – это, прежде всего, инструментальная активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство, таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия⁴. К действиям, составляющим участие, эти авторы относят: действия по делегированию полномочий (электоральное поведение); активистскую деятельность, направленную на поддержку кандидатов и партий в избирательных кампаниях; посещение митингов и участие в демонстрациях; участие в деятельности партий и групп интересов. Наиболее подробная классификация политического участия была предложена английским ученым А.Маршом. Он выделяет два основных типа политического участия: 1) ортодоксальное 2) неортодоксальное.

К ортодоксальному относится участие, обеспечивающее устойчивость и функционирование политической системы, а также требования, предъявляемые к ней, выраженное в законных формах таких, как обычная политика, голосование, лобби, группы формальных интересов, петиции, лозунги, законные демонстрации.

К неортодоксальному отнесены несанкционированные действия, связанные с выражением требований или направленные против политической системы (протестное поведение). В отдельный тип выделяется поли-

тические преступления, т.е. политическая деятельность с использованием нелегитимного насилия. К ним относятся: незаконные демонстрации, захват помещений, повреждение собственности, насилие, захват заложников, саботаж, партизанские действия, убийства, революции, войны, похищения⁵.

Американский ученый У. Милбрайт подразделяет политическое участие на конвенциональное (легальное регулируемое законом) и неконвенциональное (незаконное, отвергаемое большей частью общества по моральным, религиозным и иным соображениям). К первому типу он относит голосование, участие в работе партий и избирательных кампаниях, участие в политической жизни общества, контакты с официальными лицами. Во второй тип он включает участие в демонстрациях, бунты, участие в митингах протеста, отказ повиноваться несправедливым законам и политическим решениям. Неконвенциональное участие подразделяется на ненасильственные активные формы (демонстрации, пикеты, митинги и т.п.) и насильственные формы политического участия (терроризм, бунт и т.п.). Политическое участие можно также подразделять по степени или уровню активности (активное – пассивное).

Российский политолог Е.А. Хренов совместив два параметра: формы участия (приемлемые и неприемлемые) и степень активности (активное – пассивное) выделил четыре типа политического участия⁶.

Формы политического участия по Е.А. Хренову

Форма участия	Приемлемая	Неприемлемая
Активное участие	участие в выборных органах; лоббистская деятельность; организационная деятельность; (участие в политических партиях и организациях); участие в политических демонстрациях и других политических акциях	насилие; подкуп должностных лиц; дезорганизация
Пассивное участие	участие в голосовании; повиновение закону	презрение закону нарушение закона

Рассмотрев выше предложенные классификации, нам становится ясно, что большинство аналитиков классифицируют митинги, пикеты к конфликтной или протестной форме политического участия. Но, здесь нам надо различать санкционированные митинги и демонстрации от несанкционированных. Если митинги прошли в рамках установленного законом нормам, без нарушений, то такие формы участия считаются приемлемыми. Напротив, если митинги проводятся без разрешения официальной власти или же становятся неподконтрольными и сопровождаются захватами помещений, повреждением собственности, с применением насилия, то это считается конфликтным участием. В теоретическом плане конфликт рассматривается политологами в качестве одной из наиболее характерных форм политического участия граждан, реагирующих на ограничение их гражданских возможностей. Главной особенностью протестного участия является отказ вовлеченных в него индивидов и групп от конст-

руктивного сотрудничества с существующими в рамках данного социально-политического и правового порядка структурами центральной и местной власти. Протестная форма политического участия часто используется в тех обществах где, другие формы участия уже недействительны и по-другому власть имущие на их требования никак не реагируют, как это было в последние годы правления А. Акаева.

Основными факторами, влияющими на политическую активность, является уровень дохода, возраст, образование. По утверждению большинства западных политологов, чем выше социально-экономическая уровень жизни, тем выше политическая активность граждан. Политическую активность граждан они связывают с двумя показателями с социальным статусом индивида и его образованием. Поскольку более высокий статус обеспечивает индивидам "стратегические" позиции в обществе. Он позволяет успешно отождествлять себя с более выгодными и интересными политическими ролями. Благодаря своей более высокой информированности и вовлеченности многообразные сети социального общения такие люди оказываются гораздо ближе к сердцевине структуры участия. Наибольшее влияние на характер и интенсивность участия оказывает образование, а также профессия индивида. Здесь речь идет о конвенциональном участии граждан, их электоральное участие, активистская деятельность, направленная на поддержку кандидатов и партий в избирательных кампаниях; участие в деятельности партий и групп интересов и т.п. Российский политолог Гончаров объясняет политическое участие действием трех основных факторов – индивидуализированных условий социализации, мобилизацией индивидов со стороны организованных политических сил, социально-экономическим развитием наций⁷.

Напротив, чем ниже социально-экономический статус индивида, тем больше он аполитичен, не желает участвовать в общественной жизни, равнодушен к ценностям и институтам демократии.

У нас же наоборот низкий социально-экономический показатель, высокий уровень безработицы, низкий уровень политической культуры населения привели к политической активизации масс, которая приняла протестную форму. Вспоминая события тех дней, спрашивается, что заставило наших соотечественников быть не просто пассивным зрителем политических событий? Какие факторы повысили степень их политического участия? Какие проблемы привели к активизации политического участия граждан? Какими мотивами руководствовались простые граждане, участвовавшие в митингах?

На сегодняшний день очень много работ, написанных на тему мартовских событий, где каждый автор по-своему рассматривает причины и предпосылки. К основным факторам активизации политического участия большинства граждан относят: низкий уровень социально-экономической жизни населения, коррупция, разделение на кланы и родоплеменные отношения, события в Аксы, растущая концентрация политической власти в руках президента и его семьи, фальсификация итогов выборов, внешний фактор и т.п.

Рассмотрев понятийный аппарат, формы и мотивы участия хотелось бы добавить к выше перечисленным факторам следующее:

при решении многих общегосударственных проблем. Однако понимание политических прав основной массой кыргызстанцев различно интерпретируется, сказывается недостаточная политическая культура населения, что создает почву и для решения многих экономических и политических вопросов с позиции силы, предъявлением ультимативных требований к новой власти и тем не менее благодаря народной массе свершилось правление А.А.Акаева и народ смог донести свои наболевшие проблемы...

Одной из характерных черт современной властной элиты также и после революционного периода, несмотря на попытки президента, является ее представленность и продвижение по региональному признаку – юг и север. Характерной особенностью элит является их разобщенный характер, что в полной мере можно было наблюдать в Кыргызстане последние годы. Разобщенный характер элитных групп, выражающийся минимальным ценностным консенсусом, как в стане власти, так и в стане оппозиции. При общей артикуляции практически одних и тех ценностей и та, и другая сторона демонстрировали абсолютную разнонаправленность и целей, и самой деятельности. Разобщенность межэлитных взаимодействий проявлялось в кадровых расстановках и проявлениях внутриэлитных взаимодействий, которые проявлялись и проявляются на сегодняшний день. Как мы знаем, власть в стране после революционного периода олицетворял «двуглавый» тандем во главе с Бакиевым и Куловым, вокруг которого было также очень много мнений. Также являвшийся одной из основных мотиваций протестующих 24 марта 2005 года было «свержение режима Акаева», основным требованием было выражено как – «Акаев кетсин», то и в первые годы пост революционного периода были попытки и других требований как «Бакиев кетсин, Кулов кетсин». Складывается мнение что, в большой массе это были неосознанные слоганы о смене данного, ненавистного в этот день, год, час властного правителя.⁴ Необходимо отметить, что за последние годы в Кыргызстане стали вырабатываться политические традиции, присущие с одной стороны, имеющую свою специфику. По мнению известного политолога В. Богатырева, «акт демократического действия у кыргызов всегда носит реальный, а не символический характер. И если западный обыватель может прийти на митинг, а через час, в крайнем случае – вечером спокойно вернуться домой, то наш, если уж он вышел с протестом, не уйдет, пока не добьется своего. Особенностью кыргызской демократии является ее прецедентный, а не нормативный характер».⁵

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ашия Г. Гражданское общество и правовое государство. Смена власти. – М., 1995. – С.40.

² Исаев К., Борсокбаева С.С. Причины и уроки народной революции в Кыргызстане. // Социс. – С.119.

³ Богатырев В. Место и роль политических партий в Кыргызстане – «Политические партии в Кыргызстане» Институт общественной политики IPP. – Бишкек, 2006. – С. 23

⁴ Ногойбаева Э. Элита Кыргызстана: этапы формирования и особенности Взаимодействия – «Элиты Кыргызстана, проектно-исторический аспект» Институт общественной политики IPP. – Бишкек, 2006.

⁵ Ашия Г. Гражданское общество и правовое государство. Смена власти. – М. – 1995. – С.42.

БОРБОРДУК АЗИЯ ӨЛКӨЛӨРҮНҮН ТАРЫХЫНАН ИЗ ИСТОРИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Маматова

Түркстан генерал-губернаторлугунун структурасы жана функциялары

XIX кылымдын 60-80-жылдары Россия империясы каратып алган аймактарды башкаруу үчүн жаңы административтик башкаруу системасын киргизе баштаган. Каратып алган жерлер областтарга, уезддерге, волостторго жана айылдарга бөлүнгөн. Бул бийлик системасынын башында генерал-губернаторлук жана анын канцеляриясы турган. Түркстан крайына жаңы административдик системаны киргизүү туурасында Петербургдун башкаруу чөйрөсүндө кандай үлгүдөгү башкаруу моделин колдонуу боюнча кызуу талаш-тартыштар жүргөн. Ал мезгилде Россия империясынын колониясына айланган Поволье, Прибалтика, Кавказ аймактарын башкаруу боюнча падышачылыктын тажрыйбасы бар болчу. Ошол эле мезгилде, падыша өкмөтү башка мамлекеттердин метрополиясы болгон Англиянын Индиядагы, Франциянын Тунистеги башкаруу системасынын тажрыйбасын да эске алган. 1867-жылы Сыр-Дарья жана Жети-Суу областтарын башкаруу боюнча үч жылга эсептелген убактылуу «Жобо» кабыл алынган. Ал эми XIX кылымдын 60-90-жылдары бир нече «Проектер» жана «Жоболор» кабыл алынган. Колониялык башкаруу системасынын негизги максаты: падышачылыктын крайдагы бийлигин бекемдөө; генерал-губернатор башында турган чиновниктердин чексиз бийлигин камсыздоо; падыша өкмөтүнө «жаккан тартипти» жана бул режимге каршы келген ар кандай карама-каршылыктарды басуу болгон.

Белгилүү болгондой, 1867-жылы 11-июлда Сыр-Дарья жана Жети-Суу областтарынан турган Түркстан генерал-губернаторлугу түзүлгөн. Биринчи генерал-губернатору немец улутундагы К.П.Кауфман 14 жыл бою крайды башкарып турган. Россия империясы Орто Азиянын жаңы аймактарын каратуу менен, генерал-губернаторлуктун курамына төмөнкүдөй административтик бирдиктер кошулуп олтурган: 1868-жылы борбору Самарканд болгон Зарафшан округу, борбору Петроалександровка болгон Амударья бөлүмү, 1876-жылы борбору Жаны Маргелаң болгон Фергана областы. Ал эми 1899-жылдан баштап борбору Асхабат болгон Закаспий областы, 1886-

Маматова А. – ОШ мамлекеттик университетинин улук окутуучусу

жылы болсо, Зарафшан округу Самарканд областы болуп кайра түзүлгөн. Ошентип, XIX кылымдын 90-жылдарында 5 областтан турган генерал-губернаторлук Орто Азиянын кенири аймагын ээлеп, Түркстан крайы деп атала баштаган турган. Мындан сырткары, Бухара жана Хива хандыгы Россия империясынын протектораты болуп жарыяланган. Түркстан крайынын жалпы аянты 1738918 км² түзүп, 1897-жылы бүткүл россиялык эл каттоо боюнча крайда 5280983 адам жашап турса, ал эми 1911-жылы болсо калктын саны 6492692 адамга жеткен¹. Демек, 14 жылдын ичинде калктын саны 1211709 кишиге же болбосо 7% өскөн. Албетте, калктын мындай көбөйүшү көчүрүп келүү саясатынын күчөшү менен түшүндүрүлөт.

Крайлык бийликтин башында падыша тарабынан дайындалган генерал-губернатор турган. Ал административтик, сот, полиция, салык, аскер, чарба жана тышкы иштерди тейлеп, чексиз бийликке ээ болгон. Ошондуктан, калк арасында К.П. Кауфман «жарым падыша» деген атка конгон. Бирок, көпчүлүк генерал-губернаторлор өзүнүн билиминин тайкылыгы, административтик жөндөмсүздүгү, өз кызматына кош көңүл мамиле жасашкан.

Генерал-губернаторлуктун канцеляриясы – бюрократиялык аппараттын негизги өзөгүн түзүп жана көпчүлүк убакта өз алдынча иш жүргүзгөн органга айланган. 1867-жылы түзүлгөн бул орган алгач 4 бөлүмдөн турса, кийинчерээк 9 бөлүмдөн туруп, административтик-штаттык жана инспекторлук, жер, салык, жол курулуш жана тышкы иштер маселелерин тейлөөчү орган болуп калган. Канцелярия ар кандай нормативтик актыларды, жаңы мыйзамдарды иштеп чыгууда чоң роль ойногон. Мындан сырткары, канцелярия кадр, көзөмөлдөө маселелерин да тейлеп турган. Бул туурасында, крайды убагында ревизия кылган падышанын жашыруун кенешчиси Ф.Гирс мындай деп сүрөттөгөн: «... канцелярия мыйзамсыз, өзүнө тиешесиз иштер менен алек болгон жогорку чечүүчү органга айланып калган². Чындыгында, генерал-губернаторлуктун канцеляриясынын функциясы туурасында «Жободо» кенири маалымат жазылган эмес. Бирок, иш жүзүндө крайдагы генерал-губернаторлордун тез алмашышы, алардын крайды өнүктүрүү боюнча программасынын жоктугу, туруктуу саясатынын болбогондугунун натыйжасында, канцелярия (ал орун) иш жүзүндө аткаруучу гана эмес, генерал-губернатордун атынан буйрук берүүчү органга айланган. Түркстан крайын ревизия кылган К.К.Пален канцелярияга түшкөн кагаздар дайыма эле генерал-губернаторго жеткирилбейт, көпчүлүк убакта канцелярия башчысына жөнөтүлөт, ал генерал-губернатордун атынан жер-жерлерге буйрук берет»³ – деп белгилеген.

Областын башында аскер губернатору жана областтык башкармалык турган. Аскер губернатору бир эле убакта аскер башчысы да болуп эсептелген. 1867-жылы кабыл алынган «Жобонун» негизинде аскер губернаторунун административтик, полиция, сот жана аскердик тармактарды тейлеген. Мындан сырткары, анын негизги функциясы болуп: болуштук съезддерди өткөрүүнү белгилөө, болуштук башкаруучуну бекитүү функциялары берилген⁴. Аскер губернаторунун алдында анын жардамчысы да болгон. Аскер губернаторлор да тез-тез алмашып турган. Алсак, Фергана областында 1876-жылдан тарта, орточо 4 жылдан кызмат өтөгөн 11 адам: Скобелев, А.К.Абрамов, Н.А.Иванов, Н.И.Корольков. Поваль-Швийский,

В.Чайковский, Г.А.Арандернеко, В.И.Покотило, Сусанин, А.И.Гиппус-тар башкарышкан. Ал эми Самарканд областында 1887-жылдан тарта орточо 3 жылдан 8 аскер губернатору: А.М.Яфимович, В.Ю.Мединский, Гескет, А.С.Галкин, Григорьев, Н.С. Лыкошин кызмат өткөн. Аскер-губернаторлордун социалдык теги боюнча дворяндык катмардан чыккан, орто жана жогорку билимдүү болушкан. Аскер-губернаторлору негизинен Орто Азиядагы согуштук процесстерге түздөн-түз катышып тигил же бул шаар, кыштактарды, чептерди каратып алууда «өзгөчөлөнгөн» офицерлерден дайындалган.

Областтык башкармачылык болсо, жергиликтүү маанилүү мамлекеттик мекеме болгон. 1867-жылкы «Жобонун» негизинде областтык башкармачылык чечим чыгаруучу, чарбалык, сот бөлүмдөрдөн турган коллегиялдуу орган болгон. Областтык башкармачылыктын төрагасы аскер губернаторунун жардамчысы болгон. Башкармачылык административдик, сот, полиция, финансы, чарбалык функцияларды аткарышкан. Областтык башкармачылыктын бөлүмдөрү колониялык бийликтин чечимине ылайык, көбөйүп олтурган. Алсак, 1867-жылы Сыр-Дарья жана Жети-Суу областтары үч бөлүмдөн турса, XIX кылымдын 80-жылдарында буга кошумча, курулуш, айыл чарба, медицина, ветеринария, бухгалтерия бөлүмдөрү ачылган.⁵

Уезддик администрациянын башында – уезддик начальник турган. Уезддик начальник административтик жана полициялык функцияны аткарган. К.К.Пален белгилегендей, алар негизинен төмөнкүдөй үч тармакка көзөмөл жүргүзүшкөн: 1) полициялык, жалпы коопсуздукка көзөмөл жүргүзүү, 2) административтик, айыл жергесиндеги орус жана жергиликтүү элдерди жерге жайгаштыруу жана мамлекеттик көрсөтмөлөрдү ишке ашыруу, 3) чарбалык, шаарларды башкаруу, жана салык иштеринин аткарылышына көзөмөл жүргүзүү, 4) мамлекеттик бийликтин өкүлү катары уездде кызмат аткаруу.⁶ Уезд начальникин аскер-губернаторунун жолдомосу менен генерал-губернатор дайындаган. Крайдагы беш областтын уезддик начальниктеринин тизмесин анализдеп көрсөк, алардын көпчүлүгү дворяндык катмардан чыгышып, басымдуу көпчүлүгү орто жана жогорку билимге ээ болушкан. Алардын көпчүлүгү Михайлов артиллериялык окуу жайын, Варшава жөө аскер-юнкердик окуу жайын, Александр окуу жайын бүтүрүшкөн⁷. Уезддик начальниктер кеңири укуктарга ээ болушкан: алардын колдорунда налогдордун бардык түрлөрүн жыйноо, салык жана айыптарды чогултуу, айылдык башкаруучулардын шайлоолорун бекитүү жана аларды кызматтан алуу укуктары берилген. Болуштукка шайлоого түздөн-түз жооп беришкен уезддик начальниктер, падышанын саясатын колдогон, эл арасындагы кадыр-баркка ээ болгон инсандарды шайлоодон өткөрүүгө көмөк көрсөтүшкөн. Ал эми колониялык бийликке каршы маанайдагы адам шайланып калган убакта, аны жараксыз деп таап, кайра шайлоо жүргүзгөн убактар көп болгон. Маселен, 1903-жылы Фергана областынын Андижан уездинин болуштук башкаруучуларынын тизмеси боюнча 20 болуштук башкаруучудан дайындоо жолу менен 15 адам, Маргелан уездинде 19 болуштуктан – 14 адам, Кокон уездинде 23 болуштуктан – 12 адам, Наманган уездинде 31 болуштуктан – 17 адам, Ош уездинде 12 болуштуктан – 10 адам дайындалып иштеп турган⁸.

Уездеги жергиликтүү көчмөн эл болуштукка жана айылга бөлүнгөн.

1867-жылы кабыл алынган «Жобого» ылайык, 1000-2000 түтүн бир болуштукту, 100-200 түтүн бир айылды түзгөн⁹. Болуштуктун башында - болуш, айылдын башында - айылдык старшина туруп, бийликтин бул тепкичи шайланма орган болгон. 1867-жылы кабыл алынган «Жобого» ылайык, шайлоо системасы төмөндөгүдөй тартипте жүргөн: болуштук жана айылдык старшина үчүн экиден кандидатура тандалып, анын бирөөсү шайланып, экинчиси кандидат болуп калган. Кандидат болгон адам болуш өлгөн учурда же болбосо, болуштуктан чыгып кетке учурда анын ордун ээлеген. Жогорудагы эки орунга эл ичинде сый-урматка ээ болгон, соттолбогон, кылмыш кылбаган жана 25 жаштан жогору адам катышууга укуктуу болгон. Болуштукту жана айылдык старшинаны шайлоо өз-өзүнчө жүргөн. Алгач айылдын 10 түтүнү бир шайлоочуну шайлашкан, ал шайлоочулар өз чогулушунда айылдык старшинаны шайлашкан. Эгерде айылда 10 түтүндөн ашык, бирок 5ке жетпеген түтүн болсо, алар шайлоочу сунуш кылы алган эмес, ал эми 5 түтүндөн ашса шайлоочу дайындоого укуктуу болушкан¹⁰.

Ал эми болушту шайлоо үчүн 50 түтүн бир шайлоочуну дайындашып, ал элуу башчылар съездге чогулушуп, съезде болуштук башкаруучуну жана ага кандидатты шайлашкан. Чындыгында, көчмөндөргө киргизилген бул шайлоо системасы одоно тартип бузууларды жаратып, атаандаштардын ортосунда конфликттер күчөп, паракорлук өкүм сүрө баштаган. Бул жөнүндө Б.Солтоноев мындайча сүрөттөйт: «бир түтүн 100-200 сом, жэ төрт-беш карага жете пара алган. Кээ бир уятсыз митаимдер катындагы алган. Бул туурасында: «эки эл тарап болсо, эптүү жигит катын алат»¹¹ – деген сөз калган.

Ар бир болуштуктун, айылдын жерлерин аныктоо боюнча комиссия иш алып барган. Жерлерди, алардын чектерин аныктоодо, уруулар мурунтан ээлеп, конуп, көчүп жүрүшкөн жерлер, жайыттар ошол уруулар кирген болуштуктун карамагына өткөн. Маселен: Жети-Суу областына кирген Токмок уезди Нарын, Кара-Балта, жана Чу суусун бойлоп жайгашкан кыргыздар жана Чу суусунун оң тарабындагы жана Ала-Тоо кыркаларынын түштүк жээгинен орун алган казактар түзгөн. 1867-жылдын 11-декабрынан 1868-жылдын 8-июлуна чейин жүргүзүлгөн болуштуктарды аныктоо комиссиясы уездде 24072 түтүн калк жашагандыгын аныктаган, алардын 19у кыргыз болуштугун түзүшүп, аларга шайлоо жүргүзүшкөн¹². Ошол эле мезгилде болуштуктун чектерин аныктоодо чыр-чатактар да келип чыккан. Уезддердеги болуштуктардын аралыгы узак, ага жетүү үчүн климаттык-табигый шарттар кыйын болгон. Ошондуктан, айрым тоолуу аймактардагы болуштуктарда алгачкы мезгилде бийликти жергиликтүү манаптар эле жүргүзүп келген. Ири уруу башчылары орус бийлигин тааныгысы да келген эмес. Албетте, жаңы административтик система кыргыздардагы ууру-уруулук чыр-чатактарды токтотууга алып келди. Бирок, падышачылык тарабынан киргизилген башкаруу системасынын түпкү максаттарынын бири – экономикалык кызыкчылык болгон. Жергиликтүү элди болуштукка, айылга бөлүү, колониялык бийлик үчүн салык чогултууну женилдетсе, ошол эле мезгилде коопсуздукту сактоо онойго турган. Ал эми XIX кылымдын 90-жылдарынан тарта орус келгиндеринин көбөйүшү менен орус администрациясынын таасири күчөп, мурунку өз алдынча жашап келген айылдардын коомдук-саясий, маданий чөйрөсүндө көп өзгөрүүлөр боло баштаган.

Ошол эле мезгилде айрым жерлерде бир уруудан (уруунун санынын көптүгүнүн натыйжасында) түзүлүп калган болуштуктарда, уруунун башында турган манап күн мурунтан эле шайлоону оз каалагандай чечип кое алган. Айрым бир фактыларга кайрылып көрөлү:

Жыйынтыктап айтканда, Россия империясынын Түркстан крайында жүргүзгөн административтик саясаты басып алуучулук саясатынын мыйзам ченемдуу уландысы болуп, бюрократиялык мүнөздө болгон. Административтик жактан бөлүү жергиликтүү элдин тарыхый, географиялык, экономикалык, улуттук өзгөчөлүктөрүн эске албаган. Административдик саясаттын күчөшү жергиликтүү элдин арасында нааразычылыктарды жаратып, бул XX кылымдын башындагы улуттук-боштондук кыймылдын чыгышынын түпкү себеби болгон.

КОШУМЧА ТҮШҮНҮКТӨР:

¹ Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – I четверти XX вв. – Ташкент, 1999. – С. 10.

² Гирс Ф.К. Отчет ревизующего, по высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. – СПб., 1883. – С. 10.

³ Всеподданнейшая записка содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по высочайшему повелению сенатором К.К.Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. II. – СПб., 1910. – С. 24.

⁴ Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырь-Даринской областях. – СПб., 1867. – С. 5.

⁵ Всеподданнейшая записка содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по высочайшему повелению сенатором К.К.Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. II. – СПб., 1910. – С. 24.

⁶ Там же. – С. 36.

⁷ ЦГА. РУ. Ф. И. – 19. оп. – 1, д. 42., 59, л. 5051.

⁸ Там же. – оп. д. 16. л. 56.

⁹ Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырь-Даринской областях. – СПб., 1867. – С. 5.

¹⁰ Проект положения... – С. 18.

¹¹ Солтоноев В. Кызыл кыргыз тарыхы. – Бишкек... Т. 2. – 78-б.

¹² Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год. – С. 37-38.

С. Ташболотова

К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX веков

После присоединения Кыргызстана к России проводимая царизмом колонизаторская политика в Кыргызстане особенно ярко проявилась при организации им переселенческого движения крестьян из России на кыргызские земли. Нужно отметить, что российские власти в первые годы колонизации подходили к этому вопросу с осторожностью. Проблема крестьянских переселений породила противоречия между желанием заселить край русским элементом и стремлением сохранить спокойствие коренного населения. Чиновники местной администрации, знакомые с местными условиями, хотя и желали русификации, но все же опасались, что наплыв русского крестьянского населения в Туркестан, где было мало свободных земель, вызовет беспорядки и волнения.

Однако впоследствии обострение социальной напряженности в России, вызванное последствиями крестьянской реформы 1861 года, привели к необходимости избавления империи от избытка освобожденного от крепостного ига, но безземельного крестьянства путем переселения его на окраины. Поэтому основными причинами, вызвавшими в 70-х годах рост переселенческого движения, поощряемого правительством России, стали:

- 1) Предупреждение беспорядков на территории России, которые могли быть вызваны волнениями безземельных крестьян;
- 2) Закрепление колониальных окраин за метрополией – Россией;
- 3) Создание собственной этнической опоры, которая могла бы при необходимости помочь военным силам Туркестанского военного округа.

Прежде чем охарактеризовать роль переселенческой политики и практики в колонизации края, необходимо прежде всего осветить особенности землевладения и землепользования в Кыргызстане в последней четверти XIX века. Их анализ позволяет определить специфику аграрной политики царизма в различных районах Кыргызстана. Так, на юге она выражалась в землеустройстве оседающих кочевников и прикреплении их к определенным участкам земли на жестких условиях, а на севере – в изъятии земель у коренного населения и вытеснении их с долинных зон. А это было связано с территориальным разделением труда и соответствующей специализацией хозяйства этих районов¹.

«Временным Положением...» царского правительства от 1868 года вводилось следующее поземельное устройство. Земли были признаны государственной собственностью. Население должно было платить налог не за объем земельной площади, а с хозяйства – кибитки. Государственные земли предоставлялись в общественное пользование. Частная собственность на землю признавалась только за теми лицами, «коиим высочайше были пожалованы земли, и лицами, имеющими на ведение земель узаконенные акты».²

Ташболотова С. – старший преподаватель Ошского государственного университета

Царское правительство отчетливо понимало, что предоставление земли в частную собственность местному населению сделает невозможным дальнейшее углубление русской колонизации, во-первых, потому, что оседание, переход к земледелию на своей частной земле, всегда стимулирует человека к изысканию передовых, более совершенных форм хозяйственности, более прогрессивных методов деятельности, что в конечном счете, способствует прогрессу всего общества, а это шло бы вразрез интересам царского правительства, стремившегося задержать кыргызов на том уровне, на котором оно их застало, что было удобным условием для их колониального порабощения. Во-вторых, как показывает история человечества, именно частная собственность всегда способствовала появлению у человека чувств индивидуализма, стремления оградить, защитить свою собственность от посягательств со стороны, что также не отвечало целям колониальной политики России.

Проведению переселенческой политики на территории Кыргызстана способствовали также и особенности кыргызского землепользования, не регламентированные никакими письменными документами. После присоединения Кыргызстана к России главным распорядителем земель в нем стала волость. Аулы пользовались земельными площадями, выделенными из волостного пользования. Общинное землепользование сохранялось с известными ограничениями не летовках, а на зимовках, за исключением общинных угодий, земля распределялась между частновладельцами. Эта мера способствовала укреплению позиций байского сословия. Участки были не равными, их размеры «обуславливались численным составом объединенного рода или племени, силою и богатством отдельных личностей и влиянием родовичей... отсюда и неизбежное следствие поразительная неравномерность кыргызского землепользования... Одни кыргызы пользуются огромными пространствами, другие – маленькими участками (до 4-х десятин на мужскую душу), встречаются группы кыргызов вовсе обезземеленных, иногда сотнями кибиток»³.

Развитие переселенческого движения в Кыргызстане заставило Российское правительство задуматься о введении определенных нормативно-правовых документов с тем, чтобы узаконить и регулировать данный процесс. Царское правительство в самом начале передало решение вопросов переселения в Туркестан в ведение военного министерства, в подчинении которого находился край. Правовой основой осуществления туркестанскими властями переселенческой политики послужил проект «Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями», который был введен в действие по личному распоряжению императора Александра II в 1867 году.⁴ Другим правовым актом, регулировавшим права переселенцев, явилась статья о наделении переселенцев землей, внесенная в раздел «О пользовании и владении» вышеуказанного «Временного положения...» 1868 года. В соответствии с ним, на зимних пастбищах переселенцы могли получить землю в аренду по соглашению. На летних же пастбищах поселение разрешалось по усмотрению местной администрации, без оплаты коренному населению за отвод земли. Переселенцы могли также селиться при уездных управлениях, строить дома, заниматься на отведенных им участках ремеслом, торговлей, промышленностью и земледелием.

Опираясь на вышеуказанные документы, можно сделать вывод о том, что действия российских властей по осуществлению переселенческой политики в Кыргызстане начались со второй половины 60-х годов XIX века. Сенатор К.К.Пален указывает, что вначале они начались в Семиречье, где к этому времени позиции России укрепились настолько, что она могла без опасений приступить к колонизации края. В Ферганской области эти процессы начались лишь в 90-х годах XIX века, что было в основном связано с тем, что здесь свободных орошаемых земель не было, а орошение новых пространств требовало значительных расходов. Поэтому для устройства русских поселений были использованы межгорные долины, где часть посевов могла производиться без искусственного орошения.

Одним из первых шагов в осуществлении переселенческой политики стал проект о правилах устройства переселенцев, представленный Семиреченским военным губернатором Колпаковским в 1869 году. Пален отмечает, что хотя этот проект и не был утвержден, но все же он был приведен в исполнение и действовал до 1883 года.⁵

В общих чертах эти правила сводились к следующему: «1) на каждую мужскую душу отводилось до 30 десятин удобной земли, из коих 15 поступало в запас на случай естественного прироста населения. Поселенцам, основавшимся при почтовых трактах, надел увеличивался до 15 десятин.

2) новоселы освобождались от всех податей и повинностей на 15 лет, а те из них, которые селились при пикетах, на 25 лет;

3) ссуды допускались в количестве не с выше 100 рублей на семью (в действительности они или не выдавались вовсе или отпускались в значительно меньшем размере. В общем в период времени с 1870 по 1895 гг. было выдано 10 тыс. рублей в безвозвратное пособие 615 семьям и 25 тысяч в ссуду 897 семьям);

4) для перечисления на новые места надлежало представить увольнительное свидетельство и подписку о знакомстве с местными законами и с правилами о выдаче казенных пособий. Не поселившиеся в местах приписки в течение года подлежали принудительному выселению из области;

5) форма землевладения устанавливалась общинная, без указания на право выкупа участка в собственность»⁶.

В ходе проведения переселенческой политики выяснилось также, что необходимо землеустроить не только российских, но и эмигрировавших из Китая дунган и таранчей (уйгуров). Кроме этого обнаружилось, что размер предоставленной новоселам земли в действительности не может превышать 2-3 десятин на каждого мужчину. Эти обстоятельства привели к тому, что в 1876 году тридцатидесятилетний надел был понижен до 17 десятин, а позже – и до десяти.

О миссионерской направленности переселенческой политики России наглядно свидетельствует тот факт, что царские власти поощряли миграцию именно православного населения, запрещая переселение в край мусульман-татар из Поволжья или русских сектантов (раскольников-старобрядцев). Так, в 1873 году администрацией К.П.Кауфмана был составлен новый проект «Туркестанского положения...» об управлении краем, где говорилось о запрете переселения названных выше категорий населения России в Центральную Азию. Однако это могло поставить под сомне-

ние сам факт существования веротерпимости в России, что не поняли бы европейские государства и поэтому проект 1873 года не был законодательно утвержден⁷.

Другой правовой основой переселения были приказы туркестанского генерал-губернатора. Позже новый порядок поземельного устройства в крае определили статьи 280-284 «Положения об управлении Туркестанским краем», принятые в июле 1886 года и пункт X мнения Государственного Совета, утвержденного 12 июля 1886 года. Так, в подтверждение вышеуказанного проекта «Туркестанского положения» об управлении краем, ст.262 «Положения...» разрешала приобретение в крае недвижимого имущества лицами всех христианских исповеданий и запрещала приобретение недвижимого имущества «лицами нехристианских исповеданий». Коренные среднеазиатские мусульмане и представители других народов такие права имели.⁴

Данный документ является наглядным подтверждением того, что с помощью распространения христианской веры, царское правительство было намерено проводить целенаправленную русификаторскую политику, которая способствовала бы созданию в среде местного населения социальной опоры царизма, перешедшей в христианскую веру.

Однако из этой ситуации состоятельные мусульмане-татары, российские евреи нашли выход, приезжая в Туркестан и приобретая недвижимое имущество на подставных лиц и развивая на его основе предпринимательскую деятельность. Татарам оказывали помощь местные единоверцы, а российским евреям – помогали бухарские евреи.⁸

Однако жизнь нарушила указанные в вышеуказанном «Положении...» запреты. Так, после голода, разразившегося в России в 1891-1892 гг., военный министр генерал П.С. Ванновский разрешил переселение в Туркестан мусульман. В 1887 году в край из Киевской губернии были переселены полторы тысячи сектантов-штундистов. Переселенцы начали осваивать земли Чаткальской долины, но из-за климатических условий они не смогли наладить здесь свою хозяйственную деятельность и их пришлось расселять по русским селениям Ферганской долины.

Кроме этого, ст.280 вышеуказанного «Положения...» указывала, что «нижние чины» всех вероисповеданий после демобилизации с военной службы и выхода в запас имели право постоянно проживать в Туркестанском крае с сохранением всех гражданских прав, в том числе и с правом приобретения недвижимого имущества. Царские власти справедливо полагали, что бывшие военнослужащие также будут служить надежной опорой колониальных властей.

Таким образом, определяя роль переселенческого движения в колониальной политике царской России, можно вывести следующие выводы:

1. Исходя из стратегических установок, политики переселенческой колонизации, имперское правительство приняло множество «Положений...», других правовых актов, приказов, призванных поощрять стремление крестьян России переселяться в Туркестан, способствовать тем самым увеличению численности его населения, а также регулировать состав переселенцев из метрополии в край по их социальной и религиозной принадлежности. Как показывают выше приведенные данные, в первую очередь поощрялось переселение русского христианского населения. Для

русских переселенцев предусматривались солидные льготы, когда как по отношению к переселенцам-мусульманам или представителям других национальностей колониальная администрация никакой заботы не проявляла.

2. Учитывая тюрко-этническое единство коренных народов Центральной Азии, обладающих глубокими, древними историческим корнями, высоким уровнем социальной организации, объединяющую роль ислама и, прежде всего, богатые природные, в том числе и земельные ресурсы края, царизм рассматривал фактор переселения в Туркестан значительно по численности российского населения в качестве важного условия утверждения здесь имперского господства России. С другой стороны, переселенческая политика должна была способствовать избавлению центральных губерний России от избытка безземельного и, вследствие этого, недовольного своим положением крестьянства с целью ослабления социальной напряженности в империи. Исходя из этих позиций, царское самодержавие придавало огромное значение созданию в ходе колонизации Туркестана широкой сети полувоенных казачьих поселений, поселков, заселенных русскими крестьянами, торговцами, предпринимателями.

3. Вышеприведенные нормативно-правовые акты свидетельствуют также и о том, что, осуществляя великодержавную политику русификации, царское правительство планировало также сосредоточить усилия на ослабление роли ислама и распространение христианской религии как важного средства духовного подчинения местных народов. Однако, как показали дальнейшие события, в силу прочности, устойчивости национального менталитета, твердой приверженности коренных народов своим духовно-нравственным и этическим ценностям именно это направление политики царского правительства потерпело провал.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Арзыматова А.А. Земельный вопрос и восстание 1916 года в Кыргызстане // Вопросы истории Кыргызстана. – 2006. – №3. – С.16.

² Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX – 1917 г.). – М., 1986. – С.90.

³ Бекмаханова Н.Е. Указ. раб. – С.90-91.

⁴ Бартенева И.В. Переселенческая политика Российской империи в Туркестане во второй половине XIX века // Вестник КРСУ. – 2008. – Т.8. – №7. – С.64.

⁵ ЦГА Руз, Ф-И-1, Оп.27, д.38, л.1об.

⁶ Там же.

⁷ Бартенева И.В. Указ. раб. – С.65.

⁸ Там же.

**Центральная Азия во внешней политике КНР:
основные этапы становления и развития отношений**

В 90-е годы в мировом порядке произошли самые глубокие за все послевоенное время изменения. С окончанием холодной войны в мире обозначались две мощные тенденции: многополярность в политике и глобализация в экономике. Дезинтеграция СССР и биполярной системы изменили место и значение Китая в мировом развитии и в системе международных отношений. Столкнувшись с реальностью международной обстановки, Китай скорректировал свою внешнюю политику и, уделяя серьезное внимание отношениям с крупными странами, укреплял отношения добрососедства и дружбы с сопредельными странами, придавая первостепенную значимость отношениям со странами третьего мира, начал проводить независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, добившись в этом деле весомых успехов. В основу внешней политики Китая 90-х годов, в отличие от недалекого прошлого, были в основном положены реализм, прагматизм и приоритет национальных интересов иными словами обеспечение роста экономического, политического и военного могущества Китая.

«В XXI в. КНР становится первой державой мира по валовым показателям производства. Такому государству нужны зоны политического, экономического, военно-стратегического притяжения, рынки сбыта, импорта, особенно недостающего сырья. Поэтому борьба за страны СНГ, неизбежно становится важнейшей задачей Пекина, выходящего из этапа изоляционистского развития и приступающего к реализации глобальных задач, в начале в АТР, а затем и во всем мире. Значительная часть *аналитиков* в мире считают, что Китай стремится осуществить социальный эксперимент в самой большой стране мира и тем самым доказать необратимость теории и практики «социализма с национальной спецификой», отмечено в одном из трудов известного российского синовега.¹

III Пленум ЦК КПК 1978 г. внес изменения во внешнюю политику страны. Именно после его проведения на протяжении восьмидесятих – девяностых годов закладывалась теоретическая основа современной внешней политики КНР. Впервые видоизмененную позицию сформулировал Чжао Цзянь, в то время премьер Госсовета КНР:² 1) ЦК КПК формулирует принцип открытости внешней политики страны, отвергающий былой изоляционизм и предусматривающий участие КНР в международном разделении труда, научно-техническом сотрудничестве, в расширении политических, экономических, научных, культурных и спортивных связей. 2) В начале 80-х гг. руководство КНР признало, что фатальной неизбежности новой мировой войны не существует, что Китай заинтересован в обеспечении мира во всем мире. Борьба за предотвращение глобальной, термоядерной катастрофы, за сохранение мира, за разоружение и международное сотрудничество, стали определять главное направление внеш-

Турсунбаева Г. – аспирант Института истории и культурного наследия НАН КР

ней политической деятельности правительства КНР, компартии Китая. С 1985 г. началось сокращение армии. Китайское правительство стало подчеркивать, что главный путь решения межгосударственных проблем, конфликтов, спорных вопросов необходимо находить за столом переговоров на основе полного равенства и взаимного уважения сторон. Китайское правительство выступило с концепцией «одно государство, две системы», практическая реализация которой создала основу для мирного воссоединения с КНР Гонконга, Макао, базу для переговоров о воссоединении с КНР Тайваня. 3) Руководство Китая объявило, что придерживаются самостоятельной и независимой внешней политики по защите мира во всем мире.³ Из вышеизложенного следует, что на передний план выходят проблемы национальной безопасности, связанные с обеспечением стабильного мирного окружения, и вопросы развития от перспектив оптимизации положения Китая в структуре мировых экономических и научно-технических контактов. В этой связи для Китая главной задачей становилось налаживание нормальных контактов со всеми членами мирового сообщества.

В декабре 1953 г. бывший в то время Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай в беседе с делегацией Индии впервые выдвинул пять принципов мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование.⁴ Пять принципов мирного сосуществования вошли в Конституцию КНР 1982 г. и являются основополагающими установками, которыми руководствуется Китай, устанавливая и развивая дружественные отношения со всеми странами мира. Руководители КНР заявляют, что новый мировой порядок, который начался в начале 90-х годов и межгосударственные отношения должны руководствоваться пятью принципами мирного сосуществования. По словам российского синовега А.А. Волоховой: «Руководители КНР считают, что китайская концепция нового мирового порядка (НМП) отличается от западных подходов, в основу которых закладываются более глобальные факторы (обеспечение выживания на планете, мир и безопасность, обеспечение свободы, законности и прав человека) и которые, как представляются, более адекватны современной эпохе».⁵

С точки зрения КНР более важную роль в становлении нового мирового порядка могла бы сыграть ООН. КНР является постоянным членом Совета Безопасности ООН и положительно оценивает вклад, который вносит ООН в урегулирование возникающих конфликтов. Представители КНР делают особый акцент на необходимости разработки и совершенствования эффективных механизмов предотвращающих вмешательство во внутренние дела других стран и в то же время контролирующую обстановку в горячих точках. В интересах всех стран мира, а не только западных, должна осуществляться миротворческая миссия ООН.⁶

В выступлении в ООН 29 сентября 1988 г. Цзянь Цичэнь сказал: «Мир переходит от двухполюсного устройства к многополюсному, что с нашей точки зрения, способствует делу мира». Лидеры КНР определяют обстановку после завершения эры «холодной войны» как противоречивую, сложную, изменчивую и во многом непредсказуемую. Касаясь внешнеполитических проблем, целей и задач и основных принципов внешней политики КНР, а также оценки современной международной обстановки китайские

руководители повторяют курс на мирное разрешение споров в одинаковых словах и выражениях. При этом особо оговаривается, что перед КНР, как и перед другими странами, исходя из оценки современной эпохи как эпохи мира и развития, стоят задачи обеспечения стабильности и развития, которые должны определять их внешнеполитический курс.

Главную цель установления НМП Китай видел в оптимизации своего места полюса в многополярном мире, обеспечении большей безопасности страны, создании внешних благоприятных условий для внутреннего развития и в перспективе, на основе укрепления внутреннего потенциала, обеспечении нового рывка на международной арене.

В более узком плане Пекину представляется важным предотвращение внутригосударственных коллизий, поддержание стабильности общества. Для этого необходимо минимизировать или свести на нет «внешнее вмешательство» – завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мнению Пекина, в грядущем столетии произойдет окончательное «перемещение движущего центра мировой экономики из региона северной Атлантики в АТР». Вполне привычной в китайских работах стала фраза о том, что «21 век станет веком АТР». По расчетам китайского политолога Хэ Фана, «ВВП стран АТР в 1990 году составил четвертую часть от общемирового, к 2010 он возрастет до одной трети, а к 2040 – до половины». Поэтому КНР активно проводит политику ограничения американской активности в АТР.

В начале 90-х гг. Цзянь Цзэминь утверждал: в настоящее время старая структура мира уже разрушена, новая структура еще не сформировалась; мир находится на стадии волнений, когда новая структура заменяет старую; мы должны продолжать твердо придерживаться самостоятельной и суверенной мирной внешней политики, активно развивать дружественные связи, добрососедские отношения со всеми государствами, особенно с соседними странами, усиливать сплочение и сотрудничество со странами третьего мира.⁷ Из слов Цзянь Цзэминя следует, что в первую очередь он выделял два приоритетных направления во внешней политике КНР.

Во-первых, ее связи с соседними государствами, что объяснялось заинтересованностью в обеспечении мира на границах Китая. Это была важная составная часть работы, гарантировавшей мирное окружение, мирную обстановку для Китая, занятого своими внутренними проблемами.

Во-вторых, поддержание и развитие сотрудничества с развивающимися государствами. Китай был заинтересован в том, чтобы в своих отношениях, прежде всего с развитыми государствами, а также и с другими странами, выступать на мировой арене в качестве самой большой в мире развивающейся страны. Это было важно с точки зрения Цзянь Цзэминя и в настоящее время и в отдаленном будущем.⁸

Цзянь Цзэминь говорил о принципах внешней политики Китая:

1. В международных делах мы никогда не будем бороться за гегемонию, со всей решительностью будем выступать против гегемонизма и политики грубой силы в какой бы то ни было форме, против использования военной силы, мы будем выступать за то, чтобы путем мирных консультаций разрешать международные споры, будем защищать мир во всем мире.

2. Мы со всей решительностью защищаем коренные интересы китайского народа, суверенность нашего государства и достоинство нашей на-

ции, мы ни в коем случае не допустим, чтобы кто бы то ни был, вмешивался в наши внутренние дела.

3. Мы неизменно выступаем за то, чтобы на основе равноправия и взаимной выгоды развивать экономическое и техническое сотрудничество и торговые обмены со всеми государствами на планете.

4. Мы должны вместе со всеми государствами и народами всех стран внести активный вклад в дело создания нового международного политического и экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования.

Китайский термин и трактовка многополярности – «одна супердержава и много больших держав» – господствует среди политической элиты КНР. КНР больше не устраивает прежняя позиция в международных отношениях. Как отмечал Цзянь Цзэминь, «крупномасштабная война в ближайшем будущем не реальна; а принципиальным источником нестабильности в международном отношении и угрозой национальной безопасности КНР по-прежнему является гегемония США. Китай больше всего устраивает идея многополярности».

С распадом СССР и биполярного мира на мировой арене возник новый геополитический регион – называемый ныне Центральная Азия (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан).

С давних времен Центральная Азия служила узловым станцией древнего Шелкового пути. Теперь, как узел нового Евразийского континентального моста, этот регион соединяет многие национальности, восточные и западные культуры. Недаром его называют сердцем Евразии. К тому же он богат углеводородными ресурсами и считается третьей нефтегазовой базой в мире после Ближнего Востока и Западной Сибири. Его геополитическое, энергетическое и экономическое значение привлекает внимание многих стран мира, а жесткая конкуренция за право доступа к природным богатствам региона способствует повышению глобального стратегического значения.

Установив в 1992–1993 гг. связи с новыми странами Центральной Азии, Китай в апреле 1994 г. сделал новый сильный ход. Впервые в истории премьер Госсовета КНР Ли Пэн, по приглашениям президентов Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, посетил с официальными визитами эти страны. В ходе поездки Ли Пэн детально и четко изложил стратегию, позиции и принципы КНР, положенные в основу отношений со странами ЦА как в глобальном, так и в региональном масштабах.

– Необходимо стремиться к добрососедству и мирному сосуществованию. Китай и страны региона – близкие соседи. Сохранять добрососедство – это общее желание народов Китая и ЦА, оно вполне отвечает интересам обеих сторон. Китаю необходима долговременная стабильная международная обстановка, благоприятная для развития его экономики. КНР никогда не строила свою внешнюю политику с позиции силы, не стремилась (и не стремится) к гегемонизму, всегда поддерживает равные и дружественные отношения со своими соседями.

– Следует развивать взаимовыгодное сотрудничество и способствовать общему процветанию. В экономическом сотрудничестве со странами ЦА мы будем следовать принципу равенства и взаимной выгоды, не выдвигая

никаких политических условий. Китай желает совместно со странами ЦА расширять сферу сотрудничества, повышать его уровень, идя по пути общего развития.

– Необходимо уважать выбор народов разных стран и не вмешиваться в их внутренние дела.

– Следует уважать независимость и суверенитет, стимулируя стабильность этого региона. Мы одобряем и поддерживаем все усилия стран ЦА, направленные на защиту своей независимости и суверенитета, на содействие миру и стабильности региона, на развитие дружбы и сотрудничества с другими странами. Мы развиваем двусторонние отношения со странами ЦА, и они не направлены против третьих стран.⁹

Очевидно, что вышеотмеченные внешнеполитические принципы выработаны с учетом стратегии долговременного развития Китая. Эти принципы свидетельствуют, что добрососедство, взаимная выгода и общее процветание – основа развития отношений между КНР и странами Центральной Азии. Исходя из этого, правительство КНР неоднократно заявляло, что Китай не вмешивается во внутренние дела стран региона, не навязывает им свою идеологию, не распространяет свою модель государственного развития.

Как у ближайшего соседа, у Китая в Центральной Азии есть свои стратегические интересы, которые проявляются в сфере укрепления *безопасности, в политической, экономической и энергетической областях, также противодействия доминирующему влиянию США, Турции и Ирана в регионе.*

Что касается сферы *безопасности*, то Пекин неизменно считает сохранения спокойствия и порядок на границах страны и ее внутреннюю стабильность весьма важными направлениями развития сотрудничества со странами региона. После объявления независимости государствами Центральной Азии три ее республики – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан – соприкасаются с Китаем, у которого общие границы составляют 3 300 км. Кроме того, республики ЦА имеют с Китаем родственные связи. В Китае живут девять трансграничных наций: уйгуры, казахи, кыргызы, таджики, узбеки и др. Они сохраняют со своей исторической родиной тесные родственные и религиозно-культурные связи, что создает благоприятные условия для укрепления отношений между Китаем и странами региона. С другой стороны, в связи со сложившимися политическими, экономическими и социальными условиями, а также интенсивным проникновением иностранных экстремистов, этот регион становится зоной нестабильности. Здесь пытаются утвердиться религиозный и национальный экстремизм, терроризм, контрабанда оружия и другие разновидности международной преступности. Причем сепаратистские организации оказывают поддержку раскольническим элементам Китая. Так что стабильность и безопасность в Центральной Азии непосредственно влияют и на безопасность КНР. Следовательно, на первый план в контактах с КНР с государствами ЦА выдвигался вопрос о коллективной безопасности и борьбы с исламским фундаментализмом. По этой линии было подписано ряд соглашений. Инициированное Китаем заключение в Шанхае в апреле 1996 года «Соглашение относительно укрепления доверия в военной сфере в пограничных районах» и подписанное в Москве в апреле 1997-го «Согла-

шение о взаимном сокращении вооруженных сил в пограничных районах» заложили основу для создания «Шанхайской пятерки», которая в июне 2001 года трансформировалась в ШОС. И самое примечательное заключается в том, что уже тогда, в середине 1990-х годов, Пекин видел в создаваемой организации «проводника» его интересов в ЦА. Именно наличие «Шанхайской пятерки», в которой, начиная с апреля 1997 года, формат переговоров был изменен с двустороннего (Китай – четверка постсоветских республик) на пятисторонний (каждый из пяти членов представлял самостоятельный субъект переговоров), позволило КНР успешно решить свою главную проблему – урегулировать вопрос по спорным границам.¹⁰

Если говорить о стратегическом значении Центральной Азии для Китая, то оно главным образом проявляется в *экономической области*. В последние годы развитию сотрудничества в этой сфере Пекин придает все большее значение. Во-первых, Китай считает, что новый Евразийский континентальный мост – важный сухопутный коридор и наилучший канал для товарообмена со странами СНГ и Европы. Несмотря на то, что все государства Центральной Азии – внутриконтинентальные страны, они тесно связаны с Китаем удобными магистралями, в том числе и железной дорогой, которая проходит через Китай и Казахстан. На данный момент рассматривается проект железной дороги, который будет соединять Китай-Кыргызстан и Узбекистан. Строительство транспортного коридора поможет странам быстрее доставлять товары и придаст новый импульс развитию международного сотрудничества.

Повышенный интерес Китая к Центрально-азиатскому региону в незначительной степени диктуется также проблемами в самой китайской экономике. «Динамично развивающийся Китай и Индия с их более чем двухмиллиардным населением являются потенциально самыми крупными потребителями быстро истощающихся мировых запасов не возобновляемого сырья и разрушителями экологического потенциала планеты, а поэтому представляют серьезнейшую угрозу перспективам благополучия западного общества. Кроме того, Китай еще является материальным воплощением альтернативного, отличного от западного, пути общественного развития» – отмечает российский ученый синолог А.Г.Яковлев¹¹. Касаясь причин будущей нестабильности в мире, один из южнокорейских аналитиков пишет¹²: «...мир столкнется с различными дисбалансами. Главными причинами этого будут растущая потребность азиатских экономик в энергетическом сырье, особенно в нефти, за которую идет жесткое соперничество, рост населения и нехватка продовольствия, серьезное загрязнение среды обитания, растущий разрыв между развитыми и слаборазвитыми странами, гонка вооружений. Следует отметить, что эти проблемы будут наиболее острыми в Азии, районе, который, как считается, станет локомотивом мировой экономики XXI века».¹³

Многие специалисты отмечают, что «господство в Центральной Азии в XXI веке будет означать и господство в мире: когда освоение природных ресурсов Персидского залива из-за военно-политической нестабильности становится слишком дорогим..., а потребность мирового рынка в энергоносителях растет, значение Центральной Азии в этом плане становится преобладающим»¹⁴.

Поэтому, во-вторых, по мере экономического развития и проведения политики открытия западного района Китая потребность страны в нефтяных и газовых ресурсах возрастает с каждым днем и в «повестке дня» существенное место занимает идея «разнообразие импорта энергии». Китайские эксперты считают, что ЦА станет потенциальным источником нефти и газа, потому что нефтяные и газовые трубопроводы из этого региона более короткие и безопасные, нежели альтернативные маршруты. Как пишет китайский политолог Мао Хуашэн, «движущей силой нашей стратегии в ЦА стала всевозрастающая потребность в энергоносителях, проявившаяся в процессе чрезвычайно высокого экономического роста».¹⁰

Добыча нефти в самой КНР переживает застой, а чрезмерное потребление угля наносит огромный ущерб окружающей среде. Поэтому Китай платит в два раза больше обычного и один за другим осваивает нефтяные месторождения во всем мире. С мая 1997 по 2001гг. Китай потратил 8,2 млрд.долл за нефтяные концессии в Казахстане, а также в Судане, Венесуэле, Ираке. Если учесть стоимость строительства нефтепроводов, которые Китай прокладывает из стран ЦА, то его совокупные обязательства достигают 20,7 млрд.долл. Пекин ведет также переговоры о нефтяных и газовых концессиях в Туркменистане.

Особый интерес Пекина к энергоносителям Казахстана обуславливается не только тем, что эта страна граничит с Синьцзянем, что позволяет проложить нефтепроводы прямо в Китай, но и тем, что Казахстан представляет собой естественный континентальный мост в Иран и Ирак, т.е в тот регион, откуда Китай для покрытия дефицита импортирует нефть.

В июне 1997 г. China National Petroleum Corporation (CNPC) приобрела за 4,32 млрд.долл., 60% акций производственного объединения «Актюбинскмунай» в Западном Казахстане. Потенциальные запасы этих нефтяных промыслов оцениваются в 140млн. тонн. В августе CNPC купила 60% акций промысла Узень, что обошлось ей в сложности в 1,3 млрд. долл.¹¹ Предполагается, что запасы нефти в Узени составляет 200 млн.тонн.

Трубопроводы могли бы существенно изменить геостратегический облик региона, что имело бы глубокие последствия, как для Китая, так и для центрально-азиатского региона и всего остального мира. Пекин планирует построить пять магистральных трубопроводов. С 1997 г. Казахстан начал поставлять нефть в Китай в железнодорожных цистернах.

И все же трансцентрально-азиатские трубопроводы вряд ли смогут быстро эффективно улучшить снабжение нефтью китайских прибрежных городов, которые стали очагами форсированного экономического роста. Даже если Запад КНР начнет получать нефть из стран Центральной Азии, ее невозможно будет перекачивать на побережье, поскольку отсутствует развитая внутри китайская сеть трубопроводов.

В этой связи Китай выдвинул предложение проложить 1000километровый трубопровод стоимостью¹⁷ млрд. долл. от месторождения Узень в Казахстане через Туркменистан и Иран до порта Байдар Аббас в Персидском заливе. Оттуда нефть можно было бы доставлять танкерами в китайские города на побережье и в Европу. В сентябре 1997 г. КНР и Казахстан подписали соглашение о строительстве первого участка данного трубопровода протяженностью 250 км. от Узеня до границы с Туркменистаном, который уже действует.

Пекину удалось связать Центральную Азию через Иран с Персидским заливом, он становится явным фаворитом в республиках этого региона и в Иране, что позволяет ему рассчитывать на преимущества при предоставлении дальнейших нефтяных концессий. Иран обеими руками ухватывается любую возможность подорвать американские санкции и превратиться в ведущего экспортера Центрально-азиатского «черного золота».

Таким образом, Китай стал крупным действующим актором в новой «большой нефтегазовой игре» в Центральной Азии, бросая серьезный вызов прежде всего США. Вкладывая серьезные инвестиции в нефтяную и газовую промышленность Центральной Азии, Пекин интересуется не только энергоносителями, чтобы быть на высоте в XXI столетии, но и стремится, вероятно, наладить прочные стратегические мосты со странами региона. Со временем эти связи могут, по нашему мнению, привести к тому, что позиции России в регионе заметно ослабнут. Одновременно и США могут столкнуться со значительными трудностями в попытках добиться своего влияния в Центральной Азии. Нельзя также не учитывать, что Китай, кроме того, создает ныне новую обширную зону влияния на Среднем Востоке, развивая тесные отношения с Ираном и Ираком в расчете на закупки энергоносителей.

В-третьих, международная торговля. Китайские текстильные изделия и другая продукция легкой промышленности пользуются большой популярностью на рынках Центральной Азии, а руда и другие полезные ископаемые, добываемые в недрах стран ЦА, удовлетворяют запросы китайских потребителей сырьевых ресурсов.

Со своей стороны страны Центральной Азии, в т.ч. и Кыргызстан, стремятся выработать свои принципы и нормативы в торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем. Во-первых, Кыргызстан заинтересован в расширении торгово-экономического сотрудничества с Китаем, в интересах своего народа, обеспечения его благосостояния и стабильности и, во-вторых, Кыргызстан последовательно выступает за установление и развитие с Китаем торгово-экономических связей нового типа на рыночной основе. Особое внимание при этом уделяется:

- на последовательный перевод торгово-экономической деятельности на законодательную базу и соответствующие юридические документы, общепринятые в мире правовые акты;
- на получение от Китая инвестиций, особенно тех, которые предназначены для создания совместных предприятий, в сфере реального производства;
- на эффективное использование транспортных коммуникаций и железной дороги, связывающих Европу, Азию и Китай;
- на выход через Китай в обширный Азиатско-Тихоокеанский регион;
- на экономическое сотрудничество с развитыми приморскими провинциями и городами Восточного Китая, а не только с соседним малоразвитым Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая.

Некоторые китайские ученые полагают, что гарантией независимости государств ЦА. может быть отсутствие возможностей для установления монополии одной державы. Эксперт по странам ЦА. Сунь Чжуанчжи пишет: «Независимость и развитие региона часто зависели от могущества окружающих его крупнейших государств и их отношений к республикам

ЦА. В случае появления в регионе абсолютного преимущества у какого-либо большого государства он может потерять свою независимость».¹⁸

В 2002–2003 годах в Пекине вышли сборники статей «Большие болевые вопросы национальных проблем земного шара» и «Большие болевые вопросы религиозных проблем мира». В этих изданиях ЦА характеризуется, как зона влияния исламского фактора и усиления «панисламизма» и «пантюркизма», способных создать угрозу Китаю. Поэтому Пекин создает противовесы проникновения в регион Турции и Ирана, особенно учитывая позитивное отношение последнего к радикальным исламским организациям. Вероятно, для достижения указанных целей Пекин будет стремиться активно, использовать антитеррористический аспект своей политики в рамках ШОС, предоставляя государствам ЦА техническую, финансовую и др. помощь.

Как отмечается в прессе КНР, все члены ШОС обязались «не позволять использовать собственную территорию для любой деятельности, ущемляющей суверенитет любого из членов Организации»¹⁹. Данное положение дает Китаю основание требовать от государств ЦА – членов ШОС – отказаться от проведения с зарубежными странами и международными организациями мероприятий, которые Пекин оценит как ущемляющие его суверенитет. В Декларации глав государств ШОС от 6 июня 2005 г. говорится о превращении ЦА в зону без иностранных военных баз. В рамках этого документа КНР может потребовать от вышеуказанных суверенных субъектов не размещать военные базы стран, не являющихся членами ШОС. Поэтому относительно американской авиабазы «Манас» в Бишкеке Пекин высказывает мнение, чтобы авиабаза не выходила за рамки целевого предназначения. Следовательно, Китай будет возражать против нарастающего присутствия США и их союзников по НАТО в ЦА.

В целом в своей политике в отношении центрально-азиатских постсоветских государств Китай гибко проявляет дифференцированный подход, учитывая национальные, экономические и общественно-политические и иные особенности каждой из стран региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем 1917-1997 (обзор основных событий, оценки экспертов). – М., 1999. – С.150-151.
- ² Жэньминь жибао – 1982- 20 апреля.
- ³ Документы XII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1982. – С. 52.
- ⁴ Китай 1997. – Пекин: изд-во «синьсин», 1997. – С. 69.
- ⁵ Волохова А.А. Внешняя политика КНР.: Внешняя политика и дипломатия стран АТР./ Отв.ред. Ли Ф.В.– М.: науч. книга, 1998. – С.66.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Галенович Ю.М. Наказы Цзянь Цзэминя. – С- 206.
- ⁸ Там же. – С-207.
- ⁹ Жэньминь Жибао, 20 апреля 1994.
- ¹⁰ Основное соглашение по границе с Россией подписано в ноябре 1997г., дополнительное в октябре 2004 г. С Казахстаном основное соглашение по границе подписано в апреле 1994 г., дополнительное в сентябре 1997 г. с Кыргызстаном основное соглашение по границе подписано в июле 1996г., дополнительное в августе 1999 г. с Таджикистаном основное соглашение по границе подписано в феврале 1999 г., дополнительное в мае 2002 г.

- ¹¹ Яковлев А.Г. Биполярность – главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра. – Китай в мировой и региональной политике (История и современность) Инф. бюл. .N213, М.: РАН изд, 1997. – С 11.
- ¹² Hahn-Koo Lee. Global Economic Changes Toward the 21-th Century and Koreans Response. – Korea and World Affairs. – Spring, 1996. – Vol.XX. – N1. – P.56-57. Цит. по: Яковлев А.Г. см. выше. – С.11.
- ¹³ Гафарлы М. Центрально-азиатский союз превращается в военный блок. – Независимая газета. – 20.12.1997.
- ¹⁴ Бао И. «Китай: Стратегические интересы в ЦА и сотрудничество со странами региона»// Центральная Азия и Кавказ. 2001, №5 (17). С.118.
- ¹⁵ Мао Хуашэнь. Китайская внешняя политика на нынешнем этапе.– Чэнду, 1998. – С.43.
- ¹⁶ Ань Юаньчжи. Энергетические перспективы Китая. – Шанхай, 1998. – С.48-52.(на китайском языке).
- ¹⁷ См.: New York Times. – 1999. – 10 June.
- ¹⁸ 中国与中亚。北京 1999J-39. Китай и страны Центральной Азии. – Пекин, 1999.– С.39.
- ¹⁹ 上海合作组织-新安全关于新机制 (ШОС – новое мышление и новый механизм безопасности. Пекин, 2002,– С.75.

Огузские сюжеты в этнической истории тюркских племен Западного Казахстана

По сведениям русских исследователей XIX в. казахское племенное объединение алимулы состоит из 6 родов: «карасакал, кара-кисяк, китя, дюрт-кара, чумекей и чикли». В.Радлов добавляет, что алимулинцы кочуют на Куван-Дарье, на Яны-Дарье, в песчаной степи Кара-Бурсак и на устье Эмбы.[1, с.105; 24] Когда и каким путем эти родовые подразделения оказались на западе и юго-западе современного Казахстана. Какова была этническая ситуация в этих областях в период, предшествовавший XI веку. В X веке степи Западного Казахстана населяли племена огузов. В академическом издании истории Казахстана об этом пишется так. Огузские племена были одним из важных компонентов формирования казахского, других тюркоязычных народов. Огузские этнонимы сохранились в названии казахских племен и родов Младшего и Среднего жузов.

В X в. большинство огузских племен расселялись в прилегающих к Аральскому и Каспийскому морям степных пространствах. Аль-Масуди свидетельствовал о расселении многих кочевых огузов в пустынных степях у Хазарского моря. Их поселения доходили на западе до южного Урала и нижнего течения Волги. Кочевавшие вдоль левого берега Яика и Идиля огузские племена граничили с башкирами, буртасами. [2, с.371]

Появление огузов в этих местах связывается со следующими событиями. Благодаря сведениям китайского тюрколога Цэнь Чжуньмяня, приведенного список племен, населявших земли к западу от Алтая и к северу от государства Кан (Согд). Известно, что на территории Западного Казахстана в VIII в. кочевали племена теле. [3, с.59]

В конце VIII – начале IX вв. в Приаральских степях кочевали печенеги. Продвигавшееся на запад объединение кыпчаков и кимаков натолкнулось на печенежско-башкирскую конфедерацию племен. Одновременно, как известно, с победой в Семиречье карлукского объединения огузы также были вынуждены передвинуться на запад, и к началу IX в. они образовали свою государственность на Сырдарье. Огузы как и кимаки с кыпчаками готовы были продвинуться в Приаральские степи. Из источников узнаем, что к концу IX в. огузы отвоевали у печенегов в борьбе земли в междуречье Волги и Урала. Печенеги в источнике носят название пачинакитов. «... пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы». [4, с.155] Эти же события освещаются у ал-Масуди. «И на нем (Хазарском море) находятся многие кочевья гузов, из (числа) тюрок, в пустынях, которые расположены там. ... (Упомянется о

Хабижанова Г.Б. – канд. ист. наук, доцент Кафедры всемирной истории Казахского национального университета имени аль-Фараби (Республика Казахстан)

занятии печенегами северо-восточной части Балканского полуострова), а мы упомянули в книге «Китаб фунун ал-маариф ва ма джера фи-д-духур ас-савалиф» причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере». [5, с.166] В данном отрывке у Масуди под Хазарским морем понимается Каспийское, под Джурджанийским озером – Аральское. Комментаторы данного отрывка считают, что столкновения возможны были лишь между гузами и печенегами, так как кимаки и карлуки не доходили до Аральского моря. С.М.Ахинжанов считал, однако, со ссылкой на В.Бартольда, что карлуки в VIII-IX вв. проникли на среднее течение Сырдарьи. В дополнение к этому можно привести также сведения ал-Истахри, сообщавшего о пределах, занимаемых гузами, что они располагались между хазарами и кимаками, карлуками и булгарами. [5, с.167] С.М.Ахинжанов писал в этой связи: «По всей вероятности, огузы были главенствующими в той неоднородной племенной общности, которая сложилась после бурных событий конца IX в. в степях к северу от Аральского моря. Среди них продолжали обитать некоторые части печенегов, которые, как сообщает все тот же Багрянородный, остались на своих старых местах по собственному желанию. Они входили как внутренний элемент в состав огузского союза, завершая его этническую консолидацию». [3, с.151-152]

Эти положения подтверждаются исследованиями С.Г.Агаджанова Основываясь на источниках, он указывал, что в X в. огузы кочевали в степях вокруг Аральского моря, в междуречье Урала и Волги, достигая южных склонов Уральских гор. [6, с.79-80] По преданию отец Огуза Карахан «...летовал в горах Ур-таг и Көр-таг; их теперь называют Улуп-таг и Кичик-таг. Когда наступала зима, он зимовал в устье реки Сыр, Каракумах и в Бурсуке». [7, с.40] Как известно теперь – это территория кочевания племен Младшего жуза, в том числе и объединения алимулы. Вместе с огузами в степи Западного Казахстана после разгрома кыргызами государства уйгуров на Орхоне в 840 г., часть уйгуров, а точнее сары-уйгуры, по мнению В.Ф.Минорского, бежала и обосновалась на территории севернее Аральского моря. Эти факты нашли отражение у Масуди, который называл территорию между Уралом и Эмбой «Кимак Бигур». [3, с.195] Позднее, когда возвысившиеся хорезмшахи в конце XII в. использовали как военную силу племена канглы и кыпчаков, источники указывают, что в составе кыпчакского войска, служившего хорезмшаху Текешу находились «сыновья югуров». [8, с.404] Все эти племена должны были позднее стать этническими составными, образовавшими к XV в. казахские племена Младшего жуза.

В конце X в. на территории Кашгара и Семиречья образовалось Караканидское государство, основой которого стали тюркские племена. Для этнической истории Казахстана период пребывания племен в составе этого политического образования имел большое значение. В этот период происходило объединение этнических групп и культурное взаимовлияние населения Восточного Туркестана. Одним из самых крупных племен, расселившихся в районе Семиречья и по Сыр-Дарье были карлуки. Другим большим по численности племенем, к которому имеет отношение история племенного объединения алимулы Младшего жуза, были чигили. У Махму-

да Кашгарского в его книге «Диуан лугат ат-тюрк» на берегах реки Чу упоминается племя чеклы, современное название шекты. Это упоминание относится к XI в. [9, с.236]

Реконструируя раннесредневековую историю казахского племени шекты можно указать на то, что ранними предками этого племени вероятно были чики, которые позднее возможно вошли в состав чигилей. В указанный период чигили – тюркское племя расселялось в районе Тараза и к северо-востоку от оз. Иссык-Куль. В VIII-X вв. племена чигилей входили в состав карлукского политического объединения. [10, с.418]

В X-XI вв. чики, как предполагаемые предки племени шекты, вошедшие в качестве этнических элементов в их состав, продвинулись к бассейну реки Чу и «вошли, видимо, в состав чигилей, живших по соседству с тюркешами в северной части современной Киргизии. Мусульманские авторы (Гардизи, Ауфи, Махмуд Кашгарский) относили их к объединению тюркоязычных карлуков, которые жили в VIII в. в Западном Алтае». [11, с.81] В эпоху Караханидов чигили имели кочевья в долинах рек Или и Таласа. История чигилей как племен хазладжей (калачей, алаш), тухси, кыргызов и кыпчаков тесно связана с историей западных тюрков, в зависимости от которых они находились. Так, по легендам прослеживается этническая взаимосвязь чигилей с кыргызами. «Согласно информации анонимного автора XI века, сын Яфета Тюрк в поисках нового юрта прибыл на Иссык-Куль и остался там жить, назвав местность Ондук арт. Тюрк имел четырех сыновей – Чигиль (по башкирскому санжыра, написанному Рашид ад Дином и Абул-Гази – Хакел), Барскан (Берседжер), Тон (Тутук) и Илак (Эмлак)». Среди племен, находившихся на данном этапе развития вместе с чигилями, были также племена кесек, теит (сравните с доит – ураном казахских племен алимулы): эти племена активно взаимодействовали с кыргызами. Кыргызские исследователи относят формирование племен теит, кесек к древнетюркской эпохе. [12, с.127]

Прослеживается и такая этническая связь: возможно, что чигили, прежде до вхождения их в состав карлуков находились среди огузов, так как позднее и те, и другие, т.е. и огузы, и чигили находились в Иссык-Кульской и Таласской долинах. М.Кашгари приводит данные о том, что туркмены-огузы все племена, проживающие к востоку от Аму-Дарьи, называли чигилями. Под этим именем, пишет Т.Акерев, могли скрываться тюрко-кыргызские племена, куда входили потомки древних чиков. При этом сам же автор указывает, что «племена чигилей также могли называться чикли или чикты (от названия) страны обитания чиков. В этой связи отметим, что в составе современных казахов сохранен род под названием чикты». Автор также указывает, что суффикс «-лы» или «-ли» указывает на географический характер имени. [12, с.134]

Связь древних чиков с огузами подтверждает сохранившийся туркменский этноним «чик», который свое происхождение соотносит с Алтаем. Возможно, в VIII-IX вв. чики с огузами перекочевали на Тянь-Шань. Разбирая современный состав казахского племени шекты, можно обнаружить подразделение кыргыз, что в свою очередь свидетельствует о древних связях шекты с кыргызами. Чигили, по данным ибн Хордадбека жили в IX веке на юге Центральной Азии вместе с огузами, азгишами, карлуками. Так как анонимный автор источника «Худуд ал-Алам» сооб-

щал, что в Иссык-Кульской котловине проживали племена тухси, азов и чигилей, то между этими племенами, которые затем вошли в состав государства Караханидов, существовали тесные этнокультурные и этногенетические связи. Эти же племена кочевали по Илийской долине в Восточном Туркестане. По Гардизи, юрты чигилей повсеместно располагались между городами Тон и Барскан. Махмуд Кашгари отмечал, например, что тухсийцев называют также тухси-чигиль. В своей книге «Диуан лугат ат-тюрк» М.Кашгари пишет также о близости традиций и обычаев в торговле скотом у тухсийцев, чигилей и ягма. Кроме чигилей и других близких им племен, в состав Караханидов вошли также племена кесек и теит, предки современных казахских племен каракесек. Фирдоуси писал, что у знаменитого легендарного предка тюрков Афросиаба основной состав войска был представлен чигилями.

О взаимоотношениях чигилей с огузами в период Караханидов упоминает Махмуд Кашгари. «Согласно его данным, огузы и чигили являлись непосредственными соседями в долине р.Талас и враждовали между собой (по-видимому, в X в.)». В результате этой вражды огузы были вынуждены перекочевать на запад. Отдельные племена огузов по сведениям восточных авторов еще в X в. проживали вблизи р.Тараз.

Все эти сведения являются основанием для предположения о смешении огузов с чигилями в названный период и об их раннем пребывании в степи Западного Казахстана вследствие миграции огузов на запад.

А.Маргулан, детально исследовавший сказания о Коркуте, связанные с этногенезом огузов и участия их в дальнейшем в образовании казахских племен, неоднократно указывал на территории обитания огузов, затем пришедшим им на смену кыпчаков, земли, исторически оставшиеся в наследство казахским племенам, среди них – земли кочевания племен байулы Младшего жуза: Маггистау, побережье Каспийского моря, Урала (Як-Жайык). "Каспий теңізі, Маңғыстау, Жайық суы – міне Абылғазының көрсетуі бойынша, оғыз бен кыпшақ, қанлылардың бірлесін мекен еткен ортасы осы өлкелер". [13, с.200] Не секрет, что названия некоторых мест восходят к огузскому периоду. В этой связи А.Маргулан выводит из одного такого названия – Үш оқ, располагавшегося в нижнем течении Сырдарьи, недалеко от поселения Жеті Асар, истоки разделения казахских племен на три жуза. Основой этих гипотез отчасти являются древние родословные, сохранившиеся в народной памяти. Вот как писал об этом ученый: "Үш оқ – оғыздардың сахарада тұрған екінші ұлы тайпасы, – казактар, "оларды үш оқ тайпасын біздің ескі дәуірдегі бабамыз" деп анықтайды. Кейін казактардың "үш жүзге" бөлінуі түпкі негізгі осыдан шыққан. ... казактар өзінің шежіресі бойынша, арғы тегін ууз (огуз) елінен, үш оқ тайпасынан шығарып, осы себептен үш жүз атандық дейді. Сол шежіре бойынша олар өзін ту баста түрікпенмен туыс болғанбыз деп есептейді. "Қыпшақ шежіресі" деген кітапта "Алаша ханның екі баласының біреуінен Сейілхан, одан сегіз арыс түрікпен, екіншісінен Жайылхан, одан кыпшақ, кейін қазақ пен карақалпақ шыққан, түрікпендер боз оқтан, казактар үш оқтан тараған" делінеді". [13, с.200-201] Одним из отделений огузских племен было Жебеней, которое отождествляется исследователем с родом Жеменей племени адай. Место пребывания огузского племени жебеней также сохранилось доныне в названии местности неподалеку от

Зайсана. Исторически огузский период отразился не только в сохранившихся географических и этнических названиях, но и в тамгах, запечатленных в камне и оставшихся с того времени. Махмуд Кашгарский перенес их на бумагу. Наиболее часто встречаются они на мавзолеях (кумбегах) Мангистау, Кызылкумов и в нижнем течении р.Сарысу. Описанное в первых главах возникновение термина бай в этнонимах раннего средневековья и имеющее отношение к названию племенного объединения байулы и здесь отразилось в сохранении тамги огузского племени баят на мавзолее Алаша хана, а также у Махмуда Кашгари, Абулгази и Рашид ад-Дина. Здесь же имеет распространение тамга огузского племени жебей (адайского жеменей).

Таким образом, исследуя пути передвижения на запад огузских племен, можно проследить их раннесредневековые взаимосвязи, а также установить возможное участие других тюркских элементов в процессах этногенеза протоказахских племен.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе. – СПб., 1897; Радлов В.В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. – Томск, 1887.
- ² КазакССР тарихы. – Алматы, 1980. – Т.1.
- ³ Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – А-Ата, 1989.
- ⁴ Багрянородный К. Об управлении империей. – М., 1989.
- ⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.-Л., 1939. – Т.1.
- ⁶ Агаджанов С.Г. Очерки по истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. – Ашхабад, 1969.
- ⁷ Коновов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. – М.-Л., 1958.
- ⁸ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. – Соч. – М., 1963. – Т.1.
- ⁹ Казак Совет Энциклопедиясы. – А., 1978. – Т.12.
- ¹⁰ Кыргыз тарихы. – Бишкек, 2003.
- ¹¹ История Тувы. – М., 1964. – Т.1.
- ¹² Акеров Т. Древние кыргызы и Великая степь. – Бишкек, 2005.
- ¹³ Марғұлан Ә. Ежелгі жыр, аңыздар. – Алматы, 1985.

Т. Е. Картаева

Этногеография казахов нижнего течения реки Сырдарья (вторая пол. XIX века – нач. XX века)

Нижнее течение реки Сырдарья занимали Перовский и Казалинский уезды Сырдарьинской области. По родоплеменному составу в нижнем течении Сырдарья жили рода из Большой орды: ошактины и жалайры; в Средней орде: аргыны, кипчаки, конырады, найманы; в Малой Орде: байулы, алимулы и жетиру. Из племенного объединения байулы – жаппас, алаша, шеркеш, алтын, есентемир, таз; из племенного объединения алимулы – каракесек, карасакал, кете, шекти, шомекей, торткара; из племенного объединения жетиру – табын, тама, телеу, жагалбайлы, керейт, кердери, рамадан.

В Перовском уезде жили казахи из всех трех жузов и ходжи, сунаки, султаны, которые считались особым родом. По данным Туркестанского Статистического комитета, в 1870 году в Перовском уезде насчитывалось 20 018 кибиток, в том числе 6947 земледельцев. Если считать по административному делению, в **Яныкурганской** волости было 15 аулов, в нем жили: сунаки – 149, аргыны – 350, ходжи – 92, найманы – 588, конырады – 301, кипчаки – 464, бахтияры – 1042, султаны – 97, всего – 3083 кибиток; в **Жулековской** волости 14 аулов: кипчаки – 2481, аргыны – 259, всего – 2740 кибиток; в **Кентубской** волости – 11 аулов, жаппасы – 1644, ходжи – 432, всего – 2076 кибиток; в **Царской** волости 12 аулов: жаппасы – 1714, алтыны – 170, алачины – 257, всего – 2141 кибиток; в **Шагановской** волости 11 аулов: каракетины – 500, бахтияры – 10, алимы – 181, шеркешы – 40, алачины – 240, есентемиры – 110, алтыны – 370, шомекей – 610, султаны – 61, ысыки – 70, всего – 2192 кибиток; в **Жомартовской** волости 9 аулов: керейты – 1385, телеу – 110, всего – 1495 кибиток; в **Байзаковской** волости 11 аулов: табыны – 1687, тама – 140, всего – 1827 кибиток; в **Кармакчинской** волости 10 аулов: шомекей – 695, телеу – 130, керейты – 131, алтыны – 374, султаны – 30, алачины – 103, кети – 45, табыны – 10, ходжи – 10, аргыны – 30, кипчаки – 69, всего – 1627 кибиток; в **Кысбугетовской** волости 10 аулов: шомекей – 1779 кибиток; в **Аккыровской** волости 6 аулов: кети – 738, каракети – 320, всего – 1058 кибиток [1, с.110–118.].

География родов Перовского уезда была описана начальником Перовского уезда Н. Гродековым: «Три волости, расположенные выше Перовска, исключительно принадлежат к роду кыпча, и хотя есть между ними 150 кибиток аргын и 200 кибиток найман... Кинтубская волость состояла исключительно из жаппасов. Этот род также господствует в Царской, Константиновской, Самуриновской и Чаганской волостях над малочисленными родами: бахтияр, ходжа, таздар, найман и прочие. Жомартовская волость состоит из керейт, Байзакская – из табын, Кармакчинская – из алтын и керейт, Николаевская, Кысбугетская и Яныдаринская – из шомекей и Аккырская из кете.» [2, с.20].

Картаева Таттигул Ерсайыповна – канд.ист.наук, доцент кафедры «Всеобщей истории» Казахского государственного женского педагогического университета

Основную часть населения **Казалинского уезда** составляли роды Младшего Жуза – шекти, карасакал, торткара, шомекей и кете из племенного объединения алимулы; алтын и шеркеш из племенного объединения байулы; табын, керейт, телеу, кердери из жетиру; торе, толенгуты и ходжи из особого рода. По сведению Туркестанского Статистического комитета, в 1870 году было 10960 кибиток. В племени шекти куттык-курманайского отделения – 1209, отделения жиеней – 509, отделения асан – 1011, отделения айдарбек – 555, отделения жакаим – 1456, из племени торткара – 1524, из племени каракесек – 463, из племени карасакал 789, ходжи – 94, шомекейцы – 3308, каракалпаки – 39, султаны – 3 кибиток. В процентном соотношении, шекти – 40%, торткара – 15%, шомекей – 30%, каракесек – 4%, карасакал – 7%, торе, толенгут, ходжи – 4%. Среди них жили в малом количестве каракалпаки. В 1870 году в Казалинском уезде насчитывались 41 казахских аулов, 12358 кибиток и состоял он из Каракульского, Костамского, Раймского, Сарытогаского, Караба-стогайского, Зангарского волостей [1, с.126–127.], а в 1895 году по сведению И.В.Аничкова, было 26000 кибиток [3, с.183.].

В.В.Радлов, опираясь на исследования А.Макшеева, дает следующие статистические данные: «...В 1863 годах в округе Казалинск в Малой Орде было 17680 кибиток: кишкене шектинцы – 14505, ходжи – 525, торткаринцы – 2650; в округе Перовск в Малой орде было 23085 кибиток, из них – шомекей – 11325, мушы – 200, шеркешы и есентемиры – 1850, табыны – 1700, керейты – 1500, ходжи – 700, жаппасы – 3700, бахтияры – 2110 кибиток; в Средней орде аргыны и найманы – 510, кыпчаки – 2900; каракалпаки – 150 [4, с.113–115]. Сведения В.В.Радлова совпадают со сведениями русского офицерского штаба: в 1862 году в нижнем течении Сырдарьи занимались земледелием около 10 000 кибиток, кочевым скотоводством – 25 000 кибиток, а всего в регионе насчитывалось 35 000 кибиток. В 1862 году в форте Перовск зимовало 9416, в форте №1 (Казалинске) – 6380, на берегу Караузяке, Куандарья, Жанадарья, не включая шомекей, зимовали 10 000 кибиток кочевников [5, с.95.]. Эти сведения еще раз доказывают, что в нижнем течении Сырдарьи основная масса казахов занималась скотоводством. Численность населения была не постоянной, она менялась в связи с кочеванием.

Описания, собранные офицерами генерального штаба Оренбургского ведомства, дают сведения о месторасположении летовок кочевников Сырдарьи. Низовья Сырдарьи входили в среднюю и восточную часть Оренбургского ведомства.

В средней части Оренбургской степи, зимовавшие около Сырдарьи 5 отделений рода шомекей, кочевали летом около Уральского укрепления и озера Аксакалтауп; 9 отделений торткара и 5 отделений каракесек кочевали летом – по Иргизу в Мугаджарских горах; 4 отделения рода шекти – от рек Ор и Эмба до Иргиза; 1 отделение рода табын – по рекам Тобол и Тургай.

В восточной части Оренбургского ведомства 3 отделения рода карасакал и 3 отделения рода алтын кочевали по рекам Тобол и Тургай, 7 отделений рода жаппас – около озера Аксакалтау и Троицкая, 12 отделений рода керейт – около Троицка и на Тургае, 12 отделений рамадан – в Троицке; 6 отделений телеу – на Тургае, 1 отделение тамы – у Зверино-

ловской станицы и Троицка, аргыны, кипчаки и найманы – летом в восточной части, в лесах и на Тургае [5, с.91–92].

По записям офицеров генерального штаба, можно было составить карту расположения оседлого населения нижнего течения Сырдарьи. Оседлые жаппасы жили в окрестностях форта Перовск, выше и ниже по Сырдарье, часть по Куандарьи и Жанадарьи; аргыны и найманы – тоже около форта Перовск, в урочище Кан и Караузяк почти до форта №2 (Кармакчи); кипчаки – по обеим берегам Сырдарьи, от форта Перовск до Жулека; керейты – до реки Жамандарьи и Куандарьи в местности Ходжанияза; алачины – от форта №2 до урочища Куксу на Куандарье; табыны – между алачинами, а также Караузяке и Жамандарье; шомекей, кетинцы – от Сырдарьи у Майлыбаша, через Куандарью, в среднем и нижнем течении Жанадарьи; торткара – от переправы Муртук до форта №1; карасакалы и кишкене шектины – около форта №1 и ниже до Аральского моря и по самому берегу моря; ходжи – по Сырдарье и Куандарье, около крепости Камыскурган; каракалпаки – по Жанадарье около могилы Костам [5, с.93].

О расселении и численности родов, обитающих у низовья реки Сырдарьи, пишет А.Макшеев. По его данным, к середине XIX века в окрестностях бывшего Аральского укрепления в форте №1 зимовали шекти, каракесеки, торткара, и кирейцы, в численности до 11 тыс. кибиток; в окрестностях форта Перовский – найманы, жаппасы, керей, табыны, кипчаки, аргыны, шумекей и другие роды в численности до 5 тыс. кибиток. Всего в низовьях реки Сырдарьи зимовали более 10 тыс. кибиток А.Макшеев не отрицает, что это приблизительная численность населения [6, с.66–67].

Зимой народонаселение низовьев реки Сырдарьи значительно увеличивается за счет кочевников из соседних уездов. В глубокую осень множество кочевников, с многочисленными стадами, направляются с севера – запада к степи на юг, чтобы укрыться от наступающих холодов и буранов в камышах рек Сырдарьи и Куандарьи и в барханах Каракума. В Казалинский уезд перекочевывают из Иргизского, а за пределы Перовского из Тургайского уезда. Весной все эти группы кочевников снова перекочевывают на север откармливать свой стада.

Пути кочевок и расположения по летовкам Перовских кочевников-скотоводов можно разделить на шесть групп: Первая группа кочевников Головачевского, Гродековского, Джулекского, Телекульского волостей располагались по урочищам Аяккамыр по реке Сарысу. Перекочевка длилась месяц.

Вторая группа кочевников летом кочевала в обширном урочище Калмак в Тургайском уезде, Тургайской области.

Третья – самая обширная группа скотоводов – кочевала в песках Каракумы. Летовки в Каракуме занимали громадную территорию в юго-западной части Тургайского и Казалинского уездов. Вторую и третью группу составляли кочевники Айнакульской, Царской, Кинтубской, Аламе-секской, Чагановской, Караузякской, Байзакской и Масловской волостей.

Четвертая группа кочевников проходили дальний путь до южных границ Кустанайского уезда. Выходя из Перовского уезда во второй половине марта, кочевники прибывали в Кустанайский уезд только во второй половине июня.

Пятая группа кочевников Куткенчекского, Кысбугетского, Костамского, Каракуль-Куандаринского волостей использовала пастбища восточной и юго-восточной части Казалинского уезда.

Шестая группа скотоводов – казахи Сауранского, Яныкурганского, Приречного и Скобелевского волостей имели летние стоянки на склонах гор Каратау. Они не распространяли свои кочевки за пределы Перовского уезда [7, с.284–286].

Пути кочевок и расположения сезонных пастбищ кочевников Казалинского уезда зафиксированы в записях помощника начальника Казалинского уезда Е.Александрова, «... Казалинские кочевники отправились на летовку на территории Иргиз, Актюбе, Кустанай и Каракумы. А в суровые зимы уходили в Кызылкумы» [8].

Время возвращения кочевников на свои зимовья зависело от расстояния летних пастбищ. Например, от урочища Каракум и Калмак начинали зимовать в конце августа и в начале сентября. Из летовок возвращались на зимовку к Сырдарье по реке Сарысу в 1-й половине ноября, а из Кустанайского уезда в декабре месяце. На пути в Кустанайские летовки, и на обратном пути зимовки останавливались в урочищах Тургайского уезда. Урочище Байкадам и берега реки Тургая служили весенне-осенним пастбищем. На осеннем пастбище находились с конца октября до начала декабря. Здесь они готовились к зиме: стригли овец, готовили согым.

Присырдаринские казахи разводили главным образом овец, верблюдов, лошадей, способных переносить дальние кочевки. Разведению рогатого скота отдавали предпочтения в основном земледельцы.

С переходом от кочевого хозяйства к оседлому сократилось и число кочевников. В 1910 году преобладающее число хозяйств, включая русских, то есть 80 % населения было занято земледелием. Но среди казахов было много богатых хозяйств, которые до конца 1920 года продолжали кочевать. Установлением Советской власти в Казахстане и последующее проведение хозяйственных реформ привело к полной ликвидации кочевого скотоводства.

А.Н. Тетерникова, опираясь на сведения в отчете местного управления за 1864 год, указывает, что в районе форта Перовск в 1863 году откочевало до 10013 кибиток. [9, с.47.]

По сведению Е.Смирнова, в 1885 году в Казалинском уезде число кочующих составило 94 228, городских-оседлых – 5772 человек, а в Перовском уезде кочующих 111560 человек, городских-оседлых – 5280 человек. Всего в Казалинском уезде – 100 000, Перовском уезде – 116 840 человек [10, с.58].

По данным Переселенческого управления в 1898–1899 годах откочевали в Актюбинский уезд: из Казалинского – 14, в Кустанайский уезд из Перовского – 1204, из Казалинского – 152, в Иргизский уезд из Сырдарьинской области (в том числе из Казалинска) – 3043, в Тургайский уезд из Сырдарьинской области (в том числе из Казалинска и Перовска) – 4541 хозяйства.

Лучших пастбищ в пределах Кустанайского и Актюбинского уездов достигали лишь крупные байские хозяйства, так как путь до этих летовок был труден и далек, менее же состоятельные останавливались на пол-

пути, в пределах Иргизского и Тургайского уездов. Так 29,3 % из общего числа хозяйств Перовского уезда остановились в Каракумах, 5,6% – в местности Калмаккырган в Тургайской области, 25 % – в Атбасарском уезде и лишь 12,4% доходили до Кустанайского уезда.

По сведениям сельскохозяйственной переписи населения проведенной в 1907 году, в Перовском уезде было 2613 кибиток, которые в летний период кочевали в пределах уездов: Кустанайского – 1102, на реке Сарысу Атбасарского – 2228, в местности Калмаккырган Тургайского – 494, в Каракумах – 2472 хозяйств. По данным статистов, в 1907 году в Перовске насчитывалось всего 23689 кибиток, в том числе 9195 кочевых, 14494 оседлых. А в Казалинском уезде, по статистическим данным в 1911 году было зарегистрировано 24223 хозяйства с населением 152962. Число кочующих хозяйств составляло – 42,86 %, число не кочующих хозяйств составляло 57,14% [11, с.45.; 12. с....]. По мнению демографов, сельскохозяйственная перепись не охватывала примерно 10% казахского населения, так как многие из них во время переписи откочевали. Если сравнить с предыдущими статистическими данными, в начале XX века число кочующих значительно уменьшилось. Многие кочующие хозяйства начали переходить к полукочевому и оседлому хозяйству. С изъятием лучших пастбищ в пользу переселенцев их кочевые пути сократились.

Перовский уезд был образован в 1867 году, центром его стал г. Перовск, переименованный в форт Перовск (ф. Перовск основан после взятия генералом В.А. Перовским кокандской крепости Акмечеть).

В 1907 году Перовский уезд занимал площадь 95965 кв.верст. Население уезда составляло 166364 человека, в том числе 159599 казахов, то есть 99,4%. Русских было всего 1009 человек, они в основном жили в г. Перовск и в Александровском поселке, находящемся вблизи Перовска. Киргизское население в административном отношении составляет 20 волостей и в нем числились 162 казахских аулов, составляющие 27 224 хозяйств.

Центр Казалинского уезда г.Казалинск был основан в 1850 году на берегу реки Казалы. С 1867 года переименован в уездный город Сырдарьинской области. В 1910 году в Казалинском уезде насчитывалось 18 волостей, 160 казахских аулов, а в 1920 году – 11 волостей, 69 административных аулов.

Сырдарьинские казахи начали устраивать зимовки с середины XIX века. До этого в зимнее время жили в кибитках. Зимовки перовских казахов располагались с обеих сторон реки Сырдарьи, по ее притокам, по левой стороне реки Сырдарьи на границе песков Кызылкума, по берегам озер Ашыкуль и Телекуль, получившихся от слияния вод от реки Сарысу, в юго-восточном направлении, по предгорьям, около ключей и родников.

Таким образом, Казалинский и Перовский уезды были расположены в полупустынной зоне, летних пастбищ было мало, поэтому отсюда кочевники пере кочевывали в пределы Иргизского, Актюбинского, Кустанайского уездов, а зимой отгоняли скот в Кызылкумы. Основная масса присырдарьинских казахов в традиционном хозяйстве вели кочевой образ жизни, присырдарьинские кочевники отправлялись в путь ранней весной, направления кочевых путей было меридионального характера.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. По ред. Н.А.Маева. – Вып. – СПб. 1872. – С. 210.
- ² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Т.1. Юридический быт. – Ташкент, 1889. – С. 205.
- ³ Аничков И.В. Забытый край // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Том V. – Ташкент, 1896. – С.183.
- ⁴ Радлов В.В. Населения Южной Сибири и Дзунгарии // В кн. Из Сибири. Страницы дневника. – М., 1989.
- ⁵ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Ч.1. Киргизская степь. Оренбургского ведомства. – СПб. 1865 – С. 288.
- ⁶ Макшеев А. Описание низовьев Сыр-дарьи. – СПб. 1856. – С. 80.
- ⁷ Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае. – СПб. 1911. – С. 335.
- ⁸ Александров Е. Пути кочевков киргиз Малой Орды Перовского и Казалинского уездов // Туркестанские ведомости. 1884. №15. – С.202.; О направлении летних кочевков киргиз Казалинского уезда // Туркестанские ведомости. 1872. №13.
- ⁹ Тетерникова А.Н. Очерк Внутренней торговли Киргизской степи. – СПб. 1867.
- ¹⁰ Смирнов Е. Сыр-дарьинская область. – СПб., 1887. – С. 356.
- ¹¹ Материалы по киргизскому землепользованию, Сырдарьинская область Перовский уезд. Скотоводства –Ташкент, 1912. – С. 394.
- ¹² Материалы по киргизскому землепользованию. Казалинский уезд. – Ташкент, 1913. – С. 383.

ТАРЫХНААМА ИСТОРИОГРАФИЯ

Дж. А. Утрекеева

История образования киргизской государственности в первые годы Советской власти: историография проблемы

Большой интерес исследователей вызывает история образования киргизской государственности в первые годы Советской власти. По истории образования Кара-Киргизской Автономной области имеется обширная литература. В предшествующий период обществоведы немало усилий направили на детальное описание мероприятий Коммунистической партии и правительства по национальному размежеванию Средней Азии, на характеристику состояния народного хозяйства новообразованных республик и областей, анализ политической ситуации. Однако совсем не уделялось внимание изучению сложных и драматических вопросов, которые могли пролить свет на ошибки, поспешность и непродуманность решений политического руководства. Поверхностное и одностороннее исследование проблемы, явившееся следствием установления строгой идеологической цензуры, привело к тому, что национальное размежевание стало рассматриваться как идеальный процесс, апогей ленинской национальной политики. В этих трудах строго выдерживалась партийная установка: размежевание Средней Азии было вызвано движением снизу, а воля народа на собственную государственность была выражена на съездах Советов Туркестана, Бухары и Хорезма. Новым словом в изучении проблем национально-территориального размежевания является книга А. Койчиева «Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924-1927 гг.)»¹. Автор остановил свое внимание на исследовании не всего среднеазиатского региона, а на Ферганской долине, так как именно Фергана являлась самым сложным звеном процесса национально-территориального размежевания Средней Азии в 20-х годах XX века, где наиболее ярко проявились противоречия советской политики размежевания. В первой главе книги автор подробно исследовал состав тюрко-язычных народов, составлявших в то время основную массу населения региона (узбеков, сартов, киргизов, кыпчаков, каракалпаков и др.), которые в течение нескольких веков жили бок о бок, поддерживая тесные хозяйственные, культурные взаимоотношения, не смешиваясь, а сохраняя свою самобытность.

¹ Утрекеева Дж. А. – канд. ист. наук, зав кафедрой «Общественные науки» Института горного дела и горных технологий им. У.А. Асаналиева

Вторая глава посвящена практическому осуществлению органами Советской власти национально-территориального размежевания с среднеазиатском регионе, ленинской концепции национально-территориального размежевания. 12 июня 1924 года, согласно постановлению ЦК РКП(б), было решено осуществить национально-государственное размежевание территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства. Первоначальное предложение создать Тюркскую Советскую Социалистическую Республику (куда должны были войти Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, часть Казахстана и Кара-Калпакия) было отвергнуто Москвой. Было решено создать союзные и автономные республики. Автор отмечает, что в процессе национально-территориального размежевания в 1924-1927 годах пришлось решать многочисленные этно-территориальные споры по поводу прохождения границ между республиками между Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном. Этим проблемам автор посвятил третью главу своего исследования. Как Москва, так и другие республиканские органы, относились к установлению границ не как к процессу, определяющему дальнейшие судьбы народов, а скорее как к процессу административно-территориального районирования региона единой страны с целью облегчения политико-экономического управления. Сказалось также влияние в безнациональном выражении понятой идеи интернационализма, условности границ между государствами. Многие в прошлом государственно и экономически целостные районы были поделены: территория Бухарского эмирата – между Таджикской АССР, Узбекской и Туркменской ССР, Хивинского ханства – между Узбекской ССР, Казахской АССР и Кара-Калпакской АО.

При определении границ по национальному признаку не учитывался образ жизни кыргызов как кочевников, которые, составляя большинство населения местности в одно время года, оказывались в меньшинстве среди оседлых – в другое. Территориальные интересы кочевников, в том числе кыргызов, больше всего пострадали из-за принципа экономической целесообразности, отдавшего предпочтение узбекам и таджикам, имевшим традицию хлопководства. Принцип недопущения чрезмерных неровностей, кривых линий в границах и вкраплений в чужие территории применялся односторонне и в ущерб интересам Кыргызстана. Ни одно государство Средней Азии, кроме Кыргызстана, не имеет таких кривых линий границы и чужих анклавов внутри себя, хотя регионы компактного проживания кыргызов имеются и в Узбекистане, и в Таджикистане. Все это вызывало много недовольства, взаимных претензий и разбирательств в 1924-1930-х годах. Однако в последующие годы эти проблемы были загнаны внутрь, ЦИК СССР навязывал республикам свои условия решения этнографических споров, которые вновь возникли в период перестройки и особенно после развала СССР. Спорные участки на стыке границ, взаимные территориальные претензии имеются и сегодня между Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан, Республикой Казахстан. Разрешение этих проблем – одна из актуальных задач сегодняшнего дня. В конце книги дана схема спорных территорий между Кыргызстаном и Узбекистаном в период процесса национально-территориального размежевания (1924-1927 гг.), карта Ферганской долины (1925 г.) и другие справочно-документальные материалы. Автор решает проблему

с помощью привлечения новых архивных и других материалов и с позиций требований современных реалий.

Кыргызский народ, находясь в составе Туркестанской АССР, получил возможность государственно определиться. В 1924 году, в результате национально-государственного размежевания народов Средней Азии, он создал свою государственность в форме автономной области в составе Российской Федерации. Впервые исконные территории кыргызов, разделенные еще при российском царизме административно-территориальными барьерами, воссоединились в рамках советского государства. Размежевание Средней Азии было крупной победой в борьбе за национальное равноправие и свободу. Именно с образованием Киргизской Автономной области стала формироваться политическая система кыргызского общества советского типа, в рамках которой решались проблемы общественно-политического, материального и духовного развития народов республики. Вместе с тем, на этом трудном и сложном пути развития кыргызского народа и его государственности происходили серьезные деформации. Вызывало недоумение то, что некоторым государственным образованиям предоставлялся статус союзной республики, другим – автономной, третьим – автономной области. Отсутствие четких критериев при определении статуса государственных образований создавало массу проблем в национальном строительстве. Административно-командная система, тоталитарно-бюрократический режим власти, нуждавшаяся в предельно централизованных и единообразных структурах, чем дальше, тем больше игнорировали естественные национальные потребности и запросы как кыргызского, так и других народов СССР. С середины 20-х годов в Центре возобладала мелочная опека (патернализм), перешедшая затем в диктат, в ведомственный, бюрократически-усредненный подход. Это негативно сказывалось на всем – от размещения производительных сил до проблем культуры, языка, образования, расстановки кадров и т.п. Под предлогом защиты общегосударственных интересов ограничивалась самостоятельность республик, постепенно проект «автономизации», выдвинутый Сталиным еще в начале 20-х годов, стал фактически проводиться в жизнь. Кыргызстан, как и другие республики СССР, жил в жестких тисках унитаризма, его права и компетенции были существенно ограничены, а суверенитет стал во многом формальным. За глобальными проблемами и лозунгами «строительства социализма» в одной отдельно взятой стране ущемлялись национальные и региональные интересы.

История размежевания Средней Азии, образования Киргизской Автономной области рассмотрены под современным углом зрения в главе «Этапы становления государственности в Кыргызстане» в книге «Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления» (Б.: Илим, 1994. – С.153-185).² Авторский коллектив осветил основные события этого исторического времени, роль и значение в развитии кыргызской государственности деятельности Ю.Абдрахманова, И.Айдарбекова, А.Сыдыкова.

О сущности национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 году в исторической литературе имеются две противоположных точки зрения. Первая точка зрения характерна для советской историографии, которая преподносит национально-государственное размежевание в качестве заранее запланированного и четко организованного процесса.

Другая точка зрения принадлежит туркестанским эмигрантам (М. Чокаев, Баймурза Хайт и др.), которую сегодня поддерживают некоторые исследователи Узбекистана и Казахстана. Согласно их точке зрения, национально-государственное размежевание является результатом политики по принципу «разделяй и властвуй», разделившей когда-то единый тюркский народ. Объективный анализ исторических событий того времени показывает, что обе точки зрения не соответствуют действительности.

Как отмечает в своей статье Г.Д.Джунушалиева, исследовавшая данную проблему, «в начале 20-х годов среди лидеров большевистской партии не было единства взглядов по данному вопросу, существовало три концепции решения национального вопроса и модели объединения независимых советских государств. Первая – «автономизация» или новое унитарное государство (Сталин), вторая – федерация (Ленин), третья – компромисс – федерация на основе добровольного объединения республик с правом выхода их из союза. Разногласия служили серьезным препятствием на пути обретения государственной автономии многими народами и нациями, примером чего является попытка создания Кара-Киргизской горной области.

Отсутствие единой и четко разработанной концепции по национальному вопросу у лидеров большевистской партии и Советского правительства было дополнено великодержавно-шовинистическими настроениями многих партийно-советских руководителей. В вопросе о самоопределении наций и народов Средней Азии не было единого мнения и у руководителей Туркестанской АССР. Одни выступали за централизацию управления и объединение всех народов и наций, другие – за организацию национальных республик»³.

Вторая точка зрения отражала интересы представителей правящей элиты народов, претендующих на гегемонию в регионе, в то время как народы Средней Азии не хотели быть вечно в составе тюркских народов и всегда стремились к независимости.

Сегодня ученые Кыргызстана (А.Джуманалиев, Г.Джунушалиева и др.) пришли к мнению, что «национально-государственное размежевание Средней Азии и образование Киргизской Автономной области имели огромное историческое значение для судьбы кыргызского народа. В основном, они: а) впервые воссоединились в рамках единого государственного образования на исконно кыргызской территории, разделенной ранее административными барьерами; б) консолидировали разобщенный по отдельным областям ТАССР кыргызский народ в единое целое; в) создали базу для дальнейшего развития и эволюции государственности кыргызского народа; г) позволили народу Кыргызстана создать систему государственной власти и государственного управления; д) ускорили процесс преобразования патриархально-феодалных отношений в более цивилизованные, повысили темпы хозяйственно-культурного развития»⁴.

В истории кыргызской государственности была попытка ее организации в виде Кыргызской Горной области, предпринятой горсткой кыргызских интеллигентов-патриотов, находящихся в оппозиции к официальному курсу. Долгие годы этот исторический факт находился в числе мало исследованных, официальная историография относилась к проекту образования Киргизской горной области к «националистическим», «антисоветским», «бай-манапским», «антинародным», что значительно повлияло на

изученность этой страницы кыргызской истории, способствовало тому, чтобы исследование данной проблемы не вышло за рамки тех идеологических установок, которые были сформулированы в официальных историко-партийных изданиях. Запретность проблемы оппозиции, истории проекта образования Кыргызской Горной области привело к тому, что в теоретическом отношении эта проблема осталась на уровне концепций 30-х годов. Инициаторов проекта КГО обвиняли в бай-манапском происхождении, в попытке увековечить раскол кыргызского народа, оторвать север от юга, свергнуть Советскую власть, реставрировать власть баев и манапов, отторгнуть Кыргызстан от СССР и создать буржуазно-феодалное государство под протекторатом Великобритании и Турции. В годы массовых репрессий почти все, кто был причастен к проекту образования КГО, были репрессированы. Однако, это были не последние жертвы. В 1972 году шельмованию и административному преследованию подверглись ученые К. Нурбеков и Р. Тургунбеков, попытавшиеся вновь вернуться к этой закрытой теме и трактовать это событие как выражение «суверенной воли народа к национальному самоопределению».

Значительный шаг в преодолении толкования устаревших теорий был сделан в монографии З.К.Курманова «Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы»⁵. Ученый детально исследовал причины, толкнувшие часть политической кыргызской элиты на осуществление проекта создания Кыргызской горной области, среди которых называет возможность Кыргызстану оказаться в составе Казахстана, что грозило кыргызскому народу потерей суверенитета. В монографии подробно излагается ход исторических событий, связанных с проектом создания Кыргызской Горной области, освещается роль А.Сыдыкова, И.Арабаева, Ю.Абдрахманова и других в данном вопросе, политическая борьба между сторонниками и противниками создания Кыргызской Горной области, анализируются причины провала идеи создания этого национального государственного образования. З.К.Курманов считает неправомерным суждение об «антинародности» «националистической» идеи создания Горной области, видит ее значение в том, что при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 году благодаря идее образования Горной области уже не стоял вопрос – быть или не быть государственной автономии Кыргызстана. Идея Горной области способствовала предотвращению передачи кыргызских территорий соседним республикам Узбекистану и Казахстану. Автор также подробно исследовал исторические пути создания Кыргызской Автономной области. Следует отметить оригинальность суждений автора по исследуемым вопросам, стремление к правдивому и научному изложению событий.

В свете рассмотрения развития кыргызской государственности большой научный интерес представляет исследование создания и деятельности Облревкома в первые годы Советской власти, сыгравшего огромную роль в создании государственного аппарата и объединении разрозненных кыргызских земель в единое суверенное государство, в дело подготовки и проведения Учредительного съезда Советов. Данной проблеме посвящена монография Т. Матцакова «Революционный комитет Кыргызской автономной области» (Б.: Эркин-Тоо, 1999. – 183 с.). На основе большого фактического материала автор освещает процесс создания Ревкома Кир-

гизской АО, его деятельность по созданию областных и местных органов государственного управления области; анализирует структуру ревкома и его взаимоотношения с областными и местными органами государственного управления; исследует практическую деятельность ревкома Киргизской АО по подготовке и проведению выборов айильных, сельских, волостных и окружных Советов, подготовке созыва Учредительного съезда Советов. Исследователь рассматривает также вопросы восстановления и развития промышленности, сельского хозяйства, ликвидации неграмотности, развития здравоохранения и создания очагов социалистической культуры.

К числу ключевых проблем, требующих новых подходов и научных оценок, относится политическая эволюция Кыргызстана в 20-30-е годы XX столетия, когда в кыргызском обществе формировалась политическая система. До недавнего времени в республиканской историографии проблема формирования политической системы кыргызского общества не исследовалась, многие ее проблемы растворялись в работах другой тематики, посвященным Советам, Коммунистической партии, профсоюзам и др. Лишь отдельные элементы политической системы освещались в кыргызской историографии. Так, государство с его институтами, а также партия, общественные организации, составляющие политическую систему, изучались разрозненно, не в единстве и в комплексе. Не упоминалось даже о наличии политической системы кыргызского общества, хотя таковая начала создаваться в 20-30-е годы XX века, что имело большое историческое значение. При этом не изучались такие понятия, как «кыргызское общество», «политическая система кыргызского общества». Эти категории растворялись в понятиях «советское общество», «политическая система советского общества». Этот пробел в значительной степени ликвидирует книга А. Джуманалиева «Политическое развитие Кыргызстана (20-30-е годы)» (Б.: Илим, 1994. – 150с.)⁶, в которой также исследуется проблема развития национальной государственности кыргызского народа в 20-30-е годы XX века.

В первой главе монографии на основе широкого круга источников с современных позиций раскрываются становление и развитие государственности кыргызского народа (образование КАО, преобразование КАО в АССР, образование Киргизской ССР), негативное влияние тоталитарного режима политической власти в СССР на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь Кыргызстана. Автор, опираясь на большой документальный материал, во многом впервые вводимый в научный оборот, предпринял попытку по-новому подойти к освещению некоторых вопросов истории политической эволюции Кыргызстана в ходе формирования его политической системы в 20-30-е годы, проанализировать становление и развитие двух основных политических институтов кыргызского общества – его государственности и Коммунистической партии, их отношения в период становления и развития государственности кыргызского народа и функционирования тоталитарного режима власти в стране, административно-командной системы управления. Автор в своем исследовании отмечает, что «основу государственности и самоуправления народа за годы Советской власти составляли Советы (Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; Советы депутатов трудящихся; Советы народных депутатов). Однако Коммунистическая партия, заняв в советском обществе

особое место, деятельно участвуя в развитии и укреплении советской государственности, внесла в этот процесс немало негативного, антидемократического, в частности, огосударствление общественной жизни и подмена советских, хозяйственных органов партийными, т.е., по существу, она была основным хребтом государства. Отрицательно сказывались на политической жизни общества и отсутствие должного демократического контроля за осуществлением государственной власти, узурпация функций представительных выборных органов их исполнительным аппаратом и т.п. Все это свидетельствует о том, что взаимоотношения между государством и другими элементами политической системы (особенно Коммунистической партией) не отвечали идеалу политической организации, что сформировались неверные подходы и традиции»⁷. И все же, несмотря на серьезные противоречия, имевшие место в советском обществе в 20-30-е годы, в целом в этот период происходил экономический, социальный, культурный прогресс кыргызского народа.

В 2005 году вышло в свет второе издание вышеназванной книги под заглавием «Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920-1930-е годы)»⁸. Историческое исследование А. Джуманалиева отличается от предыдущих новым подходом к изучению политической истории Кыргызстана – цивилизационным подходом. Автор применил комплексное рассмотрение совокупности существовавших общественно-политических институтов, которые и составляли политическую систему общества того времени. Необходимо отметить, что в своей работе А. Джуманалиев строго следовал принципу историзма и непредвзято оценивал конкретные события и явления. Благодаря этому он избежал крайних оценок и сумел сделать объективный анализ политической действительности недавнего прошлого. В монографии последовательно проводится сравнительно-исторический метод исследования совместно с основным, общеизвестным, фундаментальным принципом исторической науки – принципом конкретности. Опираясь на большой документальный материал, автор попытался по-новому подойти к политической истории Кыргызстана периода формирования национальной государственности, давая подробную характеристику социальной структуры Кыргызстана на рубеже столетий.

В книге освещается процесс взаимодействия и взаимовлияния социальных институтов, относящихся к различным социально-экономическим формациям. Рассмотрен вопрос о влиянии Кокандского ханства на политическое, хозяйственное и социальное развитие кыргызского общества в XIX веке, отслеживается динамика становления административно-политической системы Кыргызстана в составе Российской империи и в первые годы Советской власти, последовательно излагаются этапы возникновения и развития кыргызской национальной государственности в рамках советского государства, отмечена специфика возникновения и развития общественных организаций в регионе, роль Коммунистической партии как ядра политической системы республики, которая перестает постепенно быть политической партией в собственном смысле этого слова и, срастаясь с государством, постепенно превращается в единый политико-административный орган – партгосаппарат. Автор стремится сохранить беспристрастность и дать объективную оценку советскому этапу полити-

ческой истории Кыргызстана, отмечая как достижения, так и просчеты и издержки политики советского периода. По оценке рецензента профессора М. Джамгерчинова, выводы, заключения и научные положения, сформулированные в монографии А. Джуманалиева, «во-первых, отличаются достоверностью, высоким уровнем и широтой обобщения, дают глубокое понимание затрагиваемых исторических процессов в контексте мировой истории и в контексте кыргызской истории на всем ее протяжении.... Во-вторых, выводы монографии отличаются детальностью и аналитичностью.... Монография А. Джуманалиева – это большое, серьезное исследование, решающее крупную научную проблему и вносящее заметный и даже весомый вклад в развитие кыргызской исторической науки не только новизной подходов, принципов исследования, обобщений и выводов, привлечением современных достижений мировой общественной науки, но что особенно ценно и весьма редко для исторических работ – это исследование дает глубоко научные, проверенные горьким опытом кыргызской истории конкретные, важные практические рекомендации тем, кто такие исследования сам проводить не в состоянии, но сегодня сами занимаются проблемами, которым посвящена указанная книга»⁹. Высоко оценил данную монографию и крупный государственный и общественный деятель Т. Усубалиев: «Необходимо отметить перспективность данного исследования и большую практическую значимость. Оно представляется весьма полезным в смысле развития отечественной историографии и политологии. В перспективе данная работа может послужить началом целого направления в современных гуманитарных науках Кыргызстана. Удачное сочетание конкретно-исторического и системного методов изучения политической жизни раскрывает широкие возможности для исторического анализа современного Кыргызстана»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Койчнев А. Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924-1927 гг.). – Б.: Б.п., 2001. – С.117.
- ² Кыргыз и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. – Б.: Илим, 1994. – С. 153-185.
- ³ Джунушалиева Г.Д. Об оценках национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. // Вопросы истории Кыргызстана. – 2006. – №1. – С. 69.
- ⁴ Там же. – С. 70.
- ⁵ Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Б.: Илим, 1997. – С.292.
- ⁶ Джуманалиев А. Политическое развитие Кыргызстана (20-30-е годы). – Б.: Илим, 1994. – 150 с.
- ⁷ Там же. – С. 6-7.
- ⁸ Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920 – 1930 – е годы). – 2-е изд. – Б.: Б.п., 2002. – 399 с.
- ⁹ Джамгерчинов М. Важное исследование по истории Кыргызстана // Эркин-Тоо. – 2004. – № 44 (45) (8 июня). – С. 9.
- ¹⁰ Усубалиев Т. Новое слово в отечественной науке // Эркин-Тоо. – 2004. – № 44 (45) (8 июня). – С. 14.

Дж. А. Утрекеева

Выдающиеся деятели кыргызского народа периода становления кыргызской советской государственности в историографии суверенного Кыргызстана

В ряду работ о выдающихся деятелях истории кыргызского народа назовем книгу «У истоков кыргызской национальной государственности»¹. Авторский коллектив в составе Т. Абдыкадырова, С. Аттокурова, В.Воропаевой, С. Даниярова, А. Джуманалиева, Д. Джунушалиева, Т. Койчуева, З. Курманова, Н. Лопарева, В. Мокрынина, В. Плеских, Т. Усубалиева посвятил свои исследования тем, кто стоял у истоков кыргызской государственности. В их числе каган Барс-бег, Абдыкерим Сыдыков, Иманалы Айдарбеков, Абдыкадыр Орозбеков, Юсуп Абдрахманов, Баялы Исакеев, Максим Аммосов, Исхак Раззаков, Торобай Кулатов. Всех их объединяла одна цель – создать независимое государство, одно стремление – сделать свой народ счастливым. Книгу открывает большое введение, представляющее собой краткий очерк становления кыргызской государственности. Далее помещены политические биографии общественных и государственных деятелей, в которых рассмотрена их роль и значение в становлении государства кыргызского народа.

Одним из первых исследований о выдающихся государственных деятелях 20-30-х годов XX в. в Кыргызстане стала книга «Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину», опубликованная в 1991 году².

В 1991 году вышла в свет книга З. Мамбетсеитовой «Первые ласточки». Кто они? Это люди, которые стояли у истоков строительства социализма в Киргизии – партийные и советские работники, военачальники, ученые, деятели искусства. Каждый из них внес свой вклад в историю республики. Героями книги стали Эркинбек Эсеналиев, первый генерал милиции Эргеш Алиев, Карыпбай Курманов, Мамбет Суумбаев, Уркуя Салиева, Аписа Омурова, Иманалы Айдарбеков, П.Ф. Шубин, Акмат Аманбаев, Ашыралы Боталиев и другие. Автор книги многие годы проработала в Госархиве республики, собрала много интересных данных и опираясь на архивные документ, привела много фактов, которые до тех пор не были известны широкому кругу читателей.

В истории кыргызской государственности важное место принадлежит деятельности крупного государственного деятеля 20-30-х годов XX века Абдыкериму Сыдыкову. Подвергшийся сталинским репрессиям, этот политический и государственный деятель был предан историческому забвению, его деятельность считалась националистической и буржуазной, официальная историко-партийная наука изображала его самым одиозным м зловецем «врагом народа». И лишь с получением независимости в исторической науке Кыргызстана были сделаны шаги по восстановлению исторической справедливости по отношению к этому человеку. В период с 1991 по 2005 годы в свет вышло несколько работ, освещающих жизнь и деятельность Абдыкерима Сыдыкова.

Утрекеева Дж. А. – канд.ист.наук, зав кафедрой «Общественные науки» Института горного дела и горных технологий им. У.А. Асавапиева

Одной из ярких, наиболее удачных книг, можно назвать исследование З.К. Курманова «Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы». Объектом исторического исследования является личность А. Сыдыкова, его помыслы и чаяния, его борьба за национальное равенство и суверенитет кыргызского народа, за построение гуманного справедливого общества. Реализуя цивилизационный подход, автор создает яркое, неординарное произведение. Выступая против «заформализованной и бюрократившейся истории», автор определяет противоядие против ее влияния: «научная аргументация, анализ источников, литературное изложение»³. Идея сочетания исторической достоверности и художественной формы изложения ему хорошо удается – полемическая острота, почти детективный азарт повествования делает увлекательным процесс чтения книги. Методом интерпретации исторических фактов становится принцип «обратного историзма». Его суть заключается в апелляции к культурным истокам – ценностям, смыслам, нравственным идеалам кыргызской культуры, которые квалифицируются как смысловое поле событийного хода истории. Важно, что автор отказывается от абсолютизации какого-либо одного типа ценностных мотиваций – родоплеменного, религиозного, советско-идеологического, настаивая на том, что: «Невозможно одномерно судить о переломном обществе, где в единый клубок переплелись формационные, клановые, региональные, родоплеменные, идейные, классовые, личностные и прочие противоречия»⁴. Принцип «обратного историзма» дополняется принципом этнокультурной, цивилизационной интерпретации истории. Автор не просто повествует о драматических событиях, раскрывая их культурологический смысл, параллельно он проводит сюжетную линию критики и развенчания прежних интерпретаций истории, «апологистических схем, выполненных в строгом соответствии со сталинской концепцией «обострения классовой борьбы»⁵. Исследуя деятельность «отца-основателя кыргызской государственности» Абдыкерима Сыдыкова, З.Курманов исследует также историю формирования государственности Кыргызстана – Кара-Кыргызской Горной области, Кыргызской национальной автономии в 20-е годы XX века. Как пишет автор в предисловии, «Основная цель исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать историческую эпоху, в которой формировался А. Сыдыков как личность, политик и ученый, рассказать о его основных жизненных вехах, дать политический портрет его окружения и его оппонентов, показать, какими принципами и идеями он руководствовался в своей политической деятельности, объяснить, какие мотивы лежали в основе его противостояния оппонентам и официальным властям, чего он добивался своей борьбой, какие идеи выдвигали и реализовывали его оппоненты»⁶. В связи с данной целью объектом исследования в этой книге также стала политическая борьба, проходившая в этот период в стране по вопросу организации кыргызской государственности, природа групповой борьбы, политика партии на национальных окраинах, деятельность существовавшей в 20-е годы оппозиции. Обращаясь к истории политической борьбы в Кыргызстане первых лет Советской власти, автор формулирует суперцель своего исследования как необходимость изучения феномена альтернативного движения в политике. Альтернативность трактуется З. Курмановым как социальное явление, связанное с попытками человека максимально выра-

зить свои индивидуальные свойства в обществе. По мысли исследователя, альтернативное движение может нести определенный инациональный, креативный заряд, следовательно, должно использоваться как дополнительный резерв для реализации намеченных задач, в чем заключается одна из характеристик гражданского общества. В рамках такого общества должна быть выработана приемлемая технология разрешения оппозиционного конфликта власти и ее альтернативы мирным, компромиссным путем. Следует отметить также, что в этой книге впервые охарактеризована деятельность таких известных в 20-е годы XX века политических деятелей, как Рахманкул Худайкулов и Дуйшеналы Бабаханов, активно влиявших на развитие политических процессов того времени; рассмотрено выступление «тридцатки», дело «Ур-Токмок 1927 года». В результате проведенного в книге исследования многих прямых и косвенных источников исследователь приходит к выводу о том, что «отцом-основателем кыргызского государства следует считать Абдыкерима Сыдыкова, чьими стараниями еще в 1922 году был намечен нынешний контур Кыргызской Республики»⁷.

В 2002 году З.Курманов в соавторстве с Э.Садыковым выпустил книгу «Абдыкерим Сыдыков: Личность и история»⁸, представляющую собой более полное и значительно доработанное исследование о деятельности «отца-основателя кыргызского государства».

Среди книг об А.Сыдыкове обращает на себя внимание книга «Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер»⁹. Книга представляет собой сборник очерков и статей кыргызских историков. В ней, в частности, помещены статьи З.Курманова, С. Бегалиева, Ч.Ногойбаева «Возвращение национального лидера», В.И.Плоских «Манас не признал себя виновным», З.Ф. Сорокина «Зловещая карусель» и др. В книге также опубликованы статьи и выступления самого А.Сыдыкова, написанные и произнесенные им в 20-30-е годы. Материалы издания дают четкое представление о личности и деятельности А. Сыдыкова.

Материалы об А.Сыдыкове содержатся также в книге «А.Сыдыков, Ю. Абдрахманов» (Б.: Шам, 2003. – 223 с.)¹⁰. Наряду с биографическими данными в книге имеется обширная библиография.

К плеяде государственных деятелей, заложивших основы современной кыргызской государственности, относится Баялы Исакеев. Находясь на должности секретаря волостного исполкома и народного суда, второго секретаря обкома партии, председателя Совнаркома Киргизской ССР в 30-е годы, Баялы Исакеев проявил принципиальность и деловитость, многое сделал в решении вопросов развития промышленности, в проведении земельно-водной реформы. В годы сталинских репрессий он стал одной из жертв. Светлая память о нем восстановлена в книге Т. Абдыкадырова и С. Джуманалиева¹¹.

Дань памяти видному партийному и государственному деятелю 20-30-х годов XX века Торокулу Айтматову отдана в книге «Торекул Айтматуулу»¹². В книге, наряду с архивными материалами, документами, воспоминаниями на кыргызском языке помещены также тексты на русском языке: доклады, речи Т. Айтматова, письма и документы, в также важнейшие даты жизни и деятельности Т. Айтматова.

Деятельность Т. Айтматова и А.Орозбекова раскрыта в книге «Т. Айт-

матов, А.Орозбеков» (Б.: Шам, 2003. – 224 с.)¹³. В ней содержатся документы, сведения о жизни и деятельности этих выдающихся сынов кыргызского народа.

Одним из выдающихся государственных деятелей Кыргызстана по праву является Исхак Раззаков. Партийный и государственный деятель Кыргызстана советского периода, Исхак Раззаков занимал высокие посты на хозяйственной и партийной работе в Узбекистане: работал председателем Госплана, зам. председателя Совнаркома, наркомом просвещения, секретарем Узбекского ЦК КП(б) по пропаганде и агитации. В 1945 году его направили в Киргизию Председателем Совета Министров Киргизской ССР, а через некоторое время избрали первым секретарем ЦК Компартии Киргизии. Находясь на столь высоких постах, Исхак Раззаков многое сделал для своего народа своей республике. Он был инициатором и активным участником создания Академии наук республики, открытия Киргизского государственного университета, политехнического, Киргизского женского, Ошского, Пржевальского педагогических институтов, Института физической культуры, многих средних специальных учебных заведений, отраслевых научных учреждений, изданий ряда журналов и газет. Большое внимание он уделял укреплению дружественных связей между Киргизией и Россией и другими народами. Ему принадлежала идея создания и развития рабочего класса Киргизии из числа коренной национальности.

40-50-е годы XX в. – сложное время для истории нашей страны. Они отмечены различными событиями. Это послевоенное возрождение страны и исторический XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина и открывший путь к демократии, и компания по разрушению личного хозяйства колхозников, и приписки, хищения социалистической собственности. Наряду со многими достижениями в стране пришлось пережить и немало просчетов, ошибок. Как невозможно однозначно оценить историю, так невозможно однозначно оценить и известных деятелей того времени. Фигура Исхака Раззаковича Раззакова привлекает внимание личными качествами – принципиальностью, честностью, огромной работоспособностью, самоотдачей, скромностью и эрудицией, умением мыслить масштабно, по – государственному. «Личность Раззакова требует неординарных подходов к научному осмыслению, ибо это был национальный лидер, сумевший в кратчайшие исторические сроки осуществить рывок в экономическом и культурном развитии республики», – пишет в статье о нем исследователь Ч. У. Койчуманова¹⁴. Неудивительно, что личность этого политического и государственного деятеля привлекла внимание многих исследователей. В 90-2000-е годы в республике выходит в свет несколько книг об И. Раззакове. Одной из первых книг стала книга С. и А. Табышалиевых «Исхак Раззаков: штрихи к портрету» (Б.: Кыргызстан, 1995. – 32с.). Небольшая по объему книга стала первой ласточкой в ряду исследований значимости этого человека в истории кыргызского народа.

В 1996 году опубликованы воспоминания об И. Раззакове «Великая личность»¹⁵.

В 2000 году в Бишкеке состоялась научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения И.Раззакова, материалы которой были опубликованы отдельной книгой¹⁶. В том же году издан сборник докумен-

тов и материалов «Исхак Раззаков: Жизнь, отданная народу»¹⁷. В 2003 году вновь выходит книга «Исхак Раззаков» (Б.: Шам, 2003. – 224 с.)¹⁸.

Материалы книг рисуют подлинный портрет этого выдающегося деятеля советской эпохи, говорят о том, что Исхак Раззаков остался в исторической памяти народа как истинный сын своего Отечества. «Он был человеком, сочетающим в своей деятельности одновременно принципы тоталитарной системы и робкие попытки демократических преобразований «периода оттепели». К тому же он был государственным деятелем большого масштаба, не ограниченным рамками региональной, трайбалистской психологии, в отличие от многих руководителей в истории нашего народа»¹⁹. Привлечение новых архивных, эпистолярных материалов и документов, реальная оценка сложных социально-политических процессов и тенденций развития нашего общества в 1940-1960-х годах способствуют новому взгляду на судьбу, политическое наследие и место Исхака Раззакова в нашей истории.

В годы советского строительства в республике наблюдалось чрезмерное восхваление достижений в области культуры советского периода, фактически отрицалось наличие богатого культурного наследия в дореволюционном прошлом кыргызского народа, многие известные акыны, сказители, мыслители прошлого объявлялись реакционными, их творчество оставалось под запретом ввиду инакомыслия. Такому запрету, например, было подвергнуто творчество акынов - заманистов Арстаналы, Калыгула, Молдо Кылыча.

В годы независимости продолжилось начатое в годы перестройки изучение творчества этих акынов, вышли в свет ряд книг и статей об их жизни и деятельности.

Как известно, в годы сталинских репрессий пострадало много невинно обвиненных деятелей науки, культуры Кыргызстана. Это, например, Касым Тыныстанов, Ташим Байджиев и др. Долгие годы эти имена оставались под запретом и не были известны широким слоям населения, на них лежало клеймо врагов народа.

В период 1991–2005 годов в свет вышло большое количество книг, в которых было проведено исследование жизни и деятельности этих талантливых личностей кыргызского народа. В ряду книг такого рода назовем исследование С.В.Плоских «Репрессированная культура Кыргызстана: малоизученные страницы истории» (Б., 2002)²⁰, книгу А. Эркебаева «Малоизученные страницы истории кыргызской литературы» (Б., 1999)²¹.

В 2000-е годы вышли в свет книга Ч.Джаныбекова, посвященная жизни и творчеству Касыма Тыныстанова²² и книга, принадлежащая перу его внука Далила Тыныстанова²³. Обе книги раскрывают жизненный и творческий путь Касыма Тыныстанова, высоко оценивают его научный и писательский труд. Книга Далила Тыныстанова интересна еще и тем, что в ней автор документально повествует о репрессиях сталинской эпохи 30-х годов в Кыргызстане, рисует портрет той жестокой эпохи, пытается понять и объяснить причины, вызвавшие эти репрессии. Так, автор пишет в предисловии: « о мрачных временах разгула беззакония и произвола написано немало. И все же каждое очередное обращение к той противоречивой поре нашей истории открывает неизвестные доселе факты, события, забытые имена. Но всякий раз при обращении к прошлому трудно

отрешиться от мучительного вопроса: а имелись ли реальные возможности для противостояния тому страшному злу? Борьбе, закончившейся для большинства ее приверженцев трагически»²⁴.

Значительно восполняет исторические страницы того времени также книга «К.Тыныстанов, Е. Поливанов» (Б., 2003. – 223 с.)²⁵. В ней на основе документальных источников раскрывается деятельность двух выдающихся ученых, стоявших у истоков кыргызской филологии, положивших начало изучению и развитию кыргызского языка.

В ряду книг, возвращающих забытые имена кыргызской культуры, назовем также книгу видного кыргызского писателя Мара Байджиева о своем отце Ташиме Байджиеве²⁶. Книга имеет своеобразную структуру. Она состоит из трех частей. В первой части представлены произведения Мара Байджиева: слово об отце, воспоминания о друге отца Зияше Бектенове, а также биографические рассказы, незримым героем которых является отец. Во второй части представлены материалы из художественного и научного наследия Байджиева Ташима. Третий раздел – статьи о Ташиме Байджиеве других авторов. Как пишет в предисловии к книге Г. Хлыпенко, «оригинальная композиция книги, фокусирующая в одном центре разнородные источники художественной энергии, позволяет создать многомерный образ главного героя – Ташима Байджиева, по праву вошедшего в когорту замечательных людей Кыргызстана»²⁷.

Как видим, историки Кыргызстана пытаются решить проблему «белых пятен» в отношении исследования исторических личностей, их деятельности, роли и места в истории кыргызского народа. За последние годы была проделана значительная работа по сбору и публикации материалов о жизни и деятельности отдельных известных предводителей кыргызских племен дореволюционного времени, государственных и общественных деятелей периода Советской власти. По замечанию профессора Т.Н. Омурбекова, «в некоторых статьях и книгах допускается одностороннее, тенденциозное описание отдельных событий без глубокого анализа источников, наблюдается открытое восхваление отдельных вождей и племен, иногда даже унижения «не своих правителей». А в работах отдельных, хорошо известных в республике ученых, встречаются неточные данные, не совсем верные суждения, взятые из литературных повествований, что недопустимо для серьезных в целом научно обоснованных работ, тем более обобщающих трудов. Так, по утверждению авторов учебника Отечественной истории основатель самостоятельного ханства кыргызов во второй четверти XIX в. Ормон-хан был прямым потомком Атаке-бия, тогда как он в действительности был потомком Эсенкул Батыра, современника вышеупомянутого бия²⁸. ... А главным врагом Курманбек батыра... якобы являлся его родной жадный отец Тейит-хан, а не Долон-хан – правитель ойрат-калмаков, довольно часто нападавших на соседние народы в XVI – XVIII веках²⁹. Подобные изъяны и упущения характерны и для других работ, особенно написанных авторами, не имеющими профессионального исторического образования»³⁰.

Далее автор выражает свое мнение о том, что при изучении и исследовании проблем роли и места исторических личностей народов Центральной Азии, в том числе и Кыргызстана, необходимо обеспечивать строгую научность исторических работ и предотвращение грубого извращения

исторических фактов. Совершенно прав профессор Т.Н. Омурбеков, считающий, что «основным принципом исследования данной проблемы должна быть объективность оценки деятельности личностей, конкретность, аргументированность освещения исторических явлений, событий, исторических ситуаций в конкретно взятом регионе, даже в области и районе. Такой подход способствует более полному раскрытию специфических особенностей эпох, предпосылок тех или иных судьбоносных событий, перемен, условий формирования признанных лидеров. Большое значение имеет выявление их основных, главных заслуг перед своим народом. При этом необходимо показать на конкретных фактах заботу мудрых предводителей по обеспечению и улучшению благосостояния народа, совпадение их интересов и чаяний, авторитет и уважение среди населения, а также вклад в этническую консолидацию кыргызских родов и племен».

Важными факторами в исследовании проблем роли исторических личностей Т.Н. Омурбеков считает учет общественно-политических взглядов личностей, их основных достоинств как политических деятелей своего времени, своей эпохи, исследование и учет социально-экономического, общественно-политического и культурного развития страны, природно-климатических условий края и т.д.

На наш взгляд, все эти замечания справедливы в отношении исторических работ республики по персонификации истории. Следует расширять и дальше продолжать такие исследования, так как еще значительный пласт источников не изучен, многие имена ждут своих исследователей. Глубокого и заинтересованного изучения заслуживает роль, жизнь, творчество Калыгула бай уулу, деятельность своеобразных личностей, окруженных аурой легендарности, Кадыра-аке, Сарта-аке, Садыра-аке, Тилекмата-аке и других.

Данная проблема в историографии Кыргызстана продолжает оставаться актуальной, так как еще совершенно не разработана методология исследования общественно-политических и личностных портретов исторических личностей и политических деятелей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ У истоков кыргызской национальной государственности. – Б.: Илим, 1996. – 384 с.
- ² Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / Сост. и авт. вступ. ст. Дж. Джунушалев, И.Е. Семенов. – Ф.: Кыргызстан, 1991. – 320 с.
- ³ Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Б., 1997. – С.9.
- ⁴ Там же. – С.170.
- ⁵ Там же. – С.7.
- ⁶ Там же. – С.10.
- ⁷ Там же. – С.156.
- ⁸ Курманов З., Садыков Э. Абдыкерим Сыдыков: Личность и история. – Б.: Шам, 2002. – 228 с.
- ⁹ Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер / З. Курманов, В.М. Плоских, С. Бегалев и др. – Б.: Кыргызстан, 1992. – С. 184.
- ¹⁰ А. Сыдыков, Ю. Абдрахманов. – Б.: Шам, 2003. – С. 223.
- ¹¹ Абдыкадыров Т.А., Джуманалиев С.Р. Баялы Исакаев. Судьба и время. – Б., 1998. – С. 50.
- ¹² Т. Айтматов, А. Орозбеков. – Б.: Шам, 2003. – 224 с.
- ¹³ Койчуманов Ч.У. Роль личности в государственном строительстве: сер. 40-50 – е годы XX века // Кыргызстан: история и современность. – Б., 2006. – С. 102.
- ¹⁴ Великая личность: Воспоминания об И. Раззакове. – Б.: Учкун, 1996. – С. 295.

- ¹⁵ Исхак Раззаков. Жизнь, отданная служению народу: материалы науч. конф., посвящ. 90-летию И.Р. Раззакова (Бишкек, 24 окт. 2000 г.). – Б.: Илим, 2000. – С. 80.
- ¹⁶ Исхак Раззаков: Жизнь, отданная народу: Сб. докум. и материалов. – Б.: Шам, 2000. – С. 300.
- ¹⁷ Исхак Раззаков. – Б.: Шам, 2003. – С. 224.
- ¹⁸ Гапаров Т.А. К вопросу об исследовании жизни и деятельности Исхака Раззакова // Хасановские чтения: тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. 60-летию образования КГУ. – Б., 1993. – Вып. 2. – С. 38-39.
- ¹⁹ Плоских С.В. Репрессированная культура Кыргызстана: малоизученные страницы истории. – Б.: Б.и., 2002. – 22 [4] с.
- ²⁰ Эркебаев А. Малоизученные страницы истории кыргызской литературы. – Б. 1999.
- ²¹ Джаныбеков Ч. Касым Тыныстанов: жизнь и творчество. – Б.: Б.и., 2003. – С. 290.
- ²² Тыныстанов Д. Касым, Боталы, Далил – Тыныстанов. – Б.: ОсОО «Дакс», 2005. – С. 164.
- ²³ Там же. – С. 7.
- ²⁴ К. Тыныстанов, Е. Поливанов. – Б., 2003. – С. 223.
- ²⁵ Байджиев М. Ташим Байджиев. – Б., 2004. – С. 304.
- ²⁶ Там же. – С.10.
- ²⁷ Мокрынин В.П., Плоских В.М. История Кыргызстана. – Б., 1995. – 247.
- ²⁸ Там же. – С. 165.
- ²⁹ Омурбеков Т.Н. Новые подходы к изучению роли и места исторических личностей народов Центральной Азии // Труды факультета Истории и регионоведения / КНУ. – 2002. – Вып.10. – С.116-123.
- ³⁰ Там же. – С. 118.

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНИКАЛЫК МАСЕЛЕЛЕР ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Т. А. Акерев

Об этнонимах «хягяс», «хасха» и «кыргыз»

В 20-е годы прошлого столетия вопрос об идентификации этносов приобрел первостепенное значение в связи с претворением в жизнь политики национального размежевания и самоопределения наций Советским правительством, а также возростанием этнического самосознания народов Сибири и Средней Азии. Это вызвало у национальной интеллигенции интерес к истории собственного народа, который получил возможность обрести национальную государственность, если имелись веские причины и доказательства о древнем происхождении этноса, проживавшего в той или иной территории с самобытной культурой и языка.

В связи с этим с 20-х годов прошлого столетия была развернута научная дискуссия по вопросу этимологии и идентификации этнонима «кыргыз» и его отношения к названию древнего государства на среднем течении Енисея Хягяс¹. Дело в том, что китайские историографы в более древние времена кыргызов обозначали этнонимами «гэгунь», «гяньгунь», «гегу», а в IX-X вв. почему-то историографы поднебесной передавали название этноса в форме «хягяс».

Отметим, что в XVIII-XIX вв. ученые, изучавшие древнекитайские источники, в своих трудах государство Хягяс, называли в удобной для русского языка форме произношения «хакасс», т.е. китайский этноним «хягяс» использовали для обозначения средневекового населения Минусинской котловины. Например, Ю.К.Клапрот писал «Ha-kia-sze», В. Шотт «Ha-ka-sze», Н. Бичурин-«хагас», В.Радлов –«хакасс», Л. А. Евтюхова и С.В. Кисилев «кыргыз-хакас» или «хакас», В.В.Бартольд, А.Н.Бернштам «кыргыз» и т. д.

Но, еще в то время отдельные ученые пытались провести идентификацию хягясов с кыргызами на основе исторических источников. Одним из первых был В.Шотт. Ю.С.Худяков по этому поводу отмечал: «Уже перед Шоттом-автором первой специальной работы по истории енисейских кыргызов-встал вопрос о соотношении терминов «цзянь-гунь», «хягясы», «цзилицзисы», «кыргыз», и он был однозначно и правильно решен в пользу «истинных «киргизов»².

Однако, в связи с политикой национального размежевания и самооп-

Акерев Т. А. – директор Института этнологии МУК

ределения народов Сибири в 20-годы прошлого столетия из-за неясности позиций в ученом мире местная интеллигенция начала термин «хакас» воспринимать как название современного народа Минусинской котловины.

После обнаружения и прочтения рунических надписей, стало ясно, что китайский «хягяс» соответствует орхоно-енисейскому «кыргыз». Т.е. «хягяс» было китайским названием кыргызов живущих в Минусинской котловине. Но, к сожалению, к тому времени уже имелись разработки, в которых пытались связать этноним «хягяс» с определенной этнической группой – карагасами. Н.Н.Козьмин (1925 г.) предположил, что «хягяс» восходит к этнониму «карагас». При этом он считал, карагасов наряду с тувинцами и кыргызами, одной из трех основных групп населения Енисея в прошлом³. С.Е.Малов не смог более конкретно высказаться по данному спорному вопросу. Он писал: «Киргизы были сильным енисейским государством, соперничавшим с уйгурами. Можно подумать, что заодно с киргизами были тофалары (карагасы) и тувинцы (урянхайцы, сойоны)». Далее он отмечал: «... является ли он китайской передачей слова «киргиз» или же, что с моей стороны скорее, «карагас»? Ведь китайцы под хакасами-карагасами-могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами»⁴. В то же время С. Е. Малов полагал, что термин «хакас» может восходить к названию какой-то части зависимых от кыргызов кыштымов, по его мнению «карагасов», выражая солидарность с Н.Н. Козьминым.

После этого дискуссия начала набирать обороты и появились первые критические высказывания ученых в отношении происхождения этнонима «хакас». Л. П. Потапов рассказал историю появления термина «хягяс» в качестве названия населения Минусинской котловины: «Этот общий процесс консолидации, протекший, как было показано, под сильным влиянием качинцев (хаас Т. Акеров), привел к сложению в конце XIX и начале XX вв. на территории Минусинской котловины маленькой народности, которая получила название минусинских или абаканских татар. Хакасами они стали именоваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Название «хакасы» было предложено представителями местной интеллигенции при национальном определении «минусинских татар» в самом начале 20-гг. нашего столетия. Предлагавшие это название исходили из ошибочного представления, что минусинские или абаканские «татары» являются потомками древнего населения Саяно-Алтайского нагорья, зафиксированного в китайских летописях под именованием «хягяс»⁵.

Несомненно, подобные высказывания ученых не могли не вызвать определенные недовольства со стороны отдельных абаканских исследователей (представителей местной национальной интеллигенции) в лице Л. Р. Кызласова, Н. Г. Доможакова, М. И. Боргоякова и др. В рецензии на книгу Л. Р. Потапова об истории алтайцев (в 1954 г.) Л. Р. Кызласов выступил в защиту термина «хакас» и его происхождения от названия племени хаас (качин). Он утверждал, что термин «хакас» является самоназванием различного по этническому происхождению и составу населения Среднего Енисея в эпоху средневековья, а термин «кыргыз» соответствует названию правящего «аристократического династийного рода древ-

них хакасов». Он же писал, что средневековый термин «хакас» является самодийским по происхождению, дожившим до современности в форме «хаас», он встречается в самоназваниях родоплеменных групп тофаларов (хааш), тувинцев и дархатов монголов (хаасут). По мнению Л. Р. Кызласова аристократический род кыргыз у древних хакасов подобен правящим родам хуянь у хунну, ашина у тюрков, яглакар у уйгуров, елюй у киданей⁶ и т. д.

Хакасские ученые в своих работах тщетно пытались найти корни термина «хакас» в Минусинской котловине. Например, Н. Г. Доможаков полагал, что «хакас» является нестяженной формой слова «хаас»⁷. М. И. Боргояков высказал мнение о том, что слово «хакас» сохранился в структуре хакасов форме «хасха». По его мнению «хакас» состоит из двух частей «хах-гас (хас)». В данном случае, первая часть «усиливающий элемент», а слово «гас» обозначает «человека, мужчину»⁸. Н. Ц. Мункуев попытался реконструировать «хягясы» в «гакас» с учетом ассимиляции. Тем самым, выразив сомнение реконструкции С. Е. Яхонтова этнонима «хягясы» в форме «кыргыз»⁹.

На основе вышеприведенных мнений ученых Л. Р. Кызласов (в 1989г.) опубликовал статью, где он попытался показать существование этнонима «хакасы» в средние века на материалах хакасского языка.

Его утверждения снова потерпели крах, как только были опубликованы работы известных синологов Дж. Э. Пуллиблэнк и С. Е. Яхонтова вновь обративших свое внимание на вопрос о правописании средневекового этнонима «кыргыз» в китайских источниках. В результате исследований Э. Дж. Пуллиблэнк пришел к выводу о том, что в древние времена китайские этнонимы «гяньгунь», «цигу», «хягяс», «килигисы» могли иметь форму «кыркыр». Однако, позже в результате эволюции тюркского языка произошла замена конечной буквы «г» на «з». С. Е. Яхонтов (1991г.) в своей статье дает анализ правописания этнонимов «кыргыз», «хаас» и «чик» в китайских источниках. Он поддержал выводы Дж. Э. Пуллиблэнк, заметив, что китайские этнонимы «гяньгунь», «тегу» и «хягяс» могли иметь форму как кыркур, так и кыркуз¹⁰.

В своих исследованиях С. Е. Яхонтов еще раз подтвердил отсутствие термина «хакасы» в китайских источниках в какой-либо форме.

В свою очередь Л. Р. Кызласов стал больше оперировать терминами «хаас» и «хасха» и их соотношениями, с тем, чтобы доказать существование в прошлом этнонима «хакас» в Минусинской котловине. Он главным образом ссылаясь на сведения в Юаньши, где упоминалась владение Хэсыхэ, куда была переселена часть кыргызов в 1293 году, в эпоху Хубилая. Л. Р. Кызласов область Хэсыхэ поместил на Енисее, с тем чтобы, показать этноним «хасха» как одно из самоназваний населения Южной Сибири.

Л. Р. Кызласов происхождение и соотношение слов «хаас» и «хасха» объяснял очень легко. По его мнению, «хаас»-результат стяжения, а «хасха»-метатеза одного и того же слова «хакас». Он отмечает: «Строгая закономерность позволяет восстанавливать форму древних слов по облику современных. Очевидно, что Н. Г. Доможаков прав, и древний облик этнонима «хаас» (со вторичным долгим а) закономерно восстанавливается, как «хагас» («хакас» или «хагас») и следовательно, в самоназвании «хаас» сохранилось древнее имя народа – «хакас»¹¹.

Однако, аргументы Л. Р. Кызласова вновь подверглись к критике. Ю. С. Худяков в своей книге «Кыргызы на просторах Азии» провел широкий историографический анализ и весьма аргументированно раскритиковал Л. Р. Кызласова. По его мнению, предложенные им «...явления стяжения и метатезы в рамках одного процесса изменения языка, явно противоречат друг другу. В какой последовательности их не представляй, одно не могло произойти после другого¹²», так как нарушается чередование букв и невозможно воспроизвести нужное слово.

Далее он пишет: Представляется, что для реконструкции процесса распространения термина «хаас» и «хасха» среди населения Южной Сибири и Центральной Азии нет нисколько необходимости выдумывать исходную форму «хакас». По его мнению, лесные народы Саяно-Алтайского края «ханьханасы», «ханасы», «хабханасы», «ханьхэна» являлись предками современных этнических групп «с самоназванием хаас или хаасут в составе тувинцев, тофаларов, сойотов, дархатов. К их числу должны относиться и «хастар»-качинцы. Часть этих таежных племен в средние века находилась на положении кыштымов в Кыргызском государстве. Кыргызы их ловили и употребляли в работу». Как утверждает Ю. С. Худяков предки современных качинцев пришли в нынешние свои места обитания лишь в XVIII веке, после увода джунгарами кыргызов из Минусинской котловины. «Хаасы-качинцы из долины Качи под городом Красноярском переселились на юг, вплоть до рек Абакан и Уйбат. В их состав вошла часть кыргызов, оставшихся после угона»¹³.

В вопросе о тождестве средневекового этнонима «хягяс» с названиями родов качинцев хаас и хасха самым слабым звеном является термин «хасха». Собранные материалы показывают, что происхождение этнонима «хасха» (кыргызск. «кашка») связано с военно-политическим термином. По данным средневековых источников «хасха» использовался в качестве титула военачальника, главы кошуна (армии) союза кыргызских, казахских и калмыкских племен. Кашка означало самых отважных воинов-богатырей, метких лучников-воинов и т.д. Имеется целый сан титулов, например, кашка, сай кашка, кой кашка и т. д., которые присуждались отличившимся в бою воинам.

Титул «кашка» носил Мунке Темир (Угэчи Кашка)¹⁴, правитель кыргызско-ойратской конфедерации. В версии эпоса «Манас» записанной С. Ахсикенди в XVI в. род Манаса назывался жети кашка, дед Каркырабеком, а народ каркыралинскими кыпчаками. Имя кашка входило в число имен наиболее распространенных среди господствующего слоя енисейских кыргызов. Его носили князья из знатных кланов и семей в XVII-XIX вв. Этнонимы «кашка» и «жети кашка» являются одними из распространенных названий местностей и родов в этнической структуре кыргызских племен на Тянь-Шане.

Следовательно, остается не совсем ясным каким образом титул «кашка» мог превратиться в название населения Минусинской котловины, если в конце V в. н. э. местные племена динлины слились с могущественными кыргызами. Известно, что с этого времени кыргызы имели господствующее положение, установили свои законы и порядок в регионе. Считаю, не правильным думать, что победители-кыргызы заимствовали от побежденных динлинов и прочим слово «кашка», имевшее военно-политичес-

кий характер. По логике «кашка» должен быть термином, связанным с покорителями, а не покоренными. Титул «кашка» имел прямое отношение к вождям кыргызов, возглавлявших военно-политический союз племен.

В «землях Хэсыхэ»¹⁵ видеть область самодийцев хаасов-качинцев тоже сомнительно. Так как, названия китайских областей, куда были переселены кыргызы в эпоху Хубилая, соответствовали имени основного племени переселившихся. Это вполне отвечало принципу кочевания, новое место обитания получало название основного племени или же объединения, имевшего преимущества, чем остальные роды. Например, «Хэсыхэ»- «Кашка», «Шаньдунь»-«Шандин»¹⁶ и т.д. Эти названия, прежде всего, говорят о переселении в данный район преимущественно представителей кыргызского племени кашка (хаска) и шандин (шандиндир). Очевидно, китайцы, пользуясь, удобным случаем, переселяя кыргызов, заодно и узаканивали территорию, очерчивая северные контуры границ империи.

Утверждение о тождестве «хягяс» с самодийским «хаас» тоже вызывает у нас сомнения. В данном случае, мы должны помнить, что монгольская форма этнонима «кыргыз» сохраненная в названии оз. Хяргяс-нур и поселка Хяргяс указывает на их полное тождество с «хягяс», представленного здесь в соответствии со всеми правописаниями и законами монгольского и китайского языков. Было бы более реально видеть в «хаас» и «хаазут» стяженную форму «хяргяс» и «кергут».

Как нам кажется, предки качинцев являлись той частью енисейских кыргызов, которые обитали на Алтае и степях Западной Монголии. Т. е. за территорией Минусинской котловины. Этническая структура и название качинского рода кангит говорят о связи хаасов с племенами кимако-кыпчакской конфедерации канглы. Принцип деления качинских родов по административно-территориальным признакам имело сходство с родоплеменной структурой кыргызского племени канды и казахского канглы старшего жуза.

Качинцы в своей структуре имели родоплеменные группы хасха, ах-хасха, паратан-хасха, талджан-хасха, ус-хасха, хара-хасха, кангит и др. По территориальным признакам хаасы делились хара хаас, кок хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы), а также сагай хаасов, представлявшую пограничную группу¹⁷. Кыргызские канды (канглы) делились на кара канды, сары канды и т. д. обитали в Ферганской долине¹⁸. Казахские канглы состояли из родов кара-канлы, сары-канлы, кызыл-канлы, бадрак-канлы, капсан-канлы, шаньшклы и т. д. В XIX-XX в. канглы проживали двумя компактными группами: в долине р. Или, на Алтын-Эмельской возвышенности, в верховьях р. Сыр-Дарья и Ташкентской области.

Мы склонны предполагать, что предки качинцев являлись одной из степных ветвей кыргызов, оказавшихся в составе кимако-кыпчакского союза племен, а затем возвратившегося в Минусинскую котловину.

Этноним «хаас» не выгодно отождествлять с «хягяс» еще и потому, что «хакас» как название племени или рода не сохранился ни в Минусинской котловине и ни на Тянь-Шане. Тогда как, в структуре современных кыргызов сохранились этнонимы, имеющие непосредственное отношение к хакасским «хасха», «хаас»/«качин» и енисейским кыргызам. Например, кашка (пл. теит), чулум кашка (пл. доолос), жети кашка (пл. солто;

басыз), качы (пл. солто), желден (хакасск. чжжелден, чилдег), бугу (хакасский пугу), чулум мундуз и др. Названия всех вышеотмеченных родов должны были иметь второстепенное значение в отношении этнонима «хакас» – названия средневекового населения Минусинской котловины. Это давало бы ему большие преимущества сохраниться, хотя бы в качестве названия небольшого рода в Южной Сибири. Однако, «хакас» до сих пор ни обнаружился, ни Саяно-Алтайском крае и ни на Тянь-Шане. Возникает вопрос, если кыргызы были лишь аристократическим родом в государстве Хягяс, то почему по всей Евразии мы сегодня встречаем в структурах разных народов и стран континента топонимы, связанные с ними и этноним «кыргыз»?

Как нам кажется, замена «гегу» на «хягясы» проходила в полном соответствии со сложившимися политическими и этническими процессами и ситуацией в Центральной Азии в VIII-X вв. В это время енисейские кыргызы вступили в свою фазу рассвета Кыргызской государственности на Енисее. Об их государстве знали и считались с ним в Китае, Тибете, Византии, арабо-персидском мире, Тюркешском, Карлукском, Хазарском и Булгарском каганатах и т.д.

В связи с этим, можно полагать, что средневековые арабо-персидские, китайские авторы в своих трудах этноним «кыргыз» стали отмечать в наиболее правильной форме. Изменение этнического имени кыргызов произошло не только в китайских источниках, но и арабо-персидских, где кыргызов стали обозначать в двух формах «хырхыз» и «хырхыр». В них же мы встречаем кимакскую область под названием Карк(а)рахан, где «... жители ее напоминают по своим обычаям хырхызов».¹⁹

Следует отметить, что отдельные сведения из китайских хроник полностью опровергают гипотезу Л.Р.Кызласова о самодийском происхождении хягясов. Последние полностью противоречат мнению Л. Р. Кызласова. В информации «Хягяс есть древнее государство Гяньгунь»²⁰, четко и определенно сказано, что Хягяс есть то государство, которое являлось исконным местом обитания гяньгуней, т. е. кыргызов. Китайцы также отмечали «Дом хягяс» и «хягяс есть не большой род»²¹. Если под термином «хягяс» следует понимать, прежде всего, коренное самодийское население Минусинской котловины, признавшее власть кыргызов, то почему этот же этноним использовали для обозначения имени господствующей династии Кыргызского государства. Более логично, признание имени господствующего рода всеми другими подвластными племенами и народами. Так было всегда. Тюркские каганы из рода ашина отмечали все покоренные племена общим именем «тюрк будунум».

В данном вопросе нам следует обратить внимание на то, что в случае с «хагяс» мы впервые встречаем название этноса с конечным звуком «с», что возможно говорить о более древнем происхождении его формы «каркар».

Следовательно, происхождение этнонима «хягяс» могло быть связано с установлением стабильной каганско-императорской власти в Кыргызском каганате. В этом нас больше убеждают сведения из версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди, где зафиксирована информация о двух эпохах правления кыргызских вождей Каркырабека и Манаса, из рода жети кашка. Т. е. если в эпоху правления Каркырабека кыргызами правила династия кар-

кыра (б. журавль, гяньгунь), а народ называл себя каркыралинцами, то при Манасе, правящая династия носила название жети кашка, а народ каркыралинскими кыпчаками²².

В эпоху рассвета Кыргызского государства каган был не только вождем своего племени или представителем господствующего, аристократического клана, но и верховным главнокомандующим (военачальником союзных войск), власть которого распространялась на всю Центральную Азию. В связи с изменившейся политической ситуацией, он принял новый титул «кашка», и был признан военачальником всего кыргызского (союзного) кошуна. С усложнением государственного аппарата, изменилось название господствующего клана енисейских кыргызов – эди²³. Отныне господствующий род кыргызов стал называться жети кашка.

В таком случае, как можно соотнести «кашка» с «хягяс» и «кыргыз»? На первый взгляд кажется, что титул «кашка» не имел ничего общего с вышеуказанными этнонимами. Однако, «кашка» можно сопоставить с его более древней формой «каркар», что дает возможность обнаружить определенную, вполне приемлемую, близость терминов.

Отсюда, можно сделать вывод, что происхождение древней формы этнонима «кыргыз» - «каркар» мог иметь непосредственную связь с одним из наиболее популярных титулов, в ранге судьи «карха» широко использованного в союзе племен европейских гуннов, печенегов, кангаров, хазаров, маджагардов и других, имевших отношение к Алтаю и государству Канха. Причем, название авестинского государства «канха» уже было сопоставлено с этнонимами «кангар», «кангюй» и «канглы».

«Карха» широко применялось в гуннском и печенежском обществах в качестве имени человека, титула вождя, названия местности и т.д. По утверждению болгарских летописцев в учении о «Тенирианстве» «карха» олицетворяла алпа света и тепла. Живым воплощением ее была белая лебедь - журавль, утка, гусь, ворон и т.д.), в честь, которой сохранено название реки Куманды (Лебедь) на Алтае, т. е. в стране кангарских племен. В книге Бахши Имана приводилась легенда о сестре Атиллы Харье («Лебедь»), в честь которой был построен город Харька (современный Харьков). По преданию, Харька жила в этом городе и умерла, когда брат непослушав ее совета, ушел воевать.

Эти сведения в развернутом и поэтическом стиле повторяются в поэме «Цветы Кыпчакского поля» Рейхан Булгари, поэта XII века. Согласно автору Атиллы и его сестра Карха по отцовской линии принадлежали роду айбат, а по материнской линии кыргыз. Он в младенчестве носил имя Тука, когда он повзрослел и стал охотником, стали называть его Атиллой²⁴.

По информации византийского императора Константина Богрянского племени кангар входили в состав печенегов, состоявших из восьми племен. Среди них были три наиболее благородных племен кангар-эрдим, гила и чур. Источник отмечал: «Эти восемь племен турок не подчиняются собственным [особым] архонтам, но имеют соглашение сражаться вместе, со всем тщанием и усердием на реках, в какой бы стороне, ни возникала война. Первым главою они имеют архонта из рода Арпада – последовательно, и двух других гилу и карху, которые имеют ранг судьи. Каждый род имеет архонта»²⁵. Представители этих трех родов занимали весьма высокие должности в этом обществе.

Г.В.Ксенофоновым было проведено успешное отождествление названий печенежского племени кангар (кенгерес, канглы) и его трех родов с именем саха-якутского объединения «кангалас» и его тремя родами -ектем, киллем, чур. Также были сопоставлены древний приаральский этноним «кидарит» («кидара») с кангаласским «ходоро», печенежский «чопон» с кангаласским «дъеппен».

Согласно саха-якутских преданий, в глубокой древности в стране «Араат Байгал» или «Арылы Байкал», жил славный народ ураанхай. Она находилась в девятой от Лены реке, на берегу теплого моря. Т. е. в печенежском Приаралье. «... во времена прибытия Омогой Баая и Эллэй Боотура из южной страны переселилось племя кыргыз с лошадьми и рогатым скотом»²⁶.

Выводы ученого можно дополнить и более конкретизировать новыми кыргызскими материалами. Омогой Баай и Эллэй Боотур являлись предками саха-якутского племени кангалас. Вторым в списке потомков родоначальника якутских кыргызов Эллэй стоит имя Хордокосууна, имевшее тождество с названием кыргызского племени кодогочун. В составе кангаласов сохранились названия родов, имевшие прямое отношение к Тяньшаньским кыргызам: кангалас (кырг. пл. канглы), чур (пл. кара чоро), ходор – пл. кыдыршаа, род мунгушей (кодогочун), чериктей (черик), кырыг. Саха-якутские сэргэччи (Ботурусский улус) и уодугэй имеют сходство с казахским шеркез и кыргызским адыгине – крупное пл.), а также российскими этнонимами черкез и адыги.

Весьма любопытно, что по генеалогическим преданиям кангаласы имели связь сразу тремя средневековыми племенами кангарами (канглы), кыргызами и эфталитами (кутургур). Это же можно обнаружить, изучая структуру Тяньшаньских кыргызов. Причем, племена канглы и кыдыршаа (кударит, эфталит; Фергана), считались одними из древних, крупных и основных племен объединения ичкилик кыргызов. Средневековый этноним «эфталит» можно сблизить с названиями племен, обитавшими в Восточном Туркестане кидарит, кидоло (эфталиты), кутургур (белые гунны), катаркин (монгольский), гаочэ (южная ветвь динлинов), каучин (могольским). В структуре кыргызов можно встретить ряд этнонимов, имевших отношение к названию «эфталит» – кайдоол, кудайлят, катаган, кыдыршаа, кодогочун.

В средневековых источниках много писалось о соседстве Кангюй канглы с усунями и политической активности племен канглы в Средней Азии. Цянь-ханшу отмечалось: «Или – древняя страна усуней, и страна эта на севере и западе примыкает к Канцзюй кангюй». Согласно китайских хроник государство Кангюй располагалось в нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи. В монгольскую эпоху и более позднее время потомки кангюйцев (кангиты)¹⁷ и усуней под племенными названиями канглы и уйсун кочевали в тех областях, где обитали их предки в прошлом. М. Тевкелев последние называл общим собирательным именем канглы-уйсун. Согласно родословной канглы по старшинству стоят рядом с уйсунями.

Н.А.Аристов писал: «Кангюйцы, покоренные тукюесцами, перешли потом в VIII столетии под власть карлыкских ханов и повсюду на страницах истории под именем канглов лишь в начале XII столетия, когда один из ослабевших карлыкских илеков, не имея сил укротить набеги

канглов на свои земли у подножия Александрийского хребта, призвал на помощь каракиданьского Гурхана. В начале XIII века канглы составляли главную часть армий Султана Мухаммеда Харезм-шаха, неудачно защищавших от монголов Отрар, Самарканд и Харезм. Печенеги, узы (гузы), команы (половцы), кипчаки-все это, вероятно, лишь роды и отделы канглов, подвигавшиеся на запад и юг из кангюйских степей»²⁸.

Н. А. Аристов справедливо относил Тяньшаньских канглы, дулу и нушиби к племенам конфедерации кимаков. По его мнению, после падения Западнотюркского каганата канглы кочевали на северо-западе от Тараза и населяли низовья р. Чу и бассейн Сарысу, а также Илийскую долину.

С. М. Абрамзон полагал, что в средние века «канглы жили по соседству с долиной р. Чу» на Тянь-Шане. Канды арык – так назывался один из арыков в районе Кичи Кемина, расположенного близ р. Чу²⁹.

Среднеазиатские канглы, являлись потомками тех, кто участвовал в походах тюркских каганов против эфталитов. Позже канглы, ассимилировав эфталитов (кыдыршаа) осели на их землях (Фергана), образовав собственный улус на Тянь-Шане. При этом последние контролировали степи расположенные на запад от Тянь-Шаня (Или-Талас) до Приаралья. В источниках более позднего времени в Семиречье кочевал союз племен ичкилик-кыргызов Булгачи-Салусбия, основной костяк которого составляли древние племена, известные на Саяно-Алтае и Тянь-Шане с эпохой древних тюрков канды, кыдыршаа, тейит, доолос, жоо кесек, бостон³⁰.

Следовательно, в X в. улус канглы, родственный кыргызам по праву мог называться областью Каркырахан, куда входили степи Восточного Туркестана и Восточного Казахстана.

Как нам кажется, под кангарскими этнонимами «карха» и «гила» («ила», «илак»). следует понимать кыргызов. В книге Бахши Имана алтайские кыргызы в составе Волжской Булгарии назывались килик или иллак (илек). Известно, что в прошлом саяно-алтайские племена кыргызов называли килик («илек», «гила», «ила», «илак»). В. Бартольд записал предание у енисейских остяков о нападении на них «сверху», т. е. с юга, могущественного народа «килики или кыргызов»³¹. «Бла» – так называли долину реки Или в эпоху М.Кашгари, где современные ученые на основе данных китайских источников располагают древних кыргызов – гэгуней, гяньгуней, гегу.

В источниках эпохи династии Тан о кыргызах и их месте расположения сказано: «Хягяс есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит «от Хами на запад, от Хорашара на север, подле Белых гор». Л. Боровкова и Г. Супруненко изучив и сопоставив данные китайских источников, располагали кыргызов в Илийской долине Восточного Туркестана. По мнению Л.Боровковой, кыргызы жили в районе хребта Боро Хоро и западнее пустыни Дзосотын-Элисун в Восточном Туркестане³². Впоследствии это мнение получило поддержку в работах О. Караева, Ю. Худякова, М. Кожобекова, Т.Чоротегина и др.

Этноним «килик» («эллак», «илак») можно реконструировать как «кырык», что соответствует названию одного из родов кырык и имени одного из прародителей рода кыргыз саха-якутского племени кангалас «эллей», а также имени предводителя алтайских кыргызов «эмке», упоминаемого Гардизи.

В научной литературе термины «карха» и «гила» достаточно не изучены. Однако, установлено, что еще в средние века с первой связывали название Крымского города Керч/«карча». В родословной современных тюркских народов в числе их общих предков отмечались имена Карча (Карача) и Аланча, которые имели связь с двумя древними родственными государствами Канха и Алания, расположенных на Алтае и Кавказе.

Небезинтересно, что волжские булгары и карачаевцы считали себя потомками населения Алании. Согласно генеалогическим данным современные кавказские карачаевцы и тяньшаньские кыргызы имели общее происхождение от хана Карча или Карача. По одной из легенд, бытующей среди кавказских карачаевцев в XIX – XX вв., в прошлом народ называл себя кыргызами. По преданию, Карча (Карача) – первый правитель карачаевцев происходил из золотоордынского города Кошкар.

По кыргызским преданиям Карача хан со своим народом (кыргызами) переселился на Кавказские горы из районов города Кашгар в Восточном Туркестане. По другим версиям легенды Карача хан был предком кыргызских племен нойгут и черик (от монг. «воин»), издревле обитавших в районах Кашгара в Восточном Туркестане³³. Казахи считали себя потомками белой гусыни сочетавшейся с их предком Калча Кадыром.

«Карха» можно сопоставить с именем «деде Коркуд» в «Огузнаме». Можно провести параллели между «карха», «калха», «калча», «коркуд» и «харковь». Примерно, такая же картина вырисовывается с «керч»/«карча». Последний имел сходство с названием города венгерских кыпчаков Корсаг и небольшого объединения карсагал в Минусинской котловине в XVIII в. Сюда же мы относим этноним «кайсак-кыргыз», в первой части которого можно легко обнаружить нам знакомые термины «корсак», «кыйсак», «кыбчак», что указывают на возможное существование их стяженного варианта-«козак»/«касак»/«казак».

Отсюда «карха» и его вариант («керч»/«карча») можно сопоставить с титулом вождей средневековых кыргызов, казахов-«кашка» и калмыков «калча». Военно-политический характер термина «кашка» подтверждала народная этимология этнонима «кыргыз»: убивающий, истребляющий (кыргыз) или не уничтожимый, не истребимый (кырып жок кылынгыз). Неслучайно, в вышеприведенной легенде Карача хан представлен предком племени черик (войско).

Следовательно, термин «карха» имел различные формы и прямое отношение к авестинскому названию государства «Канха» на Алтае. По нашему мнению, государством Канха правили представители одноименной династии карха (лебедь), соответственно образованный ими союз племен назывался кангар или канглы. Позже этот титул был заимствован кочевыми племенами Саяно-Алтая, входившими в состав государства Канха и имевшими союзнические отношения с ним. В этом смысле «карха» могла иметь прямое отношение к этнониму «кыргыз», наиболее древние формы, которого звучали как «каркар» (журавль), «каркун» или «кангар». Можно провести параллель между «канха»/«кангар» и «карха»/«каркар» и «кашка»/«кыргыз».

Основываясь на вышеизложенном, этноним «кыргыз» и «кашка» можно сопоставить с «хазар» и «карха». Здесь же проведем параллели между «хазар», «карха» и хакасским «хаас», «хасха», а также иранским «каш-кай», «кашкул» (кашкаи-тюркский народ).

В таком случае, можно констатировать, что эволюция в тюркском языке, о чем нам твердили синологи, происходила в связи с изменением этнополитической ситуации на Алтае в VIII-X вв. Этот процесс совпал по времени с изменением господствующего рода на Алтае и появлением новых алтайских объединений кыргызов, кыпчаков и кимаков.

Отсюда, можно заключить, что кыргызы представляли одно из племен государства Канха, обитавшее на восточных и южных пределах данного владения. Ими управляли представители рода карха (белая лебедь, каркыра-журавль). Соответственно вожди их носили титул «карха»/«кашка», а «кыргыз» был самоназванием этого этноса.

Вышесказанное наше мнение как бы подтверждали сведения из книги Бахши Имана «Джагфар тарыхы», где приводились две легенды о происхождении кыргызов и кыпчаков Волжской Булгарии. В первой, очевидно, более древней, генеалогия кыргызов и кыпчаков связывалась с массагетами и сарматами, а во второй запечатлены массагето-кыргызобулгарские взаимоотношения.

Согласно первой легенде: «однажды в Туркестане (Казахстане) племя южных саков – массагетов (масгутов) внезапно напало на центральных саков – сарматов (чирмышей). Все чирмышы были перебиты, но предводительница сарматов Тамыр-бика успела перед гибелью спрятать своего младенца – сына в дупле дерева. Мальчика нашли и вырастили тюрки. Они же назвали его Кыпчаком – «Дупельным». Кыпчак взял в жены 40 тюрчанок и его дети от них основали 40 родов тюркоязычных саков. Их стали называть «кыргызами» (т.е. «сорок девушек» – в память о сорока женах Кыпчака) или «кыпчаками»... Саки, сохранившие индоарийский язык, продолжали называться «сагдаками» (саками). Часть массагетов была также в то же время тюркизирована и получила от булгар название «оймек», передаваемое иногда в форме «кимак», а другие массагеты, сохранившие индоарийский язык, по-прежнему назывались «масгутами»³⁴.

Согласно второй легенде о алп-бике Куропатке, Тангра в защиту человеческого рода, превратил ее в алп-бике Мышь или Кыргыз-Кыргыз [Дикая или Вольная Девушка], что олицетворяла дух женского своеволия и упрямства. После этого она, «явившись в царстве Идель в образе прекрасной девушки, вызвала многовековую смуту в государстве. Вначале она очаровала всех болгарских принцев и перессорила царевичей. Когда ее изгнали из Иделя, она ушла в Кашан (Средняя Азия), где стала объектом поклонения масгутов. За это Тангра наказал это племя, которое стали называть также кыргызами – по имени Кыргыз. Оно прекратило свое существование, и даже небольшая группа уцелевших масгутов стала носить имя болгарской династии Алан, некоторые представители которой бежали к ней. Степи масгутов были заняты кыпчаками, которых стали, поэтому называть и кыргызами...»³⁵.

Первая легенда подтверждала этногенетическую связь кыргызов с массагетами и сарматами. Очевидно, в данном случае речь идет о миграции восточных племен усуней, юэчжи, хунну на запад в III в до н. э., когда они один за другим переселились в страну саков, а затем одним ударом разгромили Бактрию и на его развалинах сформировали Кушанское царство. После этих событий саки навсегда исчезли из политической арены Центральной Азии, а на восточных пределах владения последних стало возвышаться новое объединение племен под именем кыргыз (гяньгунь).

В исторических источниках кыргызы и сарматы всегда описывались как племена, принадлежавшие одной культуре, были известны как огнепоклонники, практиковали трупосожжение. Генеалогические предания содержали схожие сюжеты и происхождение народа связывалось всегда с женщинами. Первый происходил от амазонок-мужеубийц, попавших в Скифию, где, они сдружились с молодыми скифами, перешли реку Танаис (Дон) и там образовали сарматское объединение³⁶. Согласно данным «Юаньши» кыргызы произошли от сорока девиц страны Хань, вступивших в брачные узы с мужчинами владения Усы, вследствие чего эта страна стала называться Кыргызской землей³⁷.

Основываясь на вышеизложенном, мы полагаем, что сарматы, болгарские сербы и черемыши являлись одним и тем этносом, что как бы подтверждают первые части этнонимов. Как утверждал информатор этнонимы «сербы» и «черемыш» происходили от слова «сир» («семь»), что означало семь родов. С этим же словом «сир» автор связывал происхождение топонимов «Сырдарья и Жети Суу. Для полного анализа можно «сир» сопоставить с названиями исседонского племени серы (серика), предков кыпчаков «сир-тардуш» и правящего рода енисейских кыргызов эди Рашид ад-Дина.

Отсюда, можно предполагать, что древние кыргызы могли иметь этногенетические связи с саками-тиграхауда (юэчжи-массагетами), сарматами и усунями (исседонами), которые возможно представляли южные группировки племен государства Канха.

Китайцы обозначали кыргызов этнонимами «гэгунь», «гяньгунь», «хегу» и т.д. В III в. до н.э. кыргызы вместе с соседними владениями синьли (канглы), динлин, цзюеше были покорены хуннами. Накануне нашествия Модэ шаньюя, кыргызы жили на юге-востоке от Кангюя, примерно на территории юэчжи-массагетских племен, считавшихся наиболее могущественным и сильным объединением, племена которых к V в. н. э. под влиянием хунну, преобразовались в конфедерацию белых гуннов – эфталитов.

Следует отметить, что начиная с эпохи жужан, а затем имевшее продолжение в период гегемонии древних тюрков в Центральной Азии отношения между господствующими жужанами, родом ашина и кыргызами, канглы строились по принципу господина и подчиненного. Кыргызы начиная со времен покорения их Модэ шаньюем вплоть до построения ими Кыргызского каганата на среднем течении Енисея, хотя и возродились, сохранили сравнительную независимость, однако, не смогли сформировать централизованную государственную власть.

Вышеназванные соседние владения кыргызов и канглов, постоянно подвергались гонениям, переселению с места на место со стороны своих господ. В конце V в. кыргызы, не устояв натиска со стороны жужан, мигрировали в Минусинскую котловину. В VI-VIII вв. покоренные кыргызы и канглы составляли основные силы войска тюркских каганов, в результате часть этих племен очутилась на Тянь-Шане. Тюрки мечом канглов и кыргызов ликвидировали господство эфталитов в Средней Азии.

В VIII в. Кыргызский каганат стал могущественным государством. Тюркские каганы, признавая мощь кыргызов, выдавали своих дочерей за Кыргызского кагана или представителей его семьи. В орхоно-енисейских

текстах говорится: «Каган табгачский был нашим врагом. Каган десятистрел (тюргешей) был нашим врагом. Но больше всего нашим врагом был Кыргызский сильный каган».

Политические события, происходившие в Центральной Азии в V-VI вв. в связи с господством жужан, весьма красочно описаны кыргызском эпосе «Манас». Кыргызы также как и предки древних тюрков были разбиты соседним племенем и вынуждены были бежать и скрываться на разных уголках Степи. Разбрелись десять сыновей хана Ороздуу. Одна из групп кыргызов во главе с Джакыпом по воле судьбы попадает на Алтай, где у него родился сын Манас. Достигнув зрелости, Манас построил новое государство. Это было время, когда хан кыргызов выступал с новым родовым именем жети кашка, а народ его назывался каркыралинскими кыпчаками.

Согласно версии манасчы Шаабая Азизова Манас родился на Енисее.

Где неясно вырисовываются ввысь вершины гор,
Где склоны гор заострены,
В Энее-Сае, в пустынной земле,
В юрте белой в 60 звеньев
Шесть дней длились родовые схватки,
И Манас великодушный родился.
В эту сторону от Бай Келя (оз. Бай кал)
Пуповину обрезали и обмыли.
Повзрослел и стал молодцом,
О нем уже говорил народ,
Он повзрослел и стал силен.
Черным манжу, калмакам
Великодушный стал наводить страх.
В Эн-Сай как-то пришел,
От караванчика такую весть услышал,
От торговца слышал разговор
Эр Бакай сын Бая
Десять сыновей Орозду
Слышал, что они разбрелись,
Один ушел на Кангай,
Один ушел на Алтай,
Один ушел на Шыбыр,
Один ушел на Серен (Аральское море).
Один ушел в Теренге (Астрахань?)
Один ушел в Ойон (Монголия),
Пройдя через песчаную пустыню.
Один ушел на Саяны³⁸.

Следовательно, сведения Гардизи о кыргызо-огузских взаимосвязях могли происходить после того, как печенеги, разбив кангар, включив их покоренные племена в свой состав, продвинулись на Запад. Практически речь идет о времени, когда было уничтожено древнее государство Канха (в VI-VIII вв.), племена которого силой были угнаны печенегами.

Таким образом, можно сказать, что усиление Кыргызского государства и распространение их власти на Алтай в VIII в. положило начало второму этапу политической истории племен кангар (канглы). В эту эпо-

ху кыргызы, покорив огузов, смогли изменить политическую ситуацию в регионе в свою пользу и заняли Алтай. Данный период был связан непосредственно с кыргызами, кимаками, кыбчаками и титулом «кашка».

Кыргызы, теперь уже как полноправные хозяева Алтая, на развалинах княжества кангарских племен сформировали новые владения и объединения кыбчак и кимак в данном регионе. В начальном этапе Алтай управлялся с Енисея. Видимо, поэтому, в средние века на Алтае этноним «кыргыз» использовался как общее имя кыргызских, кимакских (канглы) и кыбчакских племен.

Позже, алтайские племена, усилившись, отделились от Кыргызского каганата. В IX в. алтайские кыргызы, канглы, кыпчаки на развалинах владения кангюйцев, построили Кимакский каганат. Алтайские кимаки составляли угрозу Кыргызскому государству. Эпоха противостояний двух родственных государств на Саяно-Алтае в эпосе «Манас» освещено в сюжете о противоборстве Манаса и его родственников, в лице правителей коз команов Абыке и Кобош³⁹.

В исторических источниках немало сведений и сходств имелись между печенегами и кыргызами, а также кангарами и кыргызами. Так, в письменных хрониках печенеги, как и кыргызы известны были как сорока племенной народ.

Кыргызско-огузские отношения описаны в сочинении Гардизи и в «Огуз намэ». Причем, в обоих трудах происхождение кыргызов связывалось с мифическим зверем собакой. Гардизи в своей книге «Зайн ал Акбар» (XI в.) писал о кыргазах, вступивших в союзнические отношения с хазарами, башкирами, а затем покоривших огузов. Правителем кыргызов был Эмке. С. Ахсикенди в своей книге «Маджму ат-Таварих» приводит информацию о происхождении кыргызов от сорока гузов в эпоху султана Санжара⁴⁰.

В «Огуз намэ» кыргызы-мифические ит-барак упоминались в связи с рождением младенца, которому Огуз-хан дал имя Кыбчак (Дупельный). Согласно сказания, новорожденный мальчик, получивший имя Кыбчак, появился после неудачного похода Огуз-кагана на племя ит-барак (кыргызы), что говорит о событиях имевших отношение к эпохе кыргызского Великодержавия. Когда, кыргызам удалось уничтожить в 840 году ставку уйгурского кагана Орду балык, ликвидировав их гегемонию в Центральной Азии.

Небезинтересно, что в структуре кыргызов сохранились ряд названий тюркских и огузских племен бичен (печенек), жедигер (огуск.-ядгер), мундуз (огуск. бугдуз), бугу (тюркск.-пугу), кесек (кесек), теит (теит), тас (тас) и т. д. Причем, этнонимы печенег и мундуз сохранились только у кыргызов и алтайцев.

Влияние кимакских племен канглы на кыргызов было значительным. В эпосе «Манас» канглы и кыпчаки выступали как союзники Манаса и кыргызов.

Союз и родственные отношения кыргызов с канглы отражены в эпосе «Манас»:

Недавно прибывшие родичи
Как приютились у бая Жакыша,
Год уже прожили.

Немного их семей,
Народ под названием канглы-они,
Среди канглы
Был и богатырь Чегеш⁴¹.

Об этом же говорят названия страны енисейских кыргызов и (общее название) населения Минусинской котловины кангоорай или хоорай хырхыз. Вышесказанное наше мнение подтверждал также этнический состав населения Минусинской котловины в XVII-XVIII века, где наряду с кыргызами мы обнаруживаем объединения родственных племен карсагалов, качинцев (хаасов), сагайцев, имевших непосредственное отношение господствующему клану, давшему свое название государству, т.е. кыргызам.

Как нам кажется, в эпоху господства на Саяно-Алтайском крае кыргызы смогли организовать ряд новых объединений за пределами территории Минусинской котловины, одними из которых могли быть предки современных качинцев-хаас, что как бы подтверждало название его родового подразделения кангит. В эту же группу можно отнести хакасский род камасин, в прошлом называвший себя кангаласами. В них можно видеть осколки средневекового кимакского племени кумоси. Можно привести его варианты-камаш, кумаш, куман встречаемых в качестве тюркских имен.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно предполагать, что происхождение кыргызского этноса и его имени было связано с владением Канха на Алтае и титулом «карха», имевший различные формы, одним из которых был «кыркыр» или «каркар». В VIII в. в результате эволюции тюркского языка китайские и арабо-персидские историки население Минусинской котловины стали обозначать общим именем «хягяс» и «хырхыр», что соответствовали этнониму «кыргыз»⁴² орхоно-енисейских текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (далее МИКК). – Б., 2002. Т. 1. – С. 50.
- ² Худяков Ю. С. Кыргыз на просторах Азии. – Б. 1995. – С. 18.
- ³ Козьмин Н. Н. Хакасы. – Иркутск, 1925. – С.11.
- ⁴ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л., 1952. – С.7.
- ⁵ Потапов Л. П. Очерки истории алтайцев.//ВИ.– 1954.– № 7. – С.151.
- ⁶ Худяков Ю. С. Указ. раб. – С. 23.
- ⁷ Доможаков Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хаасского (качинского) диалектов/ЗХНИИЯЛИ – Абакан, 1956.– Вып. IV.– С. 65.
- ⁸ Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов/ УЗХНИИЯЛИ-Абакан, 1959.–Вып. VII.–С. 137.
- ⁹ Мэн-да бэй-лу. – М.,1975.– С.128. – Прим. 110.
- ¹⁰ Яхонтов С. Е. Этнонимы «киргиз», «хаас», «чнк» в китайских исторических сочинениях/Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. – Б., 1991. – С.124-125.
- ¹¹ Кызласов Л. Р. Этнонимы «хаас» и «хасха» в хакасском языке//Маргулановские чтения.– Алма-Ата, 1989.– С. 260-263; Он же. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня/ Тр. КАЗЭ.– Фрунзе,1959.–Т.3.– С. 111.
- ¹² Худяков Ю. С. Указ. раб. – С. 40.
- ¹³ Там же. – С.40- 41.

- ¹⁴ Джуманалиев Т. К. Очерки политической истории кочевников притяньшаня с древности и до конца XVII века. – Б., 2007. – С. 411.
- ¹⁵ Кызласов Л. Р. Этнонимы «хаас» и «хасха» ... – С. 263. Караев О. К. Еще раз о терминах «кыргыз» и «хакас» / Кыргыз терминологиясынын маселелери. – Фр., 1972. – С. 133.
- ¹⁶ С. Г. Скобелев, Чжан Тайсин, А. А. Шомаев. Происхождение Фуюйских киргизов / Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей... – С. 99-100.
- ¹⁷ Худяков Ю. С. Указ. раб. – С. 38.
- ¹⁸ Аттокуров С. Кыргыз санжырасы. – Б., 1995. – С. 205-208.
- ¹⁹ МИКК. – Б., 2002. – Т. 1. – С. 50.
- ²⁰ Там же. – С. 41; Акеров Т. А. К вопросу о локализации древнекыргызского царства Гэгуь // Вестник № 1. 2008. – С. 36-37.
- ²¹ МИКК. – Т. 2. – С. 45.
- ²² Тарыхтардын жыйнагы («Мажму атут таворих»). – Б., 1996. – С. 45, 65, 70-71.
- ²³ Худяков Ю. С. Указ. раб. – С. 74.
- ²⁴ Бахши Иман Джагфар Тарыхы. – Оренбург, 1997. – Т. III. – С. 73-76.
- ²⁵ Ксенофонт Г. В. Ураанхай – сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Якутск, 1992. – Т. I. – С. 33; Он же Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск, 1997. – С. 25.
- ²⁶ Ксенофонт Г. В. Указ. раб. – С. 25; Молдобаев И. Указ. раб. – С. 132.
- ²⁷ Джуманалиев Т. Хрестоматия по древней и средневековой истории Кыргызстана. – Т. I. – Б., 2007. – С. 64.
- ²⁸ Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара кыргызы. – Б., 2001. – С. 122-123.
- ²⁹ Абрамзон С. М. Указ. раб. – С. 52; Примеч. 91.
- ³⁰ МИКК. – Т. 1. – С. 225.
- ³¹ Бартольд В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Б., 1996. – С. 183.
- ³² Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – М., 1989. – С. 62.
- ³³ Аттокуров С. Указ. раб. – С. 81-86.
- ³⁴ Бахши Иман. – Т. III. – С. 20.
- ³⁵ Там же. – С. 21.
- ³⁶ Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. – М., 1989. – С. 67-69.
- ³⁷ Митько О. А. Средневековое население долины р. Ус // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. – Бишкек, 1991. – С. 92.
- ³⁸ Молдобаев И. «Манас» историко-культурный памятник кыргызов. – Б., 1995. – С. 72-73.
- ³⁹ Жирмунский В. Введение в изучение эпоса «Манас» / Энциклопедический феномен «Манаса». – Б., 1995. – С. 128-129, 132, 158-159.
- ⁴⁰ Тарыхтардын жыйнагы. – С. 30.
- ⁴¹ Молдобаев И. Там же – С. 178.
- ⁴² Чоротегин Т. К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии до монгольского времени. – Б., 1995. – С. 75-81.

В. М. Куттубекова

Кыргыздардын совет мезгилиндеги үйдө тамак ичүү системасы

Этнография жана маданият таануу илимдеринде азыркы мезгилге чейин кыргыздардын совет мезгилиндеги үйдө тамак ичүү системасына арналган илимий эмгектер жокко эсе. Бул проблеманы илимий анализге алууда А.С.Көчкүновдун (13), Ч.К.Өмүрбековдун (15) эмгектери (колдонулган илимий чыгармалар макаланын аягында берилди) маанилүү орунду ээлейт. Совет мезгилинде кыргыздардын салттык тамак-ашынын өзгөрүшү, аларга социалдык-экономикалык, чарбалык, маданий жана башка элдер менен болгон этникалык байланыштарынын таасирлери А.С.Безжовичтин (10), С.М.Абрамзондун (1), М.Т.Айтбаевдин (7), Е.И. Махованын (14) эмгектеринде чагылдырылган. Сунуш кылынган макалада кыргыздардын совет мезгилиндеги үйдө тамак ичүү системасы чогултулган (айыл-кыштактарда) даректүү этнографиялык материалдардын негизинде ачып көргөзүлөт (18).

Совет этнографиясында тамак ичүү (трапеза) категориясы төмөндөгүдөй бөлүктөргө бөлүнөт: күнүмдүк тамак ичүүнүн белгиленген же кабыл алынган тартиби – эртен мененки тамак, түшкү тамак, кечки тамак, жагдайга же ошол мезгилдеги шартка карата тамак ичүү – үйдө тамак ичүү, талаада тамак ичүү, коомдук же бирикмелерде тамак ичүү; мааниси же кадыр-баркы менен той, майрамдарда тамак ичүү, адат катарында сакталган үрп-адат боюнча тамак ичүү (8,9,11,17).

Тамак ичүүнүн мындай түрлөрү совет мезгилиндеги кыргыздардын тамак-ашында толугу менен сакталган. Жогоруда көргөзүлгөн тамак ичүүнүн түрлөрүнүн ичинен мазмуну жагынан күнүмдүк тамак ичүүнүн белгиленген же кабыл алынган тартиби (эртен мененки тамак, түшкү тамак, кечки тамак) этнография жана маданият таануу илимдеринде актуалдуу болуп саналат. Себеби, биздин көз карашыбызда жогоруда аталынган бөлүктөрдүн ичинен күнүмдүк тамак ичүүнүн белгиленген же кабыл алынган тартиби башка бөлүктөргө караганда бир топ айырмачылыктарга ээ.

Күнүмдүк тамак ичүүнүн рационун кирген тамактары же азыктары аркылуу тамак-аш системасынын өкүм сүргөн маданияттын социалдык нормативдик өзөгү менен болгон байланышын, салттык тамак-аштын совет мезгилиндеги чыныгы, даректүү өзгөрүшүн, башка элдер менен болгон этномаданий катыштардын негизинде тамак-аш рационунун байышын изилдөөгө жакшы мүмкүнчүлүктөрдү түзөт.

Кыргыздардын совет мезгилиндеги үйдө тамак ичүү системасынын негизги өзөгүн чарбачылыктын өзгөрүшү жана чарбачылыктан алынган азыктар түзөрү этнография жана маданият таануу илимдеринде (7-12,17,19) белгилүү. Мындай факторлордон сырткары башка элдер менен болгон этномаданий байланыштар же кабыл алуулар, шаар маданиятынын тийгизген таасирлери басымдуу орунду ээлейт.

Куттубекова В. М. – И.Раззаков атындагы КМТУнун философия жана социалдык илимдер кафедрасынын улук окутуучусу

XX кылымдын 20–40-жылдарында кыргыздардын күнүмдүк тамак ичүү системасында мурунку салттык тамак ичүү системасына караганда өзгөчөлөнгөн жанылануулар тез аранын ичинде пайда болгон жок. Себеби, азык–түлүктүн курамдык бөлүгү чарбачылыкка түздөн түз байланышкандыктан, 20–40-жылдары кыргыздардын чарбачылыгында мурункудай эле салттуу чарбачылык үстөмдүк кылган (7,11,14,15). Тянь-Шань географиялык зонасында жайгашкан Ат-Башы, Ысык-Көл өрөөнүндөгү Жети-Өгүз аймактарында салттуу мал чарбачылыгы, Чүй өрөөнүнүн Ысык-Ата, бөксө тоолуу Талас өрөөнүнүн батышындагы Манас аймактарында мал чарбачылыгы жана дыйканчылык, Фергана өрөөнүнүн Ноокат аймагында сугат дыйканчылыгы басымдуу түрдө колдонулуп, алардан алынган эт жана дан азыктары күнүмдүк тамак ичүүнүн негизги курамдык бөлүктөрүн түзгөн. Бул мезгилде кыргыздардын күнүмдүк тамак ичүү системасында чарбачылыкка байланышкан аймактык жана мезгилдик өзгөчөлүктөр байкалган.

Өткөн кылымдын 20–40-жылдарында Ноокат аймагы жайгашкан Фергана өрөөнүндө сугат дыйканчылыгы, жашылча өстүрүүчүлүк жана багбанчылык кенен тарап, алардан түшкөн азыктар, дандар, жашылча – жемиштер күнүмдүк тамак–аш системасынын негизин түзгөн. Жаратылышынын жана аба–ырайынын өзгөчөлүктөрүнө ылайык Ысык-Көл, Чүй, Талас өрөөндөрүндө жашаган кыргыздар ата салтын улантышып, өздүк көмөкчү чарбаларында дыйканчылыктын негизги бөлүгү болгон сулууну, тарууну, конокту, арпаны, жүгөрүнү жана буудайдын ар түрдүү сортторун (астаркан буудай, ырсай буудай, амрыкан буудай) өстүрүшкөн. Бул региондордо мал чарбасы дыйканчылыктын кошумча элементи катары эсептелген. Ал эми бийик тоолуу Тянь-Шань, Памир, Алай зоналарынын тоо арасындагы өрөөндөрүндө сулуу, арпа, климатына ылайык аз санда буудай өстүрүшүп, негизги чарбачылыгын мал чарбасы түзгөн.

Эртең мененки тамак изилденилген этнографиялык аймактарда ар түрдүүчө аталган: Ноокат, Манас аймактарында саар тамак, Ат-Башы өрөөнүндө соор тамак, Ысык-Ата жана Жети-Өгүз аймактарында эртең мененки тамак. Эртең мененки тамакта колдонулуучу азыктардын курамы Кыргызстандын бардык аймактарында бирдей болбой, аймактык өзгөчөлүктөргө дуушар болгон. Мындай өзгөчөлүктөрдүн өкүм сүрүшүнө ата–бабабыздан бери сакталып келе жаткан салттуу көчмөн турмуштун жана мал чарбачылыгынын таасирлери, кошуна жашашып түрк тилинде сүйлөгөн этникалык топтор (өзбек, казак, уйгур, татар) менен маданий байланышынын калыптанышы, 20–30 жылдарда жүргүзүлгөн социалдык-экономикалык (жер-суу реформалары, артелдердин, коммуналардын, жерди иштетүү боюнча шериктештиктердин түзүлүшү) кайра жаңылануулар, көчмөн жана жарым көчмөн кыргыз чарбаларын отурукташтыруудагы, коомдук коллективдүү бирикмелерди, туруктуу (стационардык) кыштактарды уюштуруудагы карама–каршылыктар, мусулман жана христиандардын ортосундагы айырмачылыктар залакасын тийгизген (15).

Ноокат аймагындагы саар тамактын негизин кара же көк чай, тандыр нан же патыр нан, жүзүм, мисте, бадам, өрүк түзгөн. Эл арасында «бадам, мисте, жаңгагы – май катары ар бири» деген ишеним узакка чейин сакталынган. Социалдык жагынан байыраак үй бүлөлөрдө сүт азыктарынан даярдалган кам каймак, бышкан каймак же сары май колдонулган. Мын-

дай үй бүлөлөрдө үй чарбачылыгы эки багытта жүргүзүлгөн: дыйканчылык жана мал чарбачылыгы (2).

Саар тамакка караганда түшкү тамак же түштөнүү кабыл алынган азыктардын кубаттуулугу (калориясы) боюнча айырмаланган. Даректүү этнографиялык материалдарга караганда, мындай тамактын курамына көжө (күрүч көжө), атала, шорпо, жуурат, шир күрүч, чабаты, каймакка катуураак көөлөнгөн алгы талкан, нават, алма, алмурут жана башка мөмө жемиштери кирген. Мындай азыктарды кабыл алууда кара же көк чай сөзсүз колдонулган. Баяндоочулардын айткандарына караганда көк чай улуттук суусундуктардын курамына киргендиги менен өзгөчөлөнгөн (2).

Фергана өрөөнүндө жашаган кыргыздар кечки тамакка өзгөчө көңүл бурушкан. Малдын же зыгырдын майына жасалган күрүч аш, пан аш, майда малдын этинен (көшүнөн) даярдалган шорпо кечки тамакты кабыл алууда өзгөчө орунду ээлеген. Респонденттердин айткандарына караганда, 20–30-жылдары шорпонун курамына картошка өзгөчө тамак ингредиент катары колдонулбаган. Кээ бир ортодон байыраак үй–бүлөлөрдө жиликтери (устукандары) сындырылган койдун этинен бешбармак даярдашат. Улгайып калган ноокаттык аксакалдардын билдирүүлөрүнө караганда, «бул мезгилде улуттук тамак–аштын курамына кирген бешбармак, нарын эл тарабынан көбүрөөк даярдалбастан, унутула баштаган» (2). Кошуна жашаган өзбек, тажик, кыпчак, татар, элдеринин тамак азыктарынын кээ бир түрлөрү: аш, паллоо (плов), чак-чак, санза, калбойтор кыргыздардын күнүмдүк тамак рационунан киргендиги менен айырмаланган. Башка изилденген аймактарга караганда, Фергана өрөөнүнүн түздүктүү райондорундагы кыргыздардын күнүмдүк тамак ичүү системасында багбанчылыктан, жашылчачылыктан жана күрүчтөн алынган азыктар басымдуулук кылган. Салттык тамак ичүү системасынын эрежелери жана казак эли менен болгон этникалык байланыштын жыйынтыгы Талас өрөөнүнүн түндүк-батышында жайланышкан Манас аймагындагы кыргыздардын күнүмдүк тамак ичүү системасында байкалган. Бул аймакта өткөн кылымдын 20–40-жылдары мал чарбасы менен катар дыйканчылыктагы дан өстүрүүчүлүккө өзгөчө көңүл бурушуп, күнүмдүк тамак-ашында буудайдын жана арпанын унунан жасалган азыктарга өзгөчө көңүл бурушкан. Анын үстүнө изилденилген аймакта этникалык курамы боюнча чала казактарга тиешелүү топ басымдуулук кылган. Мындай топ этнографиялык көз карашта акырына чейин калыптанып бүткөн эмес. Анын курамына кыргыздар, казактар, уйгурлар, татарлар жана башка этникалык бирикмелердин өкүлдөрү киришкен. Курамына бир нече этникалык топтун өкүлдөрү кирген Манас аймагынын жашпоочуларынын эртең мененки тамагы сүттөлгөн кара чайдан (сүт чай), казанга же табага бышырылган нандан, сүт каймагынан, майда боорсоктордон (бытырадан), бышкан сүттөн даярдалган кесме же күрүч боткосунан турган (3).

Чүй өрөөнүнүн Ысык-Ата аймагынын кыргыздары эртең мененки тамакты ичүүдө сүт азыктарынан даярдалган оокаттарды көбүрөөк пайдаланышкан. Мындай оокаттардын курамына каймагы бөлүнө элек кайнатылган сүт (пиалага же чыныга куюлган кайнатылган сүткө сары май кошулган), кам каймак же бышкан каймак, ачыган буудайдын унунан жасалган шыбама нан, жүгөрүнүн загырасынан даярдалган загыра көмөч, суюгураак куурма чай же шир чай, чакмак кант же шекер (4).

Жогоруда аталган өрөөндөргө караганда, Жети-Өгүз (Ысык-Көл) жана Ат-Башы (Тянь-Шань) аймактарында жашаган кыргыздардын күнүмдүк эртең мененки колдонулуучу тамак-ашында илгертеден бери келе жаткан салттык эрежелер XX кылымдын 20-40-жылдарында бекемирээк сакталган. Эртең мененки же саар тамактын курамын негизинен үйдө кармалган мал жандыктарынан алынган сүт азыктары түзгөн. Респонденттердин айткандарына караганда, «сүт – табияттын өзү даярдап берген керемет оокаты». Чынында эле жаратылышта сүттөн бөлөк адам түздөн түз ичип, жейт турган дап-даяр оокат жок. Сүттүн дүйнөдөгү эч нерсе менен алмаштырууга мүмкүн болбогон табыгый касиеттери, тендешсиз сапаты, организмге пайдаланууга керек болгон витаминдин молдугу адамзаттын көп кылымдык тажрыйбасынан жана илимий жактан толук далилденген. Сүт азыктарынын ичинен бышырылган сүт (бышык сүт), кам каймак көбүрөөк колдонулган. Себеби, ошол мезгилдеги жашоо-турмушка ылайык, сүт азыгы кыргыздардын тамак-аш системасында маанилүү орунду ээлеген. Күнүмдүк рациондо сүттүн төмөндөгүдөй түрлөрү пайдаланылган: койдун сүтү, эчкинин сүтү, уйдун сүтү, бээнин сүтү, топоздун сүтү. Өткөн кылымдын 20–40-жылдарында Кыргызстандын аймагында өткөрүлгөн социалдык-чарбалык кайра жаныланууларга, (биргелешкен чарбаларды түзүү, көчмөн жана жарым көчмөн чарбаларды отурукташтыруу) ылайык, биздин аймакта, өзгөчө тоолуу жана тоо арасындагы өрөөндөрдө кыйын жана татаал экономикалык жагдай өкүм сүргөн. Мына ушундай тарыхый-чарбачылык факторлор күнүмдүк тамак-аштагы аймактын жана локалдык өзгөчөлүктөрдүн сакталышына түрткү болгон. Ат-Башы жана Жети-Өгүз аймактарындагы кыргыздардын эртең мененки тамагын сүттөлгөн чай же сүт чай (даяр чайга сүт жана керектүү өлчөмдө туз кошулган), куурма чай, кам каймак же бышкан каймак, казан нан (казанга бышырылган нан) же көмөч нан (көмөчкө бышырылган нан), боорсок, жарма же максым, айран же уй кымыз түзгөн (5,6).

XX кылымдын биринчи жарымында изилденген объекттерде жашаган кыргыздардын түшкү тамагында жогоруда көрсөтүлгөн өзгөчөлүктөр негизинен сакталган. Бирок, Ноокат аймагындагы жашаган кыргыздарда дыйканчылыктын, багбанчылыктын, жашылча өстүрүүчүлүктүн башка изилденген аймактарга караганда кенен тарашы түшкү жана кечки тамактарда колдонулуучу азыктардын өзгөчөлөнгөн түрлөрүнүн пайда болушуна шарт түзгөн. Мындай өзгөчөлүктүн калыптанышына кошуна жашашкан өзбек, кыпчак, тажик жана башка элдердин тийгизген этномаданий таасирлери да өзгөчө орунду ээлеген. Себеби, аталган аймактарда климаттык жаратылыш шартына ылайык, көк чай улуттук тамак-аштын курамына киргендиги менен мүнөздөлөт. Жаратылыш шартынын жана климаттык тамак-аш системасына тийгизген таасирин ноокаттыктардын түшкү жана кечки тамак ичүү рациона аркылуу мүнөздөй алабыз. Түздүктү ээлеген аймагы сугат дыйканчылыгына, жер-жемиш, жашылча жана мөмө жемиштерин өстүрүүгө ыңгайлуу болгондуктан ысык оокаттарын жасоодо этникалык кээ бир салттардын акырындык менен жоголушуна шарт түзүлгөн. Кыштактарда жашаган кары аксакалдардын, кемпирлердин белгилөөлөрүнө караганда, XIX кылымдын аягы—XX кылымдын башынан тартып Ноокат аймагында жашаган уруулардын арасында улуттук нарын, бешбармак жана башка эти көбүрөөк кошулган тамактар

элдик ашканада көбүрөөк жасалбастан, унутула баштаган (2). Ошону менен бирге майда мал союда жиликттерди, кабыргаларды, жамбаштарды экиге бөлүү эрежеси калыптанган. Түшкү жана кечки тамак рационунун курамына жер жемиштеринин, мөмө жемиштеринин жана күрүч азыгынын кененирээк киргендиги менен башка изилденилген объекттерден айырмаланган.

Талаада чогултулган даректүү этнографиялык материалдардын негизинде ноокаттык кыргыздардын түшкү жана кечки тамак рационунун курамына төмөндөгүдөй азык заттарына киргендигин тастыктайбыз. Ысык түрүндө жасалган оокаттар: аш, паллоо (плов), атала, көжө, куйрук боор, жуурат, коютмак, сүтөмүк айран, казан нан, загыра нан, көчөн нан, тандыр нан, чангел нан, шырман нан, ар түрдүү азыктардан жасалган шоолалар, карагат, кайнаалы өрүк кыямынан жасалган кыям чай, алма кагынан же төрткө бөлүнгөн алмадан даярдалган алма чай, нан аш же нан паллоо, мыкты түрдөгү көк чайдан кайнатылып даярдалган раис чай, жакна чай жана башкалар (2). Түшкү жана кечки тамакка кирүүчү азыктардын курамы ошол үй-бүлөнүн коомдо ээлеген социалдык абалына, кызматына жараша болгон. Жогоруда аталган ысык оокаттар ноокаттыктардын же Фергананын түздүк аймактарында жашашкан кыргыздардын бардыгына тиешелүү болгон эмес. Себеби, түшкү жана кечки тамак рациона бири-бирине окшошпогон варианттуу өзгөчөлүктөргө ээ болгон.

Ноокаттыктардын түшкү жана кечки тамак-аш рациона караганда Талас өрөөнүнүн Манас аймагында жашаган кыргыздардын күнүмдүк тамагы ундан жасалган камыр оокаттарына негизделген. Респонденттердин белгилөөлөрүнө караганда, XX кылымдын 20-40 жылдарында түшкү жана кечки тамак рациона кирген азыктарда талкан жана ун кошулган тамактар басымдуулук кыла баштаган. «Талкан» деп жалпы атка ээ болгон дан азыктары өз ичинен төмөндөгүлөргө бөлүнгөн: арпа талкан, буудай талкан, жүгөрү талкан, таруу талкан, конок талкан. Арпа талканы таза түрүндө колдонулбастан, ага буудай талканы кошулуп кара жарма, максым, көөлөнгөн талкан, жүгөрү атала, талкан көжө жана башкаларды жасашкан.

Талас өрөөнүнүн түндүк-батышында жайгашкан Манас аймагынын кыргыздарынын күндөлүк тамактануусунда ар кыл кесмелер, жупкалар, чабатылар топуктуу, аш болумдуу жана даамдуу ысык аштардан болуп саналган. Тегирменге даярдалып ун азыктарынан жасалган тамактар жалпысынан камыр оокаттары деп аталган. Талас, Чүй, Ысык-Көл, Тянь-Шань аймактарында изилденилген объектилерде нукура кесмеден же жупкадан (күлчөтай) ар түрдүү тамактын түрлөрүн даярдашкан эмес. Кесме же жупка (күлчөтай), жасалышына карата эки түргө бөлүнгөн: кайнатма кесме, кайнатма жупка (күлчөтай), куурума кесме, куурума жупка (күлчөтай). Жасалышы боюнча жогорудагыдай түрлөргө бөлүнгөн кесмелердин ичинен Манас аймагында шортек кесме, туурамшы кесме, сүт кесме, туурама кесме деген аттарга ээ болгон. Бул аймактын батыш жагында кыйма кесме, жашан күлчөтай, сүрөөн күлчөтай басымдуу түрдө колдонулган. Улгайып калган аксакалдардын жана кемпирлердин айткандарына караганда, XX кылымдын 20-30-жылдарында жетиштүү малы, жери бар оокаттуу адамдар бышык күлазык, кошкон күлазык, кээ бир үй-бүлөлөрдө кыргыздын эн байыркы тамагы думбалама ташкордо, асма ташкордо тамактарын жасашкан (3).

Ысык-Ата, Жети-Өгүз, Ат-Башы аймактарында жашашкан кыргыздардын түшкү жана кечки тамак рациондорунда жыл мезгилинин өзгөчөлүктөрү жана мал чарбасынын салттуу шарттары бекемирээк сакталган. Изилденген объектилерде кечки тамактанууда гана ысык оокат берилген. Ысык оокаттардын негизги майда жандыктардын (койдун, эчкинин) эти жана сүтү түзгөн. Бул мезгилде мурунтадан сакталып келе жаткан ата-журттун салттык тамактары күнүмдүк тамак-ашта пайдаланылган. Мындай тамактардын курамына негизги эттен жасалган үйүрмө наарын, сүрөөн наарын, ак дөбө наарын, шапшыма наарын, асма ташкордо, жапма ташкордо, кошкон күлазык, аралаш күлазык, кара куурдак, борпошо куурдак, кийик куурдак, сүт азыктарынан түрдүү аталыштагы каймактар (кам каймак, коймо каймак, бышкан каймак, чийки каймак), сары май, кошкон май, чөбөгө, жуурат, түрдүү аталыштагы айрандар (нак айран, кам айран, келегей айран), эжигей, быштак, куруттар кирген. Аталган аймактарда кымыздын түрлөрү (тунма кымыз, саамал кымыз, чайкаган кымыз, төө кымыз, уй кымыз) өзгөчө орунду ээлеген.

Мына ошентип, XX кылымдын биринчи жарымында кыргыздардын күнүмдүк тамак ичүү системасында улуттук традициялык элементтер кенен сакталынып, кошуна элдердин тамак ичүү системасы жана чарбачылыктагы болгон өзгөрүүлөр белгилүү өлчөмдө күчтүү таасир тийгизе алган эмес.

Кыргыздардын күнүмдүк тамак азыктары жана күнүмдүк тамак ичүү рационун өткөн кылымдын 50-жылдарынын ортосунан өзгөрүүгө дуушар болду. Себеби, тамак ичүүдөгү этникалык стереотиптердин өзгөрүшүнө ошол мезгилдерде болуп өткөн социалдык-экономикалык өзгөрүүлөр (Улуу Ата Мекендик согушта көп улуттуу совет элинин женип чыгышы, майда колхоздорду ирилештирүү, улуттук жумушчу табынын, интеллигенциянын көбөйүшү жана башкалар), улут аралык мамилелердин оңолушу жана орус эли менен достуктун чыңдалышы, башка элдердин маданиятынын жана тамак-ашынын кээ бир түрлөрүн жергиликтүү кыргыздар тарабынан кабыл алышы, шаар маданиятынын айыл жерлерине тийгизген таасирлери абдан чон көмөк көрсөттү. Ушул мезгилде Фергана өрөөнүндөгү кыргыздардын, анын ичинде ноокаттыктардын күнүмдүк тамак-аш рационунда маанилүү мазмундагы өзгөрүүлөр пайда болду. Маанилүү мазмундагы өзгөрүү дегенибиз, күнүмдүк тамак-аш рационун кирген тамактардын көбөйүшү, курамынын татаалдашы жана кошуна элдерге тиешелүү тамак азыктарынын киргизилиши. Мурунку баскычка караганда 50-60-жылдардын ортосунда ноокаттыктардын күнүмдүк тамак-ашында багбанчылыкка, жүзүмчүлүккө тиешелүү мөмө жемиштери (алма, ашпурут, гилаз, мейиз, жүзүм), кургак дан азыктары (мисте, жангак, өрүк данектери), курамында күрүч дандары басымдуулук кылган ысык тамактар (күрүч атала, дезире аш, өзгөн аш, сызык шөөла, күрүч шөөла), түрдү жашылчалардан, өсүмдүктөрдөн шекепаптар көбүрөөк колдонула баштады. Негизи бөртөлөнүп тууралган майда этке түрдүү өсүмдүктөр (сарымсак же көк пияз, көк калемпир, түрп, сабиз, помидор), жашылчалар (ашкөк, зире, гилаз, кашмүч, жүзай, нокот) майдаланып кошулуп пахта майга же тоңгон майга куурушкан. Куурулган массага керектүү өлчөмдөгү суу кошуп бышырганда өткүл даамдагы кайнатма чыкты же кайланы алышкан. Азыктын мындай түрү түшкү же кечки тамакка берилген.

Изилденген башка аймактарга караганда, ферганалык кыргыздардын күнүмдүк тамак-ашында татымалы көбүрөөк халвалар (кунжут халва, фархат халва, миндал халва, жангак халва), өсүмдүк шербеттер (гилаз шербет, өрүк шербет, анар шербет, алма шербет), ундан жасалган таттуураак калбойто, санзалар, каттама жана жер-жемиш азыктары басымдуурак түрдө колдонулган (2).

Манас аймагында жашаган кыргыздардын түшкү жана кечки тамак-аш рационун Чүй, Ысык-Көл, Тянь-Шань аймактарында жашаган кыргыздардын күнүмдүк тамагынан дан жана ун азыктарынан көбүрөөк катышышы менен айырмаланган. Себеби, алардын түшкү же кечки тамак рационунда камырдан же дандан (нокоттон) жасалган ысык оокаттар басымдуулук кылган. Өзгөчө жакшылап ийленген буудай унунан жасалган күлчөлөр, чабатылар, сүртмөлөр, катырмалар, күлчөтайлар адамдын организмине керектүү витаминдери менен айырмаланган. Респонденттердин маалыматтарына караганда, XX кылымдын 50-60-жылдарында Манас аймагында жашаган кыргыздардын мал чарбачылыгында майда жандыктарды (койду, эчкини) жана тоок канаттууларын өстүрүү үстөмдүк кыла баштаган. Ар бир кожолукта бирден же экиден ую болсо да, жаратылыш жартына ылайык жылкы багууга өзгөчө көңүл бурушкан эмес. Чарбачылыктын жогоруда көрсөтүлгөн өзгөчөлүктөрүнө ылайык, манастыктардын күнүмдүк ысык оокаттарында эт азыраак колдонула баштаган. Алардын ысык оокаттарына эт анча-мынча кошулса да шорпонун майына бышырылган күлчө маанилүү орунду ээлеген (3).

Изилденген объектилердин ичинен Ысык-Ата аймагында жашаган кыргыздардын күнүмдүк тамак рационунда маанилүү өзгөчөлүктөр байкалган. Себеби, бул аймакта көп улуттуу элдердин өкүлдөрү, шаар агломерациясынын (Бишкек, Кант, Токмок) жакын жайгашышы жана жергиликтүү элдин башка улуттардын чарбасына, маданиятына болгон өтө кызыгуу чечүүчү ролду ойногон. Мурункуга караганда, ысык-аталыктардын чарбачылыгында дыйканчылык, жашылча өстүрүүчүлүк, багбанчылык, канаттуу өстүрүүчүлүк маанилүү орунду ээлеп, алардан алынган тамак-аш сырьесу түшкү жана кечки тамак рационунун негизин түзөт. Мындай процесске шаар маданиятынын таасири да тиет. Топтолган даректүү этнографиялык материалдарга караганда, ысык-аталыктарынын түшкү же кечки тамагында кайлоо (варенье), жашылчалардан жана өсүмдүктөрдөн даярдалган салат, курамына койдун, тооктун, өрдөктүн, каздын, индюктун эттери, картошка, сабиз, капуста жана башка даамдуу, жыттуу жашылчалары кошулган ысык оокаттар даярдала башталган. Алардын курамына төмөндөгүлөр киргендигин атасак болот: Малина кайло, карагат кайло, өрүк кайло, алча кайло, аралаш салат (курамына помидор, бадыран, көк пияз, көк калемпир, ашкөк, каймак, туз кирген), картөшкө салат, кымыздык салат, бадыран салат, капуста салат, сабиз салат, кызылча салат, эрмен шорпо, тоок шорпо, балык шорпо, тоок кесме, куурма кесме, куурулган тооктун эти, куурулган өрдөктүн эти, куурулган индюктун эти, куурулган каздын эти, күрүч аш, картөшкө манту, эт манту, камыр оромо, балык оромо, тоок оромо, каз оромо, куурулган картөшкө, куурулган капуста, куурулган же сууга бышырылган жумурткалар, жаркоп, пияздуу каттама жана башкалар. Өздүк чарбада бодо малдарды кармоонун аздыгынан Чүй өрөөнүнүн түздүктүү аймактарында

улуттук тамак-аштын негизин түзгөн нарын, беш бармак, кымыз, бозо жана башкалар азыраак даярдалып унутула баштаган. Кантсе да Чүй аймагында жашаган кыргыздардын күнүмдүк рационунда изилденилген башка объектилерге караганда жаныдан кошулган трансформациялык өзгөрүүлөр кененирээк байкалган (4).

Ысык-Көл жана Тянь-Шань аймактарында 40-жылдын аягынан 60-жылдардын ортосуна чейин кыргыздардын түшкү жана кечки тамак-аш рационунда салттык этникалык өзгөчөлүктөр көбүрөөк сакталынган. Чылгый эттен жасалган нарын тамагы, тамакка колдонулуучу жапайы табигый чөптөр, атала, көжө жана башка эт, сүт азыктарына негизделген кээ бир муздак жана ысык тамактар колдонуудан кала баштаган. Ошондой болсо да өлкө ичиндеги миграция, шаар калкынын жана башка улуттагы элдердин тамак-аш системасы аталынган аймактарда жашаган кыргыздардын күнүмдүк тамак ичүү системасына өз таасирин тийгизген.

XX кылымдын 60-жылдарынын экинчи жарымынан эгемендүү Кыргыз Республикасы негизделгенге чейин изилденген объектерде жашаган кыргыздардын күнүмдүк үйдө тамак ичүү системасында барымталуу өзгөрүүлөр байкалган. Башкача айтканда, күнүмдүк тамак-аштын курамына кирген азыктардын, муздак, ысык оокаттардын, суусундуктардын көбөйүшүнө алып келген. Мурда тамак-аш рационунда колдонулбаган самса, лагман, ашлямфу, манту, түрдүү чүчпаралар, салат, шишкебек, таттуу суусундуктар, кайло жана башкалар күнүмдүк рациондун курамына киргендиги менен айырмаланат.

Жогоруда анализге алынган даректүү материалдардын негизинде биз төмөндөгүдөй жыйынтыкты айта алабыз.

Жетимиш төрт жылды өз кучагына алган совет бийлиги мезгилинде кыргыздардын күнүмдүк тамак-аш системасында бир топ жаны этникалык, инновациялык, трансформациялык өзгөрүүлөр болду. Мындай өзгөрүүлөрдүн жүрүшүнө өздүк жана коомдук чарбанын жаныланышы, республиканын көп улуттуу инсандарынын ортосунда бириктирүү, кошулуу багытында жүргүзүлгөн этномаданий процесстер, шаар калкынын айылкыштактарда жашаган жергиликтүү элдин азык-түлүк рационунда тийгизген таасири басымдуу ролду ээледі. Ички миграциянын (кыштак-шааркыштак), айылдык интеллигенциянын өсүшү күнүмдүк тамак-аш системасынын өзгөрүшүнө жакшы шарттарды түздү. Тамак-аш рационунда мурункудай салттык сезондуулук жоюлду. Ошондой болсо да тамак азыктарынын кээ бир аталыштарында аймактык же диалектикалык аталыштар байкалууда.

КОШУМЧА ТҮШҮНҮКТӨР:

¹ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971; Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере Казахстана и Киргизии) // Труды Ин-та этнографии АН СССР. – М.-Л., 1973. – С.98.

² Автордун талаа дептери (АТД).-№1-дептер.- Ош областы Ноокат району (2003-жыл).

³ АТД.- №2-дептер.- Талас областы Манас району (2004-жыл).

⁴ АТД.- №3-дептер.- Чүй областы Ысык-Ата (Кант) району (2004-жыл).

⁵ АТД.- №4-дептер.- Ысык-Көл областы Жети-Өгүз району (2005-жыл).

⁶ АТД. – №5-дептер.- Нарын областы Ат-Башы району (2006-жыл).

⁷ Айтбаев М.Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. – Фрунзе, 1957; Ошонуку. Пища киргизов XIX и начале XX веков. // Изв. АН Кирг. ССР. – Сер, общ. наук.– Т.IV.– Выпуск I. – Фрунзе, 1963

⁸ Арутюнов С.А. Введение и заключение//Этнография питания народов стран Зарубежной Азии, Опыт сравнительной типологии. – М., 1981.– С.5, 247-248.

⁹ Арутюнов С.А.Миртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография.– 1981.– №.4.– С.4

¹⁰ Бежкович А.С.Историко-этнографические особенности киргизского земледелия // Труды Ин-та этнография АН СССР. – М.-Л., 1973. – Т.98

¹¹ Бердиев М.С. Трансформация традиционной системы питания туркмен в наши дни /Советская этнография. – 1985.– №.1. – С.88-98; Ошонуку. Традиционная система питания туркмен (этнокультурный аспект) – Ашгабат, 1992.– С. 88-101.

¹² Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания)//Советская этнография.–1979.– №.5.– С. 64-65.

¹³ Кочкунов А.С. Система питания киргизов (опыт этнологического анализа соотношений традиций и инноваций) // Коомдук илимдер.– 2003. –№.8.– С.-213-233; Ошонуку. Традиционная пища киргизов (некоторые вопросы типологии) Билим жана тарбия.– №1-2.–2003.

¹⁴ Махова Е.И. Пища и утварь//Быт колхозников киргизских селений Чычкан и Дархан. (Труды Ин-та этнография АН СССР. – Нов.серия. Т.37). – М.,1958.

¹⁵ Өмүрбеков Ч.К. Киргизско-узбекские этнокультурные связи в материальной культуре южных киргизов// Всесоюз. сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980-1982 гг. – Нальчик, 1982 Ошонуку. Роль социально-культурных факторов в развитии пищевого рациона киргизов//Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. – М.,1983.– С.192-202. Ошонуку. Трансформация традиционной пищи киргизов в советское время // Материалы XIII Межреспубликанской научной конференции молодых ученых АН-Кирг.СССР. – Фрунзе, 1986.– С. 314-316.

¹⁶ Өмүрбеков Ч.К. Молдокулова Д.Т. Кыргыздардын тамактавуу мезгилинде колдонгон салттык жүрүм-турум-эрежелери (этнографиялык талаа материалдарынын негизинде)/КМУнун жарчысы. – Серия:Коомдук илимдер.– Чыг.7. – Б.,2007.

¹⁷ Станюкович Т.В. Шмелева М.Н. Пища //Современные этнические процессы в СССР.– 2-е изд. – М., 1977.– С. 239-240, 255-257.

¹⁸ Эмпирикалык талаа этнографиялык материалдары 2003-2007-жылдары Ош областынын Ноокат, Талас областынын Манас, Чүй областынын Ысык-Ата (азыркы Кант), Ысык-Көл областынын Жети-Өгүз, Нарын областынын Ат-Башы райондорунун 37 айылкыштактарынан чогултулган.

¹⁹ Шмелева М.Н. Вопросы типологии и классификации при сравнительном изучении пищи народов СССР//Всесоюзн. сессия, посвящ. итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976-1977 гг. – Ереван, 1978. – С. 147-148.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать 1 п. л. (40 тыс. знаков, включая пробелы), для разделов "Факты, Комментарии, Заметки", "Книжное обозрение (рецензии)", "Научная жизнь" – не более 7 страниц;
- статьи должны быть напечатаны в 2-х экз. через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа + дискета;
- таблицы, схемы, графики, рисунки и др. Иллюстрации должны быть даны на отдельной старнице, пронумерованы и озаглавлены;
- пронумерованный список использованной литературы (примечания) не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте и в конце статьи.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имя собственных, географических и прочих сведений.

Рукопись статьи принимается в тщательно отредактированном виде.

К рукописи прилагаются:

Авторская справка: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: адрес номера телефонов сл. и дом., электронный адрес.

В связи с новым положением о рецензируемых научных периодических журналах и изданиях, утвержденным постановлением Президиума НАК КР от 4 декабря 2008 года №182, публикуемые статьи должны отвечать следующим требованиям:

- РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ВСЕХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ДОЛЖНО ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ ДОКТОРАМИ И КАНДИДАТАМИ НАУК, А КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ – ДОКТОРАМИ ИЛИ КАНДИДАТАМИ НАУК.

Научные статьи принимаются только согласно вышеуказанным требованиям.

КЫРГЫЗСТАН ТАРЫХЫНЫН МАСЕЛЕЛЕРИ
илимий журнал

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА
научный журнал

Компьютердик калыпка салган Т. Сандыбаева

Терүүгө 1.03.2010-ж. берилди. Басууга 11. 06.2010-ж. кол коюлду.
Форматы 84x108^{1/32}. Офсеттүү басылма. Көлөмү 8,0 басма табак. Нускасы 150.

КР Юстиция министрлигинин каттоо күбөлүгү №1141. 16-январь 2006-ж.
Түзгөндөр: КР Улуттук илимдер академиясы.

Тарых жана маданий мурас институту.

Редакциянын дарегі: Бишкек, Чүй проспектиси, 265/а, №316, 318 кабинеттер,
телефондор: 64-19-40; 64-19-77.

«Гүлчынар» басмаканасында басылды.
Бишкек ш., Токтогул көчөсү, 106.